

ВОСПОМИНАНІЯ А. Л. ЗЕЛАНДА

О ПОЛЬСКОМЪ ВОСТАНІИ И ВОЙНѢ

1830—1831 гг.

Почитывая иногда съ большимъ интересомъ журналъ „Русская Старина“, мнѣ пришла охота привести въ порядокъ хранившіяся у меня замѣтки о приключеніяхъ со мною и впечатлѣніяхъ со дня возмущенія въ Варшавѣ въ 1830 г. до выѣзда моего изъ Польши въ 1833 г. Не до того мнѣ было въ то время, чтобы вести записки; я дѣлалъ замѣтки, выписки, и списывалъ, если попадется что замѣчательное.

По преклонности лѣтъ и разстроенному слишкомъ 46-лѣтнею службою здоровью, я вынужденъ оставить нынѣ службу, и вотъ время позволяетъ мнѣ заняться описаніемъ впечатлѣній давно минувшихъ лѣтъ, въ надеждѣ, что безыскусственный рассказъ мой, при незначительномъ, можетъ быть, историческомъ интересѣ его, все-таки можетъ заинтересовать читателей. Я сошелъ со сцены, живу преимущественно прошлымъ, и занятіе это доставить мнѣ самому пріятныя воспоминанія объ очаровательныхъ дняхъ беззаботной молодости, о разгульной походной жизни, о дружескихъ бесѣдахъ у пылающихъ костровъ и объ опасностяхъ, которыхъ мы тогда не замѣчали, увлекаясь мечтами о геройскихъ подвигахъ и предстоявшихъ наградахъ.

Возмущеніе 1830 и война 1831 годовъ такъ обстоятельно описаны въ переведенномъ въ послѣдствіи на русскій языкъ сочиненіи Смита, что нѣтъ надобности въ подробномъ изложеніи хода событій. Такой трудъ мнѣ не по силамъ; я-бы желалъ передать только то, что самъ пережилъ въ то время или слышалъ отъ другихъ. Смитъ грѣшитъ въ одномъ: онъ, какъ землякъ графа Дябича, отстаиваетъ его сколько есть силъ, и не знаю почему сильно довѣряетъ реляціямъ, а кому неизвѣстно, что онѣ сочиняются и, по большей части, далеко уклоняются отъ истины. Читалъ я первыя двѣ части Смита въ 1840-хъ годахъ; а напечатаны онѣ въ Берлинѣ въ 1839 году. Помнится мнѣ, я не нашелъ одного обстоятельства въ сочиненіи этомъ, которое, по своему значенію, безъ сомнѣнія, повліяло на успѣхъ возстанія. Вотъ въ чемъ дѣло: изъ Литовскаго корпуса и изъ Гренадерскаго отряда, расположенныхъ по границѣ Царства Польскаго, православные переведены были, въ началѣ 1820-хъ годовъ, въ наши войска внутри имперіи, а изъ нихъ уроженцы Польши границъ 1772 года поступили въ составъ Литовскаго и части резервнаго корпусовъ. Вслѣдствіе такого административнаго распоряженія, эти войска, за исключеніемъ артиллеріи, красовавшіяся, какъ и польскія войска, желтыми воротниками и отворотами, составляли какъ-бы часть польской арміи. Русской рѣчи между офицерами не было слышно,—все ихъ знаніе русскаго языка ограничивалось изученіемъ командныхъ словъ. Въ артиллеріи этого перемѣщенія не было, и хорошо сдѣлали. У насъ были поляки и между офицерами, но они составляли между собою особыя кружки и говорили по-польски, а съ нами вообще, въ квартирѣ-же командира роты въ особенности—все говорили по-русски. До 1829 г. въ нашихъ ротахъ гренадерской бригады было почти три комплекта офицеровъ, составлявшихъ партіи: польскую и не польскую, пребывавшія не всегда въ добромъ согласіи. Иногда ссоры выходили изъ пустяковъ. Помнится мнѣ, какъ кто-то, полушутя, разъ замѣтилъ, что у поляковъ нѣтъ чести — и страшный споръ чуть не кончился дракою; а произошелъ онъ вотъ изъ чего: на польскомъ языкѣ есть честность (почтивосць), но слово „честь“ замѣняется латинскимъ „honor“, слѣдовательно оно позаимствовано.

Литовскій корпусъ имѣлъ одну уланскую, двѣ пѣхотныя дивизіи и батальонъ саперъ. Въ каждой пѣхотной дивизіи было

4 полка пѣхотныхъ и два егерскихъ съ комплектными батальонами, не такъ какъ въ настоящее время. Въ Бѣлостокской области были расположены два гренадерскихъ и одинъ карабинерный полки, входившіе въ составъ резервнаго корпуса съ гвардіею варшавскаго. Понятно, такія силы, при обстоятельствахъ выше изложенныхъ, представляли значительный шансъ заговорщикамъ. Конечно, поляки—не охотники здраво обсуждать шансы: они бросаются въ объятія революціи хронически. Наполеонъ I долго водилъ ихъ за носъ обѣщаніями золотыхъ горъ, но, наконецъ, въ 1813 году, когда самому пришлось плохо, онъ объявилъ присланной изъ Варшавы депутаціи слѣдующую непреклонную истину: „votre nation porte sa ruine dans son caractère“.

I.

Возмущеніе въ Варшавѣ

Я служилъ съ роднымъ братомъ, Иваномъ Львовичемъ, Литовской гренадерской бригады въ 1-й батарейной ротѣ, квартировавшей Бѣлостокской области въ г. Соколѣхъ. Незабвенный братъ и другъ мой скончался въ началѣ 1850 г., въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба.

Осенью 1830 г. я былъ командированъ, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Драчевскимъ, отъ 2-й легкой роты, въ школу юнкеровъ артиллеріи и саперъ, собираемой на зиму въ Варшавѣ, куда и прибыли мы въ началѣ октября. Школою командовалъ полковникъ польскихъ войскъ, и изъ числа 7-ми оберъ-офицеровъ, для очереднаго дежурства, насъ только трое было русскихъ. Сильно стали поговаривать о существующемъ заговорѣ и ожидаемомъ возмущеніи; нерѣдко подбрасывались угрозы и пасквили къ Бельведеру, въ которомъ жилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, наконецъ прибили объявленіе объ отдачѣ его съ новаго года въ наймы. Польскіе офицеры косо на насъ поглядывали, не давали дороги при встрѣчѣ на узкихъ городскихъ тротуарахъ и мы нешути стали совѣщаться о средствахъ защиты, если-бы возстаніе, какъ полагать надо было, вспыхнуло-бы ночью. Занимали мы съ Драчевскимъ квартиру на Фрета улицѣ, въ 4-мъ этажѣ обывательскаго дома; подниматься

приходилось по узенькой лѣстницѣ. Наверху въ сѣняхъ, около перилъ лѣстницы, хранились аккуратно въ равныя полѣнья напиленныя дрова. Въ такомъ видѣ дрова заготовлялись и отпускались въ Варшавѣ всѣмъ чинамъ, получавшимъ квартирныя деньги или квартиры въ натурѣ. Порѣшили мы, если на насъ нападутъ, забрасывать непріятеля дровами, а потомъ пустить въ дѣло бывшее у насъ оружіе, а именно: охотничье ружье, два пистолета и полусабли, уже отпущенныя. Литовскій корпусъ сталъ готовиться въ походъ, какъ говорили, въ Бельгію. Артиллерія затруднялась въ закупкѣ лошадей по военному положенію, почему нашъ ротный командиръ, полковникъ баронъ Ренне, раскомандировалъ офицеровъ въ разныя стороны для закупки лошадей, и въ томъ числѣ моего брата въ Варшаву. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что войска въ Варшавѣ не нуждались въ лошадяхъ, такъ какъ они постоянно оставались на военномъ положеніи. Братъ мой прибылъ въ Варшаву за двѣ недѣли до возстанія, остановился, конечно, у насъ и, купивъ своихъ 20 лошадей, 16-го ноября получилъ приказаніе представить ихъ на смотръ начальнику артиллеріи, генералъ-маіору Герштенцвейгу, 18-го числа, для чего дали ему 4-хъ человѣкъ польской конной артиллеріи, чтобы лошадей подстричь и вычистить.

Въ воскресенье, 15-го ноября, былъ отказанъ церковный парадъ, а потомъ и разводъ. Это тѣмъ болѣе всѣхъ удивило, что погода была хорошая и даже подмерзло. Говорили, что его высочество получилъ извѣстіе отъ государя императора о предстоящемъ возстаніи и что по этому предмету происходило совѣщаніе. Предлагали снять съ оружія въ арсеналѣ штыки и курки, и если не потопить въ Вислѣ, то, по крайней мѣрѣ, отвезти куда-нибудь; но цесаревичъ, къ несчастію, не захотѣлъ принять подобной мѣры: онъ не могъ предположить, чтобы возстаніе могло принять грозныя размѣры, когда, по его убѣжденію, въ числѣ начальства войскъ не было соучастниковъ въ заговорѣ. Къ счастью моему, я отдежурилъ въ понедѣльникъ 16-го ноября, а во вторникъ, т. е. въ день возстанія, дежурилъ въ школѣ польскій саперъ. Меня, Драчевскаго и брата моего пригласили въ этотъ день на вечеръ къ одному офицеру Волинскаго полка, состоявшему при отдѣленіи кантонистовъ въ Александрійскихъ казармахъ, гдѣ нынѣ цитадель. Братъ отказался, потому что

предположилъ въ этотъ вечеръ приготовиться въ дорогу, дабы на другой день тотчасъ послѣ смотра выступить съ лошадьми. Мы-же съ Драчевскимъ, принявъ приглашеніе, часовъ въ семь вечера усѣлись съ прочими гостями козырять. Насъ тутъ было человѣкъ 12, но играло 8 человѣкъ, за двумя столами, въ вистъ. Денегъ взялъ я съ собою всего 4 рубля серебряныхъ, для того, чтобы отмѣчать партіи, какъ въ старину дѣлалось.

Въ 9-мъ часу входитъ квартировавшій съ нашимъ хозяиномъ офицеръ Волинскаго-же полка и, найдя насъ спокойно играющими, громко сказалъ: „господа, посмотрите что въ городѣ дѣлается! Я едва ушелъ изъ театра. Спасибо Хлопицкому: онъ своею благородною рѣшительностію положительно спасъ отъ плѣна всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ театрѣ. Началось съ того, что изъ бокового входа вошелъ въ театръ отставной 8-го линейнаго полка подпоручикъ Добровольскій въ мундирѣ конно-артиллерійскомъ, съ саблею наголо, и заревѣлъ, конечно, по-польски: „поляки, къ оружію, русскіе насъ рѣжутъ!“ Всѣ встали со своихъ мѣстъ, въ томъ числѣ и ротмистръ Безобразовъ, адъютантъ цесаревича; сидѣлъ онъ въ крайнемъ креслѣ около того мѣста, гдѣ вошелъ Добровольскій; поднявшись, онъ вскинулъ на плечи шинель и направился къ выходу, но Добровольскій его дерзко остановилъ, а Безобразовъ толкнулъ его такъ сильно въ плечо, что тотъ отшатнулся и очистилъ дорогу къ выходу; насъ не выпускали; мы бросились на сцену, но и тутъ были солдаты 4-го линейнаго полка, которыхъ Хлопицкій насилу урезонилъ“. Разсказъ этотъ насъ немало озадачилъ, а партнеръ мой, 30-лѣтній юнкеръ польскаго гренадерскаго полка (родня какого-то писателя, человѣкъ очень образованный), спросилъ по-польски—можетъ-ли онъ дать честное слово, что все это такъ? Офицеръ отвѣтилъ ему по-русски: „поди и полюбуйся,—въ улицахъ бѣготня, давка и стрѣльба для возбужденія пьяной сволочи; арсеналъ освѣщенъ пожаромъ сосѣдняго строенія, а здѣсь на дворѣ полки вышли въ строй и заражаютъ ружья“. Тутъ всѣ поднялись, чтобы обратиться какъ Богъ поможетъ, а товарищъ мой по выпуску изъ корпуса Литовскаго полка, Андрей Одинцевъ—всегда веселый и беззаботный, не шуга предложилъ кончить роберъ, но братъ его, Алексѣй (впослѣдствіи губернаторъ въ Нижнемъ Новгородѣ), и всѣ прочіе взяли за шляпы, отыскивали свои шинели и поспѣшили

убраться. На дворѣ мы дѣйствительно увидѣли, что Литовскій и польскій Гренадерскій полки въ строю заряжаютъ ружья. Въ городѣ была страшная кутерьма, пробраться домой не было надежды и не для чего было рисковать попасть въ лапы пьяной толпы, которая не прочь щегольнуть дешевою храбростію. Мы съ Драчевскимъ применили къ Литовскому полку, который, вѣроятно по предварительному распоряженію, вмѣстѣ съ Гренадерскимъ пошелъ на Марсовое поле. Командиръ полка, генералъ-маіоръ Энгельманъ, взявъ въ плѣнъ на пути къ полку; команду принялъ старшій полковникъ Грабе. На Марсовомъ полѣ мы не останавливались, но пошли дальше по направленію къ арсеналу, съ тѣмъ, чтобы его отстоять, но встрѣтился намъ командиръ этой бригады, польскій генералъ Жемирскій, крича по-польски: „куда идете? Князь приказалъ стоять и ждать приказаній“. Грабе, чтобы исполнить приказаніе своего начальника, повернулъ полкъ; намъ-же казалось, что онъ могъ его, какъ поляка, послушаться, и, вѣроятно, мы-бы отстояли арсеналъ, въ которомъ хранилось 30,000 разнаго оружія; нельзя-же было не принять въ соображеніе, что распоряженіе, Жемирскимъ переданное, сдѣлано заблаговременно, когда нельзя было предвидѣть обстоятельствъ, отрывшихся въ моментъ самаго возстанія.

Полки поставлены въ баталіонныя колонны, фронтомъ по направленію къ казармамъ Волинскаго полка, слѣдовательно Гренадерскій, какъ второй полкъ въ бригадѣ, сталъ на лѣвомъ флангѣ, т. е. къ сторонѣ городской. Жемирскій, не слѣзая съ коня, отъ него не отходилъ, уговаривая быть вѣрными и ожидать спокойно приказаній цесаревича.

Морозную ночь провелъ я на землѣ, завернувшись въ шинель, вѣтромъ подбитую; а голову, за немѣнѣемъ фуражки, завернулъ въ кашпонтъ. Я сильно продрогъ и не могъ заснуть. Провизіи у насъ никакой не было; воды нельзя было добыть, а меня томила жажда. Литовскій полкъ посылалъ въ городъ патрули съ заряженными ружьями, но стрѣлять было запрещено (вѣроятно Жемирскимъ). Патрули приводили плѣнныхъ, но возвращались съ ранеными и потеряли убитымъ юнкера князя Оболенскаго. Этихъ плѣнныхъ направляли въ волинскія казармы, гдѣ ихъ до другаго вечера накопилось до 600 человекъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ полякъ гнуснаго вида, долго стрѣлявшій въ насъ

изъ окна углового дома, и когда его, наконецъ, отыскали и къ намъ привели, онъ упалъ на колѣна и клялся всѣми святыми, что стрѣлялъ не онъ.

При нашей школѣ были для учебныхъ занятій четыре шести-фунтовыя пушки съ зарядными ящиками. По предварительному распоряженію, для этихъ орудій назначены были лошади и прислуга изъ артиллеристовъ 24-й и 25-й бригадъ, присланныхъ въ учебныя команды; ящики были укомплектованы зарядами. Орудія эти тотчасъ прибыли къ волыньскимъ казармамъ, а по прибытіи Литовскаго полка намъ съ Драчевскимъ дали одно изъ этихъ орудій, которое мы зарядили ядромъ и навели вдоль улицы по направленію къ арсеналу, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности послать ядро—другое, и уже послѣ зарядить картечью.

Въ числѣ офицеровъ Литовскаго полка, съ которыми я здѣсь познакомился, были полковники: Бибиковъ и Пущинъ,—последній первый былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса, а послѣдній командовалъ Дворянскимъ полкомъ.

Около полуночи Гренадерскій полкъ, за исключеніемъ гренадерскаго взвода перваго баталіона, передъ которымъ стоялъ въ это время Жемирскій, съ крикомъ ура бросился въ городъ, чтобы пристать къ мятежникамъ. Неистовства въ Варшавѣ возрастали; бездомная сволочь рыскала вооруженная по городу; молодежь бѣсновалась, рубила и стрѣляла наобумъ, но коноводы не дремали и работали позадуманному плану. Въ первую же ночь умерщвлено семь польскихъ генераловъ, не успѣвшихъ принять начальство и участіе въ мятежѣ; въ числѣ сихъ жертвъ преданности дѣлу порядка были всѣми любимые генералъ-отъ-артиллеріи Гауке и генералъ-отъ-инфантеріи Потоцкій.

На слѣдующій день все-таки не чѣмъ было утолить голодъ и я чувствовалъ себя весьма не хорошо; чтобы утолить хотя жажду, я подъ вечеръ рѣшился примкнуть къ первой партіи плѣнныхъ и съ нею пробраться въ казармамъ. Съ жаждою принялся я пить воду безъ отдыха, такъ что караульный офицеръ вынужденъ былъ отнять у меня ковшъ, потомъ уложилъ на скамейку и прикрылъ солдатскими шинелями. Не знаю долго-ли пролежалъ я, но то вѣрно, что не могъ ни согрѣться, ни заснуть, какъ подошелъ ко мнѣ тотъ-же офицеръ со словами: «вставайте, мы ретируемся, ваши уже ушли». Вскочить и пуститься бѣгомъ

догнать Литовскій полкъ было дѣломъ минуты, и это усиленное движеніе меня нѣсколько согрѣло. Сдѣлали мы обходъ и соединились на Мокотовскомъ полѣ съ кавалеріею. Силы меня совершенно оставили: не разбирая мѣста, бросился я на землю и пролежалъ ночь, дрожа отъ холода въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Далеко до разсвѣта подошелъ ко мнѣ солдатикъ и говорить: „ваше благородіе, не угодно-ли похлебать горячаго?“ и съ тѣмъ вмѣстѣ подаль манерочную крышку съ проткнутою чрезъ уши палочкою. Я подвинулся къ солдатскому кружку, почерпнулъ изъ котла этого горячаго и, подневши импровизированную ложку къ губамъ, сильно ожегся. Съ трудомъ пропустилъ я нѣсколько глотковъ этого снадобья, чтобы только не обидѣть добрыхъ солдатъ. Похлебка была болѣе чѣмъ отвратительна, да иначе и быть не могла: они сварили въ котлѣ кусокъ баранины изъ добытой на фуражировкѣ и вмѣсто соли положили въ котелъ пороху. Поблагодаривъ за угощеніе, пошелъ отыскивать учебныя орудія, которыя, какъ оказалось, применили къ 5-ой батарейной ротѣ, прибывшей не знаю въ какое именно время изъ Гуры-Кальваріи. Меня тотчасъ отправили на фуражировку, напоивши сперва чаемъ; команда моя рыскала долго по предмѣстью, съѣстного добыто мало, но зато дровъ и соломы захватили сколько могли. Прогулка эта меня нѣсколько обогрѣла, но потомъ я опять сталъ зябнуть, и могла-ли легкая шинель грѣть уже простуженнаго и въ такое время года? Товарищи сожалѣли обо мнѣ, но помочь не могли; около полудня казначей Литовскаго полка, поручикъ Малиновскій, прислалъ мнѣ мундиръ унтеръ-офицера его полка, котораго, какъ мнѣ сказали, цесаревичъ приказалъ разстрѣлать за какую-то покражу въ оставленномъ Бельведерѣ. Обрадованный подаркомъ, я надѣлъ мундиръ сверхъ сюртука.

Конечно, я прежде всего, применивъ къ артиллеріи, полюбопытствовалъ узнать чтоъ стало съ великимъ княземъ. Рассказывали различно, но суть въ томъ, что онъ, чудесно спасенный находчивостію командира Фризе, удалился изъ Бельведера съ княгинею Ловичъ и своими приближенными, и провелъ эту страшную ночь за городомъ на дачѣ чловека преданнаго. Напротивъ того, ждавшіе въ пріемной пробужденія его высочества генералъ Жандръ и вице-президентъ Любовицкій пали жертвами. Послѣдній былъ тотчасъ заколотъ ворвавшимися въ

приемную подпоручиками, а Жандръ успѣлъ скрыться и спустился по другой лѣстницѣ во дворъ, гдѣ его тотчасъ растерзали. Не знаю, но думаю, что домъ, въ которомъ пріютился цесаревичъ, былъ по близости Мокотовской заставы, такъ что онъ могъ быть охраняемъ карауломъ отъ отряда.

Распоряженіе мятежниковъ напасть врасплохъ на нашу гвардейскую конно-артиллерійскую роту въ Скерневицахъ—не было выполнено; никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ за это дѣло не взялся, чѣмъ доказывается несогласіе въ распоряженіяхъ коноводовъ. Гербель благополучно пришелъ съ ротою на Мокотово.

19-го ноября явился Хлопицкій и принялъ на себя званіе главнокомандующаго польской арміи.

Его высочество сообщилъ совѣту желаніе видѣться съ членами, чтобы узнать о требованіяхъ націи. Делегатамъ поручено просить возвращенія конституціи, присоединенія польско-россійскихъ губерній, узнать о намѣреніяхъ цесаревича и предписано-ли Литовскому корпусу вступить въ Царство Польское?

Прибывшая депутація получила слѣдующее письменное заявленіе:

1. Его высочество не имѣетъ намѣренія нападать на городъ войсками, подъ его начальствомъ состоящими, а въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій онъ обязуется за 48 часовъ извѣстить о томъ правительство.

2. Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у его императорскаго величества короля милосерднаго забыть о всемъ случившемся.

3. Его высочество не давалъ повелѣнія Литовскому корпусу вступить въ Царство Польское.

4. Плѣнные будутъ освобождены.

Вскорѣ совѣтъ правленія замѣненъ временнымъ правительствомъ, которому его высочество предъ выступленіемъ отправилъ другое объявленіе:

„Позволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ вѣрными, соединиться со своими“.

„Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ столицы. Надѣюсь на великодушіе польской націи; я увѣренъ, что войска мои на походѣ въ границы имперіи не будутъ тревожны“.

„Охранность всѣхъ зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ, оставшихся въ плѣну, я вѣрю покровительству сей-же націи“.

Содержаніе этихъ документовъ непріятно поражаетъ. Почему-же мы не обмѣнялись плѣнными?

Было при насъ польскихъ войскъ, оставшихся какъ-бы вѣрными: полкъ конно-егерскій, съ небольшимъ взводомъ гренадерскаго полка, 4 орудія конной артиллеріи, заблудившіяся какъ-то, и, наконецъ, офицерскій караулъ 4-го линейнаго полка, который, не уступая своего поста, кажется у замка, былъ сбитъ и, отстрѣливаясь, отступилъ къ Бельведеру. Этотъ караулъ не былъ возвращенъ полякамъ; онъ оставался все время кампаніи при Литовскомъ полеу, а офицеръ въслѣдствіи награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

21-го ноября вступили мы въ Гуры, и Хлопицкій разослалъ повелѣніе не преграждать отступленія его высочеству къ границамъ имперіи. Провожалъ насъ одинъ дивизіонъ конно-егерскаго полка, составлявшій бригаду съ нашимъ Уланскимъ, подъ командою нашего генерала Пенхержевскаго.

Надо согласиться, что положеніе наше въ это время было незавидное: мятежники, въ 4 дня станувъ свои войска, весьма усилились, нашъ-же отрядъ состоялъ изъ 5—6 тысячъ и 28-ми орудій, но пѣхота разстрѣляла до половины свои патроны, а продовольствія у насъ не было; наконецъ, мы находились на лѣвомъ берегу Вислы, гдѣ въ то время не было крѣпости.

Въ Гурѣ, гдѣ имѣла постоянныя квартиры 5-я батарейная рота, дали мнѣ изъ ротнаго лазарета пестрый халатъ на паклѣ вмѣсто ваты. Я его надѣлъ сверхъ унтеръ-офицерскаго мундира и въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, сидя на слѣдующемъ переходѣ на лафетѣ орудія, отдалъ честь его высочеству, обгонявшему отрядъ. Конечно, нарядъ мой поражалъ своею оригинальнію: халата нельзя скрыть, воротникъ съ унтеръ-офицерскимъ серебрянымъ галуномъ былъ виденъ, султанъ со шляпы потерянъ при первой суматохѣ въ Варшавѣ, а ножны полусабли до половины обгорѣли на бивакахъ; къ тому слѣдуетъ замѣтить, что я во все это время не имѣлъ случая умыться и фізіономія закоптѣла отъ бивачнаго огня какъ у трубочиста. Въ этомъ-то положеніи мнѣ еще завидовали офицеры пѣшихъ полковъ въ томъ, что я

могъ садиться на орудіиный лафетъ, а они въ первые дни возмущенія износили свои щегольскіе сапоги и принуждены были заворачивать ноги кто въ чемъ могъ. Чтобы объяснить это быстрое уничтоженіе сапогъ, я долженъ сказать, что въ Варшавѣ носили, по тогдашней модѣ, сапоги безъ ранта, на тончайшей подошвѣ, а калошъ военные въ то время еще не употребляли.

На третьемъ переходѣ, во время привала, двое изъ нашихъ артиллеристовъ пошли въ деревню искать хлѣба, но возвратились съ пустыми руками: передовые нашего-же отряда забрали все, что было, кромѣ немолотой ржи. Не мало всѣ смутились, такъ какъ въ этотъ день мы ничего не ѣли, и почти съ завистью поглядывали на солдатъ, заставлявшихъ хлѣбомъ, еще изъ Варшавы вынесеннымъ. Добрые солдаты замѣтили о чемъ у насъ шла рѣчь и подали намъ горбушку хлѣба, около трехъ фунтовъ, которымъ семь человѣкъ братски подѣлились. Съ такимъ аппетитомъ мы свой хлѣбъ съѣли—поймечь только тотъ, кому случилось съ недѣлю голодать; но что значать 3 фунта хлѣба на 7 человѣкъ голодныхъ? Стоимъ и бесѣдуемъ о своемъ горѣ, не имѣя даже возможности покурить и тѣмъ заглушить голодъ; одинъ только Драчевскій не брезгалъ махоркою и часто подходилъ то къ одному, то къ другому съ просьбою дать покурить. Въ это время подходитъ ко мнѣ 5-й батареинной роты прапорщикъ Янчевскій съ приказаніемъ бригаднаго командира исправлять должность бригаднаго адъютанта, вмѣсто подпоручика Головина, взятаго въ штабъ его высочества для пополненія числа старшихъ адъютантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые задержаны были въ Варшавѣ. Я засталъ барона Корфа за завтракомъ, получилъ приказаніе находиться при немъ и приглашеніе закусить.

Ген. Корфъ, какъ это прежде было, командовалъ въ то-же время и 5-ю батареинною ротою, слѣдовательно, проходя чрезъ Гуры, имѣлъ возможность запасти въ себѣ нужнымъ. Не знаю почему выборъ его палъ на меня, когда рота была богата гвардейскими офицерами; правда, между ними было много поляковъ, плохо даже объяснявшихся по-русски, но меня онъ все-таки мало зналъ. Такимъ образомъ, судьба свела меня съ генераломъ, при которомъ пришлось мнѣ прослужить почти три года. Онъ былъ большаго роста, худощавъ, держался прямо, дома всегда растегнуть, внѣ дома непременно застегнуть на всѣ пуговицы

и крючки, и всегда при полусаблѣ; надо замѣтить, что въ то время воротники были очень высокіе, до четырехъ крючковъ, и верхніе для удобства не всегда застегивались. Генералъ былъ права чрезвычайно кроткаго, добръ, привѣтливъ, всегда вѣжливъ, а по службѣ былъ усерденъ и исполнительенъ до педантизма, — надо было видѣть до какой степени простиралась его нерѣшительность, когда по измѣнившимся обстоятельствамъ нельзя было сейчасъ-жѣ исполнить какого-либо письменнаго повелѣнія, а для донесенія не доставало времени. Баронъ Корфъ кончилъ свое семейное поприще въ званіи члена государственнаго совѣта.

На пути изъ м. Ричевали по обыкновенію отрядъ нашъ растянулся по разнымъ путямъ, для удобнѣйшаго продовольствія, но ядро отряда составлялъ обозъ его высочества, заключавшійся въ большомъ числѣ экипажей. Въ одной каретѣ ѣхала княгиня Ловичъ. Впереди и позади всей этой вереницы экипажей слѣдовали по два эскадрона Подольскаго кирасирскаго полка и въ хвостѣ наша пѣшая артиллерія въ числѣ 16-ти орудій. Вдругъ разнесся слухъ, будто аріергардъ нашъ атакованъ. Адъютантовъ всѣхъ разослали для полученія свѣдѣній, а между тѣмъ подошли мы къ Козеницамъ, гдѣ экипажи были выстроены на рынкѣ въ колонну. Контръ-адмиралу Колзакову поручено занять княгиню, дабы она не замѣтила тревоги. Вправо изъ мѣстечка тянулась дорога, кажется, къ Радомъ. На лѣвой сторонѣ этой дороги поставлены были наши 16 орудій, а съ правой — кирасиры; болѣе под рукой ничего не было. Какъ бригадный адъютантъ, я былъ уже верхомъ на хорошей лошади генерала, на которой всю кампанію послѣ сдѣлалъ. Корфъ послалъ меня по шоссе до пригорка посмотреть не видать-ли чего. Доскакавъ до мѣста, мнѣ указаннаго, я замѣтилъ на разстояніи до 400 сажень, вправо, по опушкѣ лѣса, тянувшуюся пѣхоту и призналъ ее за Волинскій полкъ; я также спѣшно возвратился и передалъ это Корфу. Его высочество, интересуясь, конечно, узнать что я тамъ увидѣлъ, подъѣхалъ къ намъ и спросилъ меня — точно-ли я въ этомъ увѣренъ, что это Волинскій полкъ? Я объявилъ, что могъ разсмотрѣть темные воротники и на киверахъ еловыя вѣтки (весь нашъ отрядъ имѣлъ такіа вѣтки для отличія отъ польскихъ войскъ). Адъютанты стали возвращаться и донесли о фальшивой тревогѣ; недоразумѣніе произошло оттого, что бывший въ хвостѣ дивизіонъ

коинно-егерей окружилъ любимаго своего начальника генерала Пенхержевскаго, проводившаго свою супругу до арьергарда, такъ какъ она по болѣзни пожелала возвратиться въ Варшаву.

Первый нашъ ночлегъ подъ крышею былъ въ Пулавахъ, гдѣ мы имѣли дневку по случаю устройства переправы чрезъ Вислу. Въ первую ночь мы, артиллерійсты, вышедшіе изъ Варшавы безъ всего, улеглись въ шинеляхъ, а сорочки отдали хозяйкѣ вымыть. Она принесла ихъ утромъ вымытыми безъ мыла и не катанными. Драчевскій добылъ у хозяина бритву, но только началъ брить свою жесткую бороду, какъ бросилъ бритву; она, дѣйствительно, была до того тупа, что и я не рѣшился приступить къ операциіи бритья. До сихъ поръ мы лишены были удовольствія курить, но здѣсь въ Пулавахъ можно было кое-чѣмъ обзавестись. Я купилъ себѣ простенькую трубку и табакъ. Сигары въ то время мало употреблялись, а въ Польшѣ ихъ и достать нельзя было; нынѣшнія-же папиросы появились только около 1840 года. Сказали, что идетъ почта въ Россію; на всякій случай увѣдомилъ я отца своего, что живъ и здоровъ, но что участь брата мнѣ неизвѣстна; письмо запечаталъ пуговицею куртка, и оно дошло по адресу. Въ Пулавахъ цесаревичъ посѣтилъ княгиню Чарторижскую, покровительницу всѣхъ заговоровъ, сынъ которой былъ уже членомъ временнаго въ Варшавѣ правительства. Вотъ какую занялъ должность любимецъ покойнаго императора Александра I, числившійся въ то-же время членомъ нашего государственнаго совѣта; но императоръ Николай, кажется, въ январѣ уволилъ его въ чистую отставку. Повсемѣстно принятая кокарда красовалась на шапкахъ прислуги княгини.

Покуда не перешли границы, мы знали все, что въ Варшавѣ дѣлалось. Откуда, какъ, но „Варшавскій Курьеръ“ ходилъ у насъ по рукамъ. Изъ него мы узнали, что Хлопицкій настоятельнымъ требованіемъ диктаторства достигъ этого назначенія 23-го числа, и тогда онъ отправилъ князя Любецкаго и графа Езерскаго къ государю императору съ донесеніемъ о всемъ совершившемся и съ вѣрноподданнѣйшимъ испрашиваніемъ возвращенія конституціи Царству и дарованія подобной-же польско-россійскимъ губерніямъ, съ изъясненіемъ собственныхъ чувствъ преданности. Онъ не скрывалъ ни отъ кого, что дѣйствуетъ какъ вѣрноподданный короля своего. Онъ продолжалъ совершать опредѣленія прави-

тельства именемъ его величества; послалъ графа Замойскаго къ командиру Литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ расчетъ на водвореніе спокойствія безъ употребленія оружія, онъ надѣется, что не будетъ со стороны его никакихъ военныхъ дѣйствій. Всѣ нижвіе чины, оставшіеся въ Варшавѣ плѣнными, въ томъ числѣ денщики мой и Драчевскаго, отведены, по приказанію Хлопицкаго, въ Брестъ-Литовскъ, корпуса ветерановъ капитаномъ Косинскимъ, для передачи ихъ русскимъ властямъ. Странно, мы, оставляя волинскія казармы, оставили тамъ 600 плѣнныхъ, набранныхъ во время стоянки на Мокотовскомъ полѣ, и отдали ихъ такъ, безъ обмѣна на нашихъ плѣнныхъ.

Хлопицкій запретилъ приступать къ какимъ-либо мѣрамъ для поднятія литовскихъ провинцій и объявилъ прибывшимъ депутатамъ, что у него нѣтъ ни одного патрона къ ихъ услугамъ. Видя развитіе своеволія и несогласій, спутниковъ анархій, онъ проникъ будущее и вознамѣрился привести все въ нормальное положеніе не оружіемъ, а подчиненіемъ себѣ своихъ соотечичей.

Изъ Пулавъ пошли мы, 25-го ноября, на Куровъ и Любартовъ, дабы удалиться отъ Люблина, гдѣ былъ штабъ уланской дивизіи и стоялъ одинъ полкъ. Переходъ былъ великъ и мы потому болѣе утомились, что шли весьма труднымъ проселкомъ, съ особенною поспѣшностію, для избѣжанія встрѣчъ съ мятежниками, о движеніи которыхъ носились слухи. Полагали мы выйти у Бяла на брестское шоссе, но на основаніи новыхъ слуховъ свернули и направились на Влодаву.

Когда мы подошли къ границѣ, расстались съ нами адъютанты его высочества графъ Замойскій и полковникъ Турно, которые сочли долгомъ проводить своего высокаго начальника. Остался при отрядѣ одинъ генералъ Рожнецкій, начальникъ тайной полиціи, человекъ, котораго вся нація ненавидѣла. За поимку этой личности объявлена была значительная награда. При проходѣ чрезъ мѣстечки, евреи, падкіе на деньги, указывали пальцами на Рожнецкаго, произнося въ полголоса: „Da ist er, da ist der Rosnetzki“. Онъ, чтобы вѣрнѣе перебраться чрезъ границу, нарядился въ мундиръ простаго улана, и присоединился къ квартирьерамъ того-же полка, и такимъ образомъ днемъ раньше отряда перешелъ границу. Мы перешли Бугъ изъ Влодавы во Влодаву 2-го декабря.

На первомъ переходѣ изъ Влодавки, проходя селеніе, назначенное для ночлега главной квартиры, я зашелъ въ дежурство, чтобы списать приказъ на слѣдующій день. Артиллеріи слѣдовало пройти еще 4 версты. Я вошелъ въ большую комнату, гдѣ помѣстили дежурство, и замѣтилъ сидѣвшихъ въ дальномъ углу у стола, при одной свѣчѣ, генерала Герштенцвейга (исправлялъ должность дежурнаго генерала вмѣсто оставшагося въ плѣну Кривцова) и дежурнаго штабъ-офицера полковника Свѣчина, занятыхъ составленіемъ диспозиціи на слѣдующій день. Генералъ спросилъ: кто тамъ? и когда я назвалъ себя, онъ сказалъ Свѣчину: „вотъ кто,—нечего намъ голову ломать“, и, обернувшись ко мнѣ, продолжалъ громче: „Рейбницъ (начальникъ 25-й дивизіи) задержалъ во Владимірѣ капитана Колыско съ ремонтомъ; вы ѣдете туда принять этотъ ремонтъ“.—„Слушаюсь, ваше превосходительство, но позвольте мнѣ списать приказъ на завтра и доставить его моему генералу“.—„Это мы сами сдѣлаемъ, а вы поѣдете какъ только бумаги поспѣютъ“. Я сѣлъ въ уголокъ и, въ ожиданіи бумагъ, заснулъ. Часа чрезъ два Даниилъ Александровичъ вручилъ мнѣ предписаніе его высочества Рейбницу, подорожную и 5 червонцевъ, но сказалъ, что этихъ денегъ будетъ до Владиміра, болѣе дать не можетъ за неимѣніемъ денегъ, а на проводъ ремонта могу употребить деньги, которыя найдутся у Колыско; самъ онъ пусть остается во Владимірѣ подъ надзоромъ, онъ намъ не нуженъ,—„и такъ съ Богомъ, вы насъ застанете или въ Высоко-Литовскѣ или въ Брестъ-Литовскѣ“. Въ помощь мнѣ дали фейерверкера 24-й бригады. Вышелъ я на крыльцо и нахожу пару воловъ, съ проводникомъ. Костюмъ мой оставался все тотъ-же, и въ этомъ-то шутовскомъ нарядѣ пришлось ѣхать по подорожной на волахъ. Усѣлись мы въ крестьянскую повозку, употребляемую также для вывоза навоза въ поле, а проводникъ, шествуя возлѣ воловъ, правилъ безъ возжей командными словами: „лыска, цобъ“ и проч., но все его краснорѣчіе и понуканье ни къ чему не служило; волы шли ровнымъ шагомъ и дали мнѣ возможность отлично выспаться.

На слѣдующій день, часа въ 4 пополудни, вѣхалъ я въ какую-то деревню съ панскимъ дворомъ; явился войтъ, но объявилъ, что и тутъ лошадей нѣтъ, а воловъ онъ мнѣ тотчасъ дастъ. Тащившись уже 15 часовъ на волахъ, ѣзда эта мнѣ на-

доѣла, и я упросилъ войта сходить во дворъ, попросить у господъ лошадей до первой станціи, а прогоны обѣщаль уплатить впередъ. Онъ возвратился съ отвѣтомъ, что меня просятъ господа пожаловать къ нимъ. Я приказалъ извиниться, такъ какъ я по причинѣ своего костюма не могу показаться; а мнѣ отвѣтили, что сынъ хозяйки только что прибылъ изъ отряда, и имъ все извѣстно, почему еще разъ настоятельно меня къ себѣ просятъ. Надо было уступить. Сбросивъ съ себя шлафрокъ и мундиръ унтеръ-офицерскій, я въ португезъ и легкой шинели пошелъ во дворъ, гдѣ былъ встрѣченъ на крыльцѣ Литовскаго полка прапорщикомъ Оберномъ, съ которымъ уже познакомился на бивакахъ. Мать и сестра его приняли меня весьма радушно, уговорили остаться ночевать и обѣщались на утро отправить на своихъ лошадяхъ до ближайшей почтовой станціи. Трудно было отказаться отъ такого привѣтливаго приглашенія; мы провели вечеръ пріятно, бесѣдовали о томъ и другомъ, а дамы пѣли разные романсы. Послѣ сытнаго ужина разошлись всѣ по своимъ комнатамъ; въ назначенной мнѣ спальнѣ нашелъ я чистое для себя бѣлье, изъ котораго взялъ только пару носковъ, такъ какъ мои почти уничтожились. Можно себѣ представить какъ я провелъ эту ночь, поужинавъ хорошо и въ роскошной постелѣ. Рано утромъ, поблагодаривши хозяевъ за ласковый пріемъ, сѣлъ я въ экипажъ со своимъ спутникомъ, и скоро выѣхали на почтовый трактъ изъ Бреста на Владиміръ. Передалъ я дорогою фейерверкеру, что давали мнѣ чистое бѣлье, но что я посоветился его взять, а между тѣмъ холстинковая сорочка моя совсѣмъ расплзлась. Онъ предложилъ мнѣ одну рубаху, изъ числа хранящихся въ его ранцѣ; не хотѣлось мнѣ взять ее даромъ,—я убѣдилъ его взять съ меня 50 копеекъ съ придачею моихъ-же лоскутьевъ. На слѣдующей станціи, куда запрягали лошадей, я имѣлъ величайшее удовольствіе надѣть хотя солдатскую, но чистую рубаху. Да, это удовольствіе пойметъ вполне тотъ, кому случалось три недѣли походной жизни не смѣнять бѣлья.

Къ вечеру нашелъ я на одной станціи необыкновенную чистоту, предъ крыльцомъ чисто подметено и посыпано пескомъ. Смотритель мнѣ объявилъ, что ждетъ принца Виртембергскаго изъ Люблина, гдѣ онъ пребывалъ въ качествѣ начальника улан-

своей дивизіи польскихъ войскъ. Конечно, онъ перѣѣхалъ границу въ Устилугѣ. Не успѣли податъ мнѣ лошадей, какъ подъѣхала карета принца. Узнавши отъ смотрителя о проѣздѣ офицера изъ отряда его высочества, онъ приказалъ попросить меня къ себѣ. Я вышелъ въ портупеѣ съ непокрытою головою, чтобы скрыть несчастный свой нарядъ. Въ каретѣ съ принцемъ сидѣла какая-то дама. По желанію его высочества, разсказалъ я все, что зналъ. Принцъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторые вопросы и, наконецъ, извиняясь въ томъ, что задержалъ меня, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «теперь мы съ вами знакомы; если вамъ когда что понадобится, обратитесь ко мнѣ». Я какъ умѣлъ благодарилъ за вниманіе, и карета помчалась на свѣжихъ лошадяхъ, а я поспѣшилъ въ комнату обогрѣться. Разсказывали впоследствии, что принца выпустили изъ Люблина послѣ даннаго имъ слова не воевать противъ своихъ, а между тѣмъ онъ во время кампаніи состоялъ при нашей арміи, вступилъ съ войсками въ Пулавы и потребовалъ у княгини Чарторижской какое-то наслѣдство. Она отказалась принять принца, но онъ вошелъ уже не какъ родственникъ, а какъ генералъ русской арміи. Княгиня приняла его, конечно, дурно и объявила, что все имущество отдано на алтарь отечества. Какъ-бы то ни было, но принцъ послѣ войны удалился за-границу, и протекція моя лопнула какъ мыльный пузырь.

По прибытіи во Владиміръ, я тотчасъ отправился къ генералу Рейбницу. Онъ съ своимъ семействомъ и адъютантами сидѣлъ за обѣдомъ, и когда доложили обо мнѣ, онъ вышелъ въ приемную. Узнавши — кто и откуда я, онъ сказалъ: «вы давно не обѣдали и, конечно, не откажетесь отъ тарелки горячихъ щей, а послѣ разскажете намъ свои приключенія». Отдохнувши послѣ обѣда, я приступилъ къ приему ремонта. Колиско служилъ въ польской конной артиллеріи; человекъ былъ онъ пожилой, больной, но патріотъ до фанатизма. По его просьбѣ разсказалъ я кое-что, такъ чтобы гусей не раздражить; слушалъ онъ молча, но съ большимъ вниманіемъ. Передалъ онъ мнѣ одного унтеръ-офицера, 10 человекъ рядовыхъ, 59 лошадей и весьма мало денегъ, такъ что я опасался встрѣтить затрудненія въ проводѣ ремонта до мѣста назначенія.

Морозовъ уже не было и я засталъ здѣсь распутицу и грязь,

о которой до того и не слыжалъ. Всѣ улицы вмѣстѣ представляли какой-то резервуаръ жидкой лоснящейся грязи отъ 4 до 8 вершковъ глубины, окаймленный деревянными тротуарами. Сообщеніе по этимъ панелямъ возможно, но при переходѣ чрезъ улицу человекъ небывалый станетъ втупикъ. Жители мѣстные во время распутицы вооружаются высокими сапогами, которые, при помощи прикрѣпленныхъ къ нимъ петель, придерживаются руками, чтобы не потерять ихъ въ грязи. Приступая къ такому шествію, подбираютъ сперва верхнюю одежду. Вечеромъ, для сѣзда и разѣзда офицеровъ, собирающихся у кого-либо провести вмѣстѣ время, нанимается что-то въ родѣ телѣги, везомой двумя волами. Сообщеніе оригинальное, но зато головы не сломаешь и не такъ испачкаешься.

Опасался я, чтобы поляки мои, по близости границы, не дали тяги съ лошадьми, и потому старался на ночлегахъ разстановивать лошадей по многимъ небольшимъ конюшнямъ, а самъ съ фейерверкеромъ наблюдалъ, чтобы поляки не сходились. Засталъ я главную квартиру отряда въ Высоко-Литовскѣ, гдѣ и сдалъ людей и лошадей въ 5-ую батареиную роту. Поляковъ отправили во внутрь имперіи, а лошадей представилъ я на другой-же день его высочеству на смотръ. Князь спросилъ меня—я-ли привелъ ремонтъ, а потомъ, осмотрѣвъ внимательно лошадей, сказалъ: «спасибо, лошади хороши и въ тѣлахъ».

Здѣсь получилъ я пріятное извѣстіе, что оставшіяся въ плѣну нашъ дивизіонный начальникъ генералъ-лейтенантъ Рихтеръ, какъ старшій въ чинѣ, представилъ его высочеству списокъ плѣнными офицерамъ, и донесъ, между прочимъ, что у подпоручика Зеланда отняты искупленные имъ лошади и оставшіяся деньги, а самъ онъ находится въ плѣну. Извѣстіе это меня весьма порадовало: по крайней мѣрѣ, я зналъ, что братъ мой живъ, а Хлопцкій приметъ мѣры для безопасности плѣнныхъ.

Во время моего отсутствія нашихъ артиллеристовъ разослали по своимъ бригадамъ. Меня одного оставилъ Корфъ, въ качествѣ бригаднаго адъютанта или, пожалуй, исправляющимъ эту должность при немъ, начальникъ артиллеріи. Впрочемъ, дѣло не въ степени должности,—онѣ всѣ были довольно миниатюрны, а вотъ въ чемъ: его высочество, по сердечной добротѣ, давалъ всѣмъ служившимъ при немъ въ Варшавѣ, изъ своей шкатулки, штабъ-

офицерамъ по 5 и оберъ-офицерамъ по 2 руб. серебра въ сутки столовыхъ. Эти деньги имѣли въ то время большое значеніе. Когда же тронулись изъ Варшавы, денегъ у него не было, всѣ тѣ-же лица получали столъ изъ кухни цесаревича, сервировала обѣдъ каждому въ своей квартирѣ придворная прислуга, приносящая и бѣлье столовое и серебро, все съ гербомъ его высочества. Корфъ, какъ начальникъ артиллеріи, вѣроятно по случаю походнаго времени, получалъ также столъ, а съ ними я—ужь не знаю по какому праву.

Изъ Петербурга прислано намъ, по варшавскому положенію, не взычетъ, годовое жалованье и выслуженное третное, такъ что я вдругъ получилъ около 175 голландскихъ червонцевъ. При такихъ средствахъ слѣдовало позаботиться объ обмундировкѣ. Я поѣхалъ въ Гродно; проѣздомъ взялъ въ Соколѣ изъ оставленнаго тамъ моего имущества новое шитье на мундиръ и нѣсколько необходимаго бѣлья. Командировка моя въ Варшаву могла продолжаться не далѣе весны, а потому выѣхалъ я изъ Соколен налегкѣ, и оставилъ все въ домѣ инвалиднаго начальника капитана Калиновскаго.

Въ 8 верстахъ за Бѣлостокомъ я нашелъ свою роту въ м. Васиѣковѣ, на тѣсныхъ квартирахъ. Пріятно было встрѣтиться съ сослуживцами, но время было дорого. Я взялъ съ собою оставшагося въ ротѣ денщика брата моего, сдѣлалъ въ Гроднѣ обмундировку, нѣкогорыя закупки и поспѣшилъ въ Брестовицы (семь миль отъ Гродна), главную квартиру его высочества, куда отрядъ нашъ, между тѣмъ, уже прибылъ и расположился въ окрестностяхъ на тѣсныхъ квартирахъ.

Въ Гродно уже съѣзжалась главная квартира дѣйствующей арміи; по прибытіи-же туда главнокомандующаго, графъ Дибичъ не замедлилъ сдѣлать визитъ его высочеству въ Брестовицахъ. Къ пріѣзду поставленъ почетный караулъ отъ Волынскаго полка, и цесаревичъ встрѣтилъ Дибича у себя на крыльцѣ съ графнымъ рапортомъ. Дибичъ поцѣловалъ его въ звѣзду, удивился благовидности караула, чего никакъ не ожидалъ при обстоятельствахъ оставленія Варшавы, и они вошли въ комнату. Все это было при мнѣ, но что было дальше—не знаю. Говорили, что Дибичъ спросилъ князя—чѣмъ онъ желаетъ командовать, но тотъ сказалъ, что кромѣ своего отряда ничѣмъ командовать не желаетъ; потомъ

будто заговорили о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и Дибичъ будто-бы выразился такъ, что польскую армію можно забросать шапками, и онъ рассчитываетъ время кампаніи по числу переходовъ до Варшавы. Если такъ дѣйствительно было, то отъѣзъ такой не могъ поправиться вел. князю, командовавшему польскою арміею 15 лѣтъ. Какъ-бы то ни было, но послѣ сего свиданія отношеніи вел. князя къ Дибичу измѣнились, въ чемъ имѣли мы случаи убѣждаться.

До насъ дошелъ слухъ, что четыре офицера Самогитскаго полка передались полякамъ, застрѣливши своего ротнаго командира капитана Челова, единственнаго въ полку православнаго, за то, будто, что онъ не отдалъ имъ принятаго на роту жалованья. Они хотѣли переманить роту Челова чрезъ границу, но одинъ унтеръ-офицеръ догадался въ чемъ дѣло и открылъ товарищамъ измѣну офицеровъ. Господа эти назывались: Попроцкій, Сузинъ, Барскій и Скульскій. При полковомъ штабѣ Самогитскаго полка въ Бѣльскѣ собирали на зиму юнкеровъ съ трехъ полковъ; въ этой школѣ былъ я три зимы сряду для обученія юнкеровъ разной премудрости. Попроцкаго я лично зналъ, но онъ произведенъ въ этотъ полкъ изъ юнкеровъ Волинскаго полка; прочіе трое были моими учениками; изъ числа этихъ измѣнниковъ трое пропали безъ вѣсти, но Скульскій былъ въ числѣ сумасбродовъ, вошедшихъ въ 1832 году въ границы Царства для завоеванія Польши; долго бродилъ онъ, его преслѣдовали и, наконецъ, нашли въ трубѣ каминна, въ домѣ его отца, помѣщика около Кнышина; болѣе года судили его въ Гроднѣ и тамъ-же казнили разстрѣляніемъ въ 1833 году. Конечно, на офицеровъ Литовскаго корпуса нельзя было положиться, и поэтому въ самомъ началѣ всѣ ненадежные переведены въ Москву, въ 4-й пѣхотный корпусъ, а взамѣнъ ихъ прислали другихъ изъ гвардіи, съ назначеніемъ ихъ командирами ротъ.

Въ половинѣ января пріѣхалъ къ намъ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи—ген.-адъютантъ Сухозанетъ, предупредивши насъ о своемъ пріѣздѣ и о томъ, чтобы артиллерию не собирать. Иванъ Онуфріевичъ имѣлъ репутацію начальника тяжелаго, по мы, служившіе подъ начальствомъ цесаревича, знали его только по слухамъ. Собрались въ дежурствѣ и стали по старшинству. Дежурный генералъ Герстенцвейгъ, начальникъ

артиллеріи баронъ Корфъ, командиръ 5-й батареинной роты полковникъ баронъ Корфъ, командиръ 3-ей конной роты полковникъ Гербель, старшій офицеръ 5-ой батар. роты капитанъ баронъ Розенъ, командовавшій четырьмя учебными орудіями, и, наконецъ, на лѣвомъ флангѣ вашъ нижайшій слуга. Сухозанетъ вошелъ, Герштенцвейгъ встрѣтилъ его съ рапортомъ и представилъ всѣхъ по порядку. Онъ обратился къ намъ съ рѣчью краткою, но энергическою, требуя точнаго исполненія всѣхъ его приказаній, отнюдь не умничая, не разсуждая, и въ заключеніе сказалъ, что не оставитъ безъ вниманія усердной службы, но за малѣйшее невниманіе—„прошу извинить, да вы слышали о Сухозанетѣ“. Какова рекомендація!

При выступленіи изъ Гуры 5-го баталіона къ возмущавшейся Варшавѣ, Корфъ отправилъ свою жену съ сыновьями къ ея отцу, пану Красозскому, проживавшему въ своемъ имѣніи Сандомирскаго воеводства. По прибытіи отряда нашего въ Брестовицы, Корфъ выхлопоталъ пропускной видъ крѣпостному своему человѣку и послалъ его къ женѣ съ письмомъ, приглашая ее пріѣхать къ нему для свиданія. Марія Осиповна была женщина со свѣтскимъ образованіемъ, малая, симпатичная, но только покуда не тронута чувствительная ея струна—патріотизмъ. Этой статьи въ ея присугсвіи нельзя было затрогивать; она приходила въ иступленіе, и фанатизмъ польки-патріотки влагалъ въ ея уста рѣчи, противныя здравому смыслу. По этой-то причинѣ, полагаю, Корфъ хотѣлъ ее только выманить изъ Царства Польскаго. Она мужа своего любила, а потому не замедлила пріѣхать, взявъ съ собою старшаго сына, Ивана, лѣтъ, можетъ быть, четырехъ; а какъ младшій, Юзефъ, слишкомъ еще былъ малъ, оставила его у своего отца. Когда пришло намъ время выступить въ походъ, она полагала возвратиться къ отцу, но Корфъ объявилъ, что воспослѣдовалъ строжайшій приказъ никого не выпускать за границу Царства, и сколько онъ ни хлопоталъ—ничего не могъ сдѣлать. Слезъ было много, но покориться судьбѣ надо было, и она поѣхала въ имѣніе матери Корфа, въ Салу, около Нарвы. Положеніе ея было, конечно, незавидное: у старухи четыре сына находились въ дѣйствующей арміи, газеты читались съ жадностію и побѣдамъ нашимъ рукоплескали.

Предъ выступленіемъ отряда, камердинеръ доложилъ великому

внзую о приказѣ по арміи, чтобы гг. генералы и адъютанты нмѣли шляпы безъ султановъ, въ клеенкѣ и носили ихъ съ поля; но цесаревичъ сказалъ, чтобы шляпы не зашивать, вынулъ султанъ, и надѣлъ ее по формѣ. Прймѣру сему послѣдовалъ начальникъ штаба, генераль-отъ-инфантеріи графъ Курута. Онъ не только всею душою былъ преданъ цесаревичу, но, можно сказать, боготворилъ его. Пережилъ онъ вел. князя около года, и какъ вѣрный другъ и преданный слуга похороненъ въ Стрѣльнѣ.

Между тѣмъ дѣла въ Польшѣ направились къ перевѣсу 42-хъ-дневнаго диктаторскаго правленія, нмѣвшего сильное вліяніе на замедленіе всѣхъ приготовленій къ войнѣ. Хлопицкаго любили и уважали, но рѣшительныя мѣры, діаметрально противоположныя влеченіямъ возмущившейся націи, отъ которой не могло ускользнуть истинное его намѣреніе — не допустить до окончательнаго разрыва съ Россією, возстановили противъ него общественное мнѣніе. Раздраженіе усилилось съ возвращеніемъ въ ноябѣ годъ Езерскаго, привезшаго письмо графа Грабовскаго къ Хлопицкому о томъ, что его величество, благодаря его за преданность, требуетъ безусловнаго исполненія прокламаціи, обнародованной 6-го декабря.

Не могу не помѣстить здѣсь содержанія замѣчательной бесѣды государя императора съ гр. Езерскимъ, какъ онъ самъ представилъ ее сейму, послѣ чего она появилась въ „Варшавскомъ Курьерѣ“.

14-го декабря вечеромъ Езерскій былъ принятъ въ присутствіи гр. Бенкендорфа. Государь изъяснилъ свое сожалѣніе о событіяхъ варшавскихъ и сказалъ:

— „Этого я не ожидалъ; я любилъ поляковъ и полагалъ быть взаимно любимымъ... Могъ-ли я предвидѣть, продолжалъ государь, что войско польское, которое я такъ высоко цѣнилъ, честь и вѣрность коего равнялись его отвагѣ, таило въ груди зародышъ измѣны? Въ солдатахъ, умерщвляющихъ посѣдѣвшихъ своихъ начальниковъ, отказавшихся отъ знамени, чести, поправшихъ дисциплину и распространившихъ страхъ и смуту на городскихъ улицахъ, могу-ли я узнать воиновъ, всегда отличавшихся вѣрностью? На нихъ я рассчитывалъ въ случаѣ опасности; въ войнѣ со всякою европейскою державою они составляли-бы мой авангардъ. Законъ чести и обычай народовъ

клеимъ того позоромъ, кто оставляетъ свое знамя и измѣняетъ присягѣ. Сколь неограниченна была моя довѣренность, столь ужасна измѣна; я долженъ наказать зачинщиковъ толикихъ бѣдствій, но желалъ-бы пламенно, чтобы сама Польша очистилась отъ преступленія нѣкоторыхъ ея сыновъ противъ меня и своего отечества. Пусть водворятъ порядокъ, откроютъ преступниковъ, съ тѣмъ, чтобы съ нихъ взыскать, и тогда пусть явятся ко мнѣ съ полною довѣренностью дѣтей къ отцу, которому предоставлено право миловать. Исполненіе сего условія меня-бы чрезвычайно порадовало. На народныхъ представителяхъ лежитъ обязанность, опираясь на законы, взыскать за нарушеніе порядка, чтобы меня избавить отъ сей непріятной обязанности. Пусть предадутъ суду преступниковъ и самый легкій приговоръ послужитъ доказательствомъ, что они желаютъ взыскать за нарушеніе святости закона. Число провинившихся покуда невелико, большая часть войска не обнаружила измѣны, а 4-й полкъ, школа подпрапорщиковъ и саперный баталіонъ могутъ въ сраженіяхъ смыть свой проступокъ. Взгляните на моихъ гвардейцевъ, возставшихъ при вступленіи моемъ на престолъ,—они нынѣ наперерывъ стараются мнѣ доказать свою преданность, и я имъ вполне довѣряю. Неужели я такъ страшенъ, такъ непримиримъ? Вы видѣли какъ я поступилъ съ весьма многими, принявшими участіе въ происшествіяхъ 1825 г.?”

Тутъ Езерскій замѣтилъ, что большая часть народа и войска не участвуетъ въ дерзкомъ предпріятіи горсти молодежи и что, по стеченію обстоятельствъ, народъ вынужденъ былъ принять настоящее положеніе.

— „Совершенно въ порядкѣ, возразилъ государь, что граждане вначалѣ вооружились и учредили національную гвардію для защиты своей собственности; но я не могу объяснить себѣ настоящее положеніе и вооруженіе всего Царства, новую конскрипцію и другія приготовленія къ войнѣ. Противъ кого вооружаются? Что означаютъ подкинутыя въ моихъ провинціяхъ прокламаціи, чтобы разстроить порядокъ и соблазнить моихъ солдатъ? Какъ согласить все это съ чувствами преданности ко мнѣ?”

Послѣ сихъ вопросовъ, Езерскій приписалъ все страху, овладѣвшему всѣми, нечаянною событія. „Страхъ этотъ, продолжалъ онъ, при чувствахъ общей опасности соединилъ всѣхъ и

онъ можетъ быть устроенъ только милостивыми словами монарха“. Осторожно намекнулъ онъ на желаніе націи: соединеніе польско-россійскихъ провинцій съ Царствомъ.

— „Я король польскій и хочу имъ остаться; никогда не соглашусь на предложеніе, требующее отъ меня уступокъ, въ особенности, когда онѣ требуются въ моментъ возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. Сдѣлавъ это, я-бы забылъ священный долгъ, возложенный на меня Провидѣніемъ. Пусть мнѣ повѣрять, — я не желаю, чтобы безвинный пострадалъ за виновнаго. Представьте себя на моемъ мѣстѣ: могу-ли я, законный король моихъ подданныхъ, входить съ ними въ унижительные переговоры? Могу-ли допустить, чтобы они мнѣ указывали условія, на которыхъ желаютъ мнѣ подчиниться? Если-бы я былъ ничѣмъ болѣе, какъ королемъ польскимъ, я-бы теперь находился посреди васъ, но какъ императоръ Россіи я связанъ и не могу упускать изъ вида честь и достоинство монархіи. Я отнюдь не буду торопиться. Скажите мнѣ — какимъ образомъ устроить это дѣло такъ, чтобы принятая мѣра была достойна польскаго короля, который въ то-же время—императоръ россійскій,—болѣе я ничего не требую. Одно мое желаніе—затруднительность настоящаго положенія устроить самими поляками; посему я-бы желалъ имѣть здѣсь совѣтъ изъ сенаторовъ, депутатовъ и подданныхъ преданныхъ и достойныхъ уваженія“.

Потомъ государь сказалъ, что всѣ находящіеся въ Россіи сенаторы Царства Польскаго созваны въ Петербургъ, почему повторяетъ свое желаніе, чтобы поляки сами подвергли взысканію тѣхъ, которые довели ихъ до крайней гибели.

„Я не хочу самъ наказывать, но поляки должны знать, что я непремѣнно требую удовлетворенія. Возможно-ли мнѣ все забыть? Могу-ли я не видѣть того, что произошло? Развѣ не было смертоубійствъ? Не оскорбленъ развѣ братъ мой? И по вашимъ законамъ — принявшіе въ мятежъ участіе сдѣлались государственными преступниками. Наконецъ, отъ меня требуютъ возвращенія присоединенныхъ къ имперіи польскихъ провинцій; этого я никакъ не ожидалъ, и угрозами нельзя достигнуть невозможнаго. Могу-ли я — изъ состоящихъ подъ скипетромъ моимъ народовъ сдѣлать одному добро насчетъ другаго?“

Езерскій, видя нелѣпость своего заявленія, смѣшался и не

зналъ что отвѣчать; онъ извинился неопытностью въ политическихъ дѣлахъ, умолялъ государя забыть прошедшее и дать свободу своему великодушію.

— „Я издалъ манифестъ, сказалъ государь, онъ указываетъ мое намѣреніе относительно Польши, онъ указываетъ на какихъ условіяхъ вы меня увидѣть можете посреди васъ. Если непредвидимыя обстоятельства затруднятъ исполненіе нѣкоторыхъ его условій, то охотно соглашусь на уступку“.

Наконецъ, государь сказалъ, что онъ, какъ король польскій, обязанъ подавить мятежъ и наказать преступниковъ; до сихъ поръ не нація, но только нѣкоторые измѣнники заслужили его неудовольствіе; но если она вооружится противъ него и сразится съ его войсками, то собственные-же пушечные выстрѣлы уничтожатъ Польшу.

Когда послѣ сего подалъ Езерскій письменный докладъ, въ которомъ изложены неудовольствія и требованія поляковъ, императоръ написалъ на немъ карандашемъ: „Я не измѣнилъ своей присягѣ; я исполняю свято всѣ свои обязанности въ отношеніи Царства, наслѣдованнаго мною отъ брата, со всѣми условіями конституціи, которую онъ по доброй волѣ призналъ приличною. Народъ измѣнилъ своей присягѣ и я, если пожелаю, могу считать себя свободнымъ отъ данной народу присяги. При всемъ томъ я этого не сдѣлалъ; вотъ все, что могу теперь сказать; поступить иначе было-бы съ моей стороны непростительною и бесполезною слабостью и никто не въ состояніи меня къ тому побудить. Пусть положатся на меня и они будутъ счастливы; слова монарха, чувствующаго достоинство чести, заслуживаютъ довѣрія“.

Такъ кончилась аудіенція, на которой государь откровенно высказалъ свое мнѣніе; но впослѣдствіи, послѣ акта детроизаціи и когда начались военныя дѣйствія, онъ при случаѣ такъ выразился: „я-бы сохранилъ конституцію польскую ради даннаго слова, и положеніе мое было-бы крайне затруднительно; но теперь они развязали мнѣ руки и упростили дѣло, разорвавъ своевольно хартію“.

Езерскій возвратился въ Варшаву, какъ я уже имѣлъ случай сказать, въ новый годъ. Сеймъ былъ открытъ 7-го января, а на слѣдующій день вечеромъ, до избранія Радзивила,

Солтыкъ сдѣлалъ предложеніе о сверженіи дома Романовыхъ съ польскаго престола. Предложеніе принято молчаніемъ и положено пренія о немъ отложить. На сеймѣ 13-го января были сообщены извѣстія изъ Петербурга и Езерскій разсказалъ результатъ своего посольства. Шумъ и гвалтъ поднялись страшные; его упрекали въ малодушіи, даже называли измѣнникомъ. „Господа, возразилъ Езерскій, негодовать здѣсь въ Варшавѣ на императора или говорить съ нимъ самимъ въ Петербургѣ — совсѣмъ не одно и то-же“. Наконецъ, всталъ маршалъ сейма графъ Островскій и сказалъ: „судя по извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, и прокламаціямъ фельд-маршала Дибича, безъ войны нельзя намъ достигнуть цѣли; не будетъ-ли довольно по привычкѣ или по страху считать Николая королемъ нашимъ; мы связаны только тою присягою, которую съ незапамятныхъ временъ давали однимъ свободно избираемымъ королямъ; посему предлагаю начать пренія по предложенію Солтыка“. Братъ маршала, начальникъ національной гвардіи, поддержалъ предложеніе своего брата рѣчью. Воловскій предложилъ провозгласить независимость націи. Ледоховскій первый всталъ и во весь голосъ заревѣлъ: „довольно Николаю быть королемъ нашимъ!“ Депутаты встали съ своихъ мѣстъ и кричали наперерывъ: „Николай намъ не король!“ Присутствовавшіе въ залѣ и на хорахъ подхватили тотъ-же крикъ. Болѣе разсудительные были этимъ рѣшеніемъ поражены. Чарторижскій опустилъ глаза и былъ смущенъ. Одинъ Езерскій имѣлъ отвагу напомнить сейму законъ, по которому всякое предложеніе должно быть предварительно разсмотрѣно въ комиссіяхъ и тогда уже быть представлено сейму; но на него не обращаютъ вниманія, и поручаютъ секретарю сената написать декретъ детронизаціи. Вотъ его содержаніе:

„Нація польская единодушно на сеймѣ заявила, что она независима и имѣетъ право предложить корону польскую тому, кого считаетъ достойнымъ и въ комъ она увѣрена будетъ, что онъ пребудетъ вѣренъ присягѣ и сохранить права ея“.

Приверженцы революціи требовали, чтобы всѣ сенаторы и депутаты тотчасъ подписали актъ. Многіе его подписали очертя голову, а бѣольшая часть изъ боязни. Итакъ всѣ вмѣстѣ приняли актъ, который бѣольшею частію націи не былъ одобренъ. Въ тотъ-же

день отслужили панихиду по жертвамъ возстанія 14-го декабря 1825 года. Впереди процессіи, проходившей по этому случаю по городу, несли французскую трехцвѣтную кокарду, какъ эмблему революціи.

Сеймъ еще дурилъ, переливая изъ пустаго въ порожнее, какъ вдругъ поразило его громомъ извѣстіе: „русскіе перешли границу“.

20-го января Дибичъ перенесъ свою главную квартиру въ Бѣлостокъ. Мы выступили 21-го при 25-ти градусахъ мороза. Снѣгу было такъ много, что артиллерія при большихъ усиліяхъ сдѣлала въ первый день 6 верстъ, переночевала въ лѣсу, пришла днемъ позже въ Бѣлостокъ, и такимъ образомъ потеряла дневку. Главная остановка состояла въ томъ, что, по мѣстному обычаю, въ деревняхъ вѣзды и выѣзды охраняются воротами; изгородь и ворота занесены были сугробами, которые надо было расчищать для прохода артиллеріи. Вообще эти два перехода до Бѣлостока были крайне затруднительны: ѣздовые слѣзали, чтобы ногъ не отморозить, стремена заворачивали кто чѣмъ могъ, но ноги страдали, что пришлось мнѣ самому испытать. Въ Бѣлостокъ его высочество сдѣлалъ визитъ графу Дибичу. При выступленіи камердинеръ Кохановскій подалъ цесаревичу шляпу въ клеенкѣ, и на вопросъ: „что это такое?“ онъ доложилъ, что это на основаніи приказа по арміи. Вел. князь и Курута оставили шляпы въ клеенкѣ, но все-таки надѣли по формѣ. Говорили будто Кохановскій предварительно сказалъ графу, что зашьетъ выъ обоимъ шляпы, ибо всѣ прочіе какъ люди, а они одни въ колпакахъ.

Армія, въ числѣ 100 тысячъ, безъ сопротивленія перешла, 24-го и 25-го чиселъ января, границы Царства въ разныхъ пунктахъ отъ Ковна до Устилуга. Нашъ отрядъ слѣдовалъ чрезъ Высоко-Мазовецкъ, Нуръ въ Соколову. Тутъ Герштенцевейгъ подалъ цесаревичу 15-ти-дневный рапортъ, о состояніи войскъ для подписи. Великій князь, взглянувъ на рапортъ, спросилъ— „что это такое?“ и на отвѣтъ, что это графной рапортъ составленный по формѣ, разосланной при приказѣ по арміи, сказалъ: „это чужь, написать такъ, какъ у меня въ Варшавѣ было“.

До самаго Сѣдлеца, куда мы вступили 2-го февраля, почти не выдать было жителей. Они до того были напуганы, что всѣ

кромѣ больныхъ и дряхлыхъ стариковъ гдѣ-то скрывались. Передовымъ войскамъ нашимъ подбрасывались значки съ надписью на польскомъ и русскомъ языкахъ: „за нашу и вашу свободу“.

Армія польская отступала повсемѣстно, какъ будто желала для отпора сосредоточиться подѣ Варшавою; однако-же, ее достигли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и у насъ завязалось, 5 го февраля дѣло подѣ Калушинымъ, въ которомъ участвовали наши 4 учебныя орудія, почему и мы съ Корфомъ туда поспѣшили. Здѣсь я впервые ознакомился со свистомъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. Его высочество вѣхалъ на возвышеніе и былъ зрителемъ сего дѣла, окончившагося съ наступленіемъ ночи; непріятелю удалось отступить къ Минску. Мы съ Корфомъ возвратились къ своему мѣсту около Сѣдлеца едва къ полуночи. Въ этотъ день выпало мнѣ сдѣлать верхомъ 70 верстъ. На слѣдующій день пришли въ Минскъ, а авангардъ былъ уже въ Дембе-Велке. 7-го числа было большое авангардное дѣло подѣ Вавромъ, въ которомъ главное участіе принялъ 1-й пѣхотный корпусъ. Со стороны непріятеля распоряжался Хлопицкій, а съ нашей стороны самъ главнокомандующій. Наши заняли Вавръ и Выгоду, и Дибичъ съ Толемъ возвратились въ Милосну, въ 12-ти верстахъ отъ Варшавы. Въ дѣлѣ подѣ Вавромъ раненъ вартечью въ пятку Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Ногу ему отняли неудачно или онъ поторопился уѣхать, но въ Брестѣ пришлось ногу отнять выше. Когда эта вѣсть дошла до начальника артиллеріи 2-й арміи, генерала-отъ-артиллеріи Яшвиля, онъ, говорятъ, сказалъ: „называютъ-же поляковъ безмозглыми, а они такой выдумали порошокъ, что и Сухозанета достала“. Надобно знать, что Сухозанетъ, будучи адъютантомъ Яшвиля, сдѣлалъ свою карьеру.

Въ этотъ день пришли мы въ Дембе-Велке. Дорогою Корфъ узналъ, что Сухозанетъ утромъ еще отдалъ въ 5 ую батар. роту плѣннаго ракетника, котораго, какъ оказалось, командиръ роты полковникъ Корфъ сдалъ въ первую попавшуюся на встрѣчу партію плѣнныхъ. Генералъ былъ недоволенъ распоряженіемъ своего брата и, назначивъ мнѣ гондлангера на лошади, приказалъ нагнать партію и возвратитъ плѣннаго. Партію нагналъ я въ Калушнѣ, посадилъ ракетника на лошадь моего гондлангера и возвратился съ нимъ къ отряду, далеко за полночь, сдѣ-

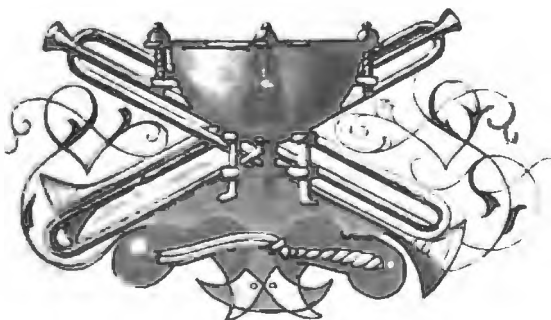
лавъ въ этотъ день болѣе 75-ти верстъ. Корфъ не спалъ; онъ лежалъ съ газетою въ рукахъ, поджидая моего возвращенія. Поляки отдали опять въ роту, но когда справились что съ нимъ дѣлать, приказали сдать въ первую партію плѣнныхъ, такъ какъ Сухозанетъ раненъ и никому неизвѣстно—почему онъ его задержалъ. Итакъ весь мой трудъ былъ напрасенъ.

8-го числа пришли въ Милосну, гдѣ Корфъ, за неимѣніемъ помѣщенія, расположился бивакомъ около дома, въ которомъ помѣщалось управленіе артиллеріею арміи. Начальникомъ всей артиллеріи былъ князь Горчаковъ.

Мнѣ сказали, что въ одной избѣ лежитъ убитый подъ Вавромъ адъютантъ Сухозанета гвардейской артиллеріи—поручикъ Лукинъ, сынъ извѣстаго моряка-силача временъ Екатерины II. Я нашелъ его лежавшимъ на скамейкѣ въ сорочкѣ съ прострѣленною грудью. На досугъ осмотрѣлъ я поле сраженія подъ Вавромъ. На непривычнаго видъ неочищеннаго поля сраженія производитъ непріятное впечатлѣніе. Наши были уже прибраны, но непріятельскихъ тѣлъ лежало множество. Мрачный день навелъ на нихъ синеватую блѣдность; всѣ были въ однѣхъ сорочкахъ, принявшихъ синій цвѣтъ отъ маркаго сукна синихъ польскихъ мундировъ. Видѣть убитыхъ поляковъ въ одеждѣ можно было только во время сраженія, но нѣсколько спустя всегда находились охотники снимать съ нихъ все, за исключеніемъ одной сорочки. Безъ сорочки я не видѣлъ ни одного трупа.

А. Л. Зеландъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Л. ЗЕЛАНДА

О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ И ВОЙНѢ

1830—1831 гг.

II ¹⁾.

Сраженіе подъ Гроховымъ.

Значитъ сдѣлалъ визитъ е. выс. Константину Павловичу и, отозвавшись съ похвалою о благоустройствѣ гвардейскаго отряда, выступившаго изъ Варшавы, такъ сказать, въ однѣхъ шинеляхъ, просилъ показать ему весь отрядъ. Обратясь къ Герштенцвейгу, цесаревичъ сказалъ: «Данила Александровичъ, представьте графу отрядъ». На другой день Дибичъ сдѣлалъ намъ смотръ, но вел. князь не выѣзжалъ.

Князь Горчаковъ принялся за свою новую должность со свойственною ему энергіею; ознакомиться съ дѣломъ въ такое время, когда артиллерія нужна не для парадовъ, а для боя, ознакомиться со всѣми начальниками частей — дѣло не легкое. Князь занимался день и ночь, и помучилъ-таки свой штабъ. Въ одно утро разбудили меня въ 4 часа и потребовали въ штабъ. Вхожу — и нахожу всѣхъ за работою. Обращаюсь къ старшему адъютанту капитану Безаку (умеръ генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ)

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, стр. 503—531.

и спрашиваю его—для чего меня требовали? Онъ сказалъ, чтобы я пошелъ къ князю, требовавшему меня. Засталъ я его за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Я сообщилъ ему потребованныя по строевой части свѣдѣнія, и, выходя, встрѣчаю сослуживца своего—подпоручика Шишко, прикомандированнаго къ штабу для усиленія; онъ мнѣ и говоритъ: «видишь какая здѣсь служба, ты уже выпался, а мы еще не ложились».

Не знаю гдѣ стоялъ въ это время Волинскій полкъ, но, за день до Гроховскаго дѣла, подѣхалъ ко мнѣ этого полка штабсъ-капитанъ Гильденштубе, впослѣдствіи командующій войсками Московскаго военнаго округа, и спросилъ не желаю-ли съѣздить съ нимъ въ авангардъ, для свиданія съ маіоромъ Ахте, моимъ двоюроднымъ братомъ по матери, служившимъ въ Екатеринославскомъ гренад. полку. Надо упомянуть, что мы съ Ахте знали другъ друга дѣтьми, но съ той поры не встрѣчались, и мнѣ не извѣстно было гдѣ онъ служитъ. Проѣхали мы въ авангардъ, и я имѣлъ удовольствіе свидѣться съ дорогимъ мнѣ родственникомъ. Гильденштубе былъ по лѣтамъ ровестникъ Ахте, и знали они другъ друга до поступленія на службу въ Аренсбургъ, гдѣ родились мы всѣ трое. Въ продолженіе кампаніи видѣлись мы съ Ахте нѣсколько разъ и, наконецъ, подѣ Варшавою, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе потерять руку. Для излѣченія раны онъ былъ уволенъ въ Ревель, но, цѣли не достигши, умеръ чрезъ годъ.

Къ 14-му февраля поджидали князя Шаховскаго съ двумя гренадерскими дивизіями. Говорили, что въ этотъ день привлекутъ непріятели въ дѣло, такъ чтобы Шаховской, подойдя съ правой стороны, могъ его отрѣзать отъ Варшавы и опрокинуть въ болота, начавшія таять, или поляки принуждены будутъ положить оружіе. Къ сожалѣнію, Шаховской шелъ слишкомъ скоро, имѣлъ дѣло подѣ Бялоленкою, и планъ Дибича открылся. 13-го февраля рано утромъ фельдмаршалъ выѣхалъ къ арміи, и, объѣхавъ ряды, приказалъ служить молебень, какъ вдругъ пушечные выстрѣлы возвѣстили, что гренадеры вновь атакованы Круковецкимъ подѣ Бялоленкою. Тотчасъ созданы были корпусныя командиры, и для спасенія Шаховскаго отдано приказаніе вступить въ бой. Войска стали подѣ ружье, заняли мѣста по назначенію и артиллерія загремѣла.

Фельдмаршалъ сталъ на возвышенности противъ знаменитой

ольховой рощи, по правой сторонѣ шоссе. Первый корпусъ стоялъ на шоссе, а къ правому его флангу примыкалъ 6-й корпусъ (Литовскій), отъ котораго нѣсколько баталіоновъ первые атаковали рощу, защищаемую дивизією Жемирскаго. Всѣ мѣстныя выгоды были на сторонѣ непріателя: роща была перерѣзана двумя параллельными рвами. Наши колонны, не взирая на перекрестный огонь артиллеріи, шли храбро, претерпѣвая убыль отъ непріательскихъ застрѣльщиковъ, укрывавшихся за деревьями. Миновавъ первый ровъ, наши стали гнать непріателя, но второй ровъ остановилъ ихъ порывъ. Подошедшее подкрѣпленіе помогло перейти ровъ и выгнать непріателя. Поляки, видя своихъ отступавшими, подослали подкрѣпленіе. Прондзинскій съ Жемирскимъ, управляя движеніями, выгнали нашихъ изъ лѣса. Подошло и къ намъ подкрѣпленіе, и битва возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ.

Фельдмаршалъ прислалъ просить позволенія взять въ дѣло уланскій имени его высочества полкъ и гвардейскую 3-ю конную роту, на что цесаревичъ отвѣтилъ, что весь отрядъ въ полномъ распоряженіи графа. Его высочество занялъ удобное возвышеніе для наблюденія за ходомъ сраженія. При немъ находились гр. Курута, ген. Герштенцевейгъ (когда пошли въ дѣло уланы и конная рота—онъ уѣхалъ), Феньшъ, Данненбергъ и Корфъ, служившіе въ дежурствѣ и при разныхъ лицахъ адъютантами; я помѣстился въ двухъ шагахъ за цесаревичемъ. При помощи зрительныхъ трубъ всѣ тщательно слѣдили за ходомъ дѣла. Въ особенности жаждалъ успѣха цесаревичъ.

Около 11 часовъ наши вновь заняли почти всю рощу. Хлопицкій приказалъ во что-бы то ни стало ее удержать и послалъ свѣжее войско. Жемирскій удалился со своею измученною дивизією, но въ это время оторвало ему руку; его отнесли въ Варшаву, гдѣ онъ вскорѣ скончался. Около полудня вся почти роща была нами занята, но непріатель получилъ подкрѣпленіе и мы вновь должны были ее уступить. 6-й корпусъ подкрѣпленъ дивизією пѣхоты и карабинерною бригадою. Толь распоряжался на правомъ, а Нейдгардтъ на лѣвомъ флангахъ. 18-ть конныхъ орудій подъ прикрытіемъ украинскихъ уланъ выдвинуты къ южной сторонѣ, а батарейная рота полковника Ренне, въ которой я состоялъ по спискамъ, къ лѣвой сторонѣ лѣса. Непріатель получилъ также под-

крѣпленіе, громко распѣвавшее революціонную пѣсню «*!eszcze Polska nie zginęła rąku mu ziemy*». Хлопицкій самъ сталъ распоряжаться защитой роши. Наши карабинеры подошли ко второму рву, но должны были отступить пораженные сильнымъ огнемъ польской артиллеріи. Поляки заняли лѣсъ, вышли впередъ и начали формировать колонны; взяли нашихъ два орудія, завязавшихъ въ болотѣ. Дибичъ послалъ въ подкрѣпленіе бригаду гренадеръ и самъ поскакалъ въ огонь, а окружавшіе его генералы и адъютанты приняли начальство надъ осиротѣвшими частями и вернули ихъ противъ непріятеля. Хлопицкій въ сѣромъ сюртукѣ, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, потерялъ уже двухъ лошадей, получилъ легкую рану въ ногу, но продолжалъ удерживать спорную рошу, уже заваленную трупами. Наши возвратили взятыя непріателемъ два орудія. Гренадеры и карабинеры подошли уже ко второму рву. Тутъ завязалась вновь битва, но противъ отчаяннаго мужества нашихъ поляки не могли болѣе устоять; въ 3-мъ часу перешли мы второй ровъ, заняли всю рошу и она уже осталась въ нашихъ рукахъ. Полагали, что въ это время лежало въ ней поляковъ и русскихъ убитыхъ и раненыхъ до 8 тысячъ человекъ. Польскіе риемоплеты поспѣшили воспѣвать безпримѣрную храбрость своихъ при защитѣ роши, а варшавянки-патріотки вмѣнили себѣ въ обязанность имѣть непременно крестикъ или другую вѣщицу изъ дерева знаменитой роши.

Перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. Хлопицкій ѣздилъ переговорить съ Радзивилломъ и возвратился для личныхъ распоряженій, но лошадь его была ранена гранатою въ грудь, онъ самъ контуженный въ ноги упалъ безъ памяти и коссіонеры унесли его въ Варшаву, откуда онъ вскорѣ удалился въ Краковъ. Наша линія, выдвинутая впередъ и усиленная артиллеріею, поражаетъ непріятеля. Ихъ выстрѣлы рѣдѣютъ и видимое разстройство непріятеля побудило Толя къ общему наступленію. Атака кавалеріею затруднялась множествомъ рововъ; однако, Толя это не останавливало; онъ выдвинулъ Герштенцвейга съ 24-мя конными орудіями, за ними стали въ колоннахъ: уланскій его высочества и кирасирскій принца Альберта полки; во второй линіи за уланами—Стародубскій, а за принца Альберта полкомъ—Новгородскіе кирасирскіе полки, за ними въ 3-ей линіи кирасирскій военнаго ордена полкъ. Толь собралъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ и далъ

имъ надлежащее наставленіе; самъ онъ полагалъ начать атаку съ уланами. По возвращеніи къ своему мѣсту, командиръ принца Альберта полка полковникъ баронъ Мейендорфъ объявилъ своему полку, что надо отрѣзать поляковъ и не допустить отступленія ихъ къ Прагѣ, и видя, что противъ него усердно дѣйствуетъ польская батарея, онъ попросилъ позволенія командира бригады генерала Каблукова ее взять. Заручившись разрѣшеніемъ, Мейендорфъ, поднявъ палашъ, скомандовалъ впередъ. Толь, недовольный этимъ поспѣшнымъ движеніемъ, приказываетъ 24-мъ орудіямъ Герштенцвейга двинуться рысью, и самъ пошелъ съ уланами, чтобы остаться на одной линіи съ полкомъ принца Альберта. Батарея, на которую Мейендорфъ наступалъ, дала ему дорогу; онъ бросился на войско, прикрывавшее батарею, а 8-й полкъ, въ 50-ти шагахъ, далъ залпъ, но уже кирасиры врѣзались въ въ колонну—она сдается. Мейендорфъ, воображая, что ему слѣдуетъ быть впереди, подвигается съ двумя дивизіонами, такъ какъ третій удержанъ отставшимъ уже Каблуковымъ. За нимъ остановились и прочіе полки, уже тронувшіеся. Нѣкоторые утверждали, что эти полки не трогались; трудно рѣшить этотъ споръ, мнѣ же показалось—они не трогались. Какъ-бы то ни было, но Мейендорфъ ушелъ одинъ; всѣ съ замираніемъ сердца слѣдятъ за нимъ; его уже не видать, но слышно громкое ура. Между тѣмъ ольвіопольскіе и сумскіе гусары съ лѣвой стороны атаквали пѣхоту польскую, которая, завидя на лѣвомъ своемъ флангѣ стремленіе кирасиръ, въ безпорядкѣ отступала, увлекая косіонеровъ и 3-й егерскій полкъ, частію погибшихъ въ болотахъ, почти оттаявшихъ. Гроховъ взять, правое крыло непріятеля быстро отступаетъ и все въ крайнемъ разстройствѣ спѣшитъ къ Прагѣ. Въ страхѣ переходятъ Вислу по ненадежному льду.

Атака уланами не удалась. Украинцы попали въ болото; полкъ его высочества наткнулся у Грохова на водяной ровъ въ три сажени ширины, который невозможно было перейти, и, потерявъ въ это время отъ ружейнаго огня много людей и лошадей, пошелъ вправо въ обходъ. Видя неудачу, Толь хочетъ поддержать атаку Мейендорфа прочими кирасирами, но уже поздно: Мейендорфъ, пробираясь обратно чрезъ польскую армію, уже показался, а съ нимъ возвратился Каблуковъ, котораго лошадь, спасши сѣдока, упала пораженная нѣсколькими пулями.

Мейендорфъ потерялъ двухъ лошадей и возвратился на лошади польскаго улана. Вслѣдъ за нимъ стали малыми партіями возвращаться кирасиры, но едва половина этихъ храбрыхъ вернулась. Они бойко прорвались до Прагскихъ укрѣпленій; нѣкоторые вскочили въ Прагу и изъ сихъ послѣднихъ чело­вѣкъ семь достигли Варшавскаго моста, откуда должны были воротиться кто какъ могъ. Съ обѣихъ сторонъ вниманіе было обращено на эту горсть храбрыхъ. Толь обнялъ Мейендорфа и поздравилъ его съ этимъ подвигомъ. Впослѣдствіи, составленная изъ георгіевскихъ кавалеровъ дума присудила ему Георгія 4-й степени.

Если два дивизіона кирасиръ могли такихъ чудесъ надѣлать, что-же могло быть при дружной атакѣ? Главная вина тяготѣла на 3-мъ дивизіонѣ Мейендорфа полка, а за нимъ и прочіе кирасиры остановились и не тронулись. Такъ говорили, но обвиняли генерала Каблукова, другіе-же—корпуснаго командира графа Витта, который былъ далеко и не зналъ что дѣлается. Командиръ роты, въ которой считался я по спискамъ, полковникъ баронъ Ренне, не отличаясь военнымъ образованіемъ, но личною храбростію, командовалъ въ это время резервною артиллеріею. Будучи свидѣтелемъ описанной выше атаки и вида, что она не поддерживается, увлекся, выѣхалъ передъ Новгородскій кирасирскій полкъ, обнажилъ свою полусаблю и скомандовалъ полку впередъ. Этимъ все и кончилось: его кто-то остановилъ, прося не мѣшаться не въ свое дѣло. Такъ рассказывали, но впослѣдствіи баронъ Ренне мнѣ самъ подтвердилъ это дѣло, назвавъ даже генерала, его остановившаго.

Около 4-хъ часовъ, цесаревичъ, замѣтивъ, что огонь показался правѣ нашего праваго фланга, сказалъ: „кажется, правое крыло подалось назадъ“. Я стоялъ позади вел. князя, и зная, что ждутъ появленія кн. Шаховскаго съ 1-й и 3-й гренадерскими дивизіями, говорю полковнику Рудухину: „вотъ и гренадеры подошли“. Услыхавъ мои слова, цесаревичъ обернулся и спросилъ меня: „что, что видишь?“ Я сказалъ, что вижу гренадеръ, но его высочество, желая въ томъ удостовѣриться, или, скорѣе, узнать о результатахъ столь важнаго дѣла, клонившагося къ концу, приказалъ Корфу отправиться и все развѣдать. „Вы возвратитесь по шоссе, сказалъ онъ, тамъ будемъ васъ поджидать“. Мы съ Корфомъ сѣли на лошадей и поскакали.

Сперва подъѣхали къ уланскому его высочества полку, и, поразспросивъ объ ихъ успѣхахъ и потеряхъ, стали отыскивать 3-ю конную роту, и убѣдились въ совершенномъ разстройствѣ непріятельской арміи, въ полномъ смыслѣ спасавшейся бѣгствомъ.

Часовъ около 5-ти бой сталъ утихать; всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно: говорятъ, что приказано кончить, но никто не можетъ себѣ объяснить почему пріостановлено преслѣдованіе непріятеля, который съ появленіемъ Шаховскаго еще могъ быть отрѣзанъ отъ Праги. Считъ въ своемъ сочиненіи говорить, что распоряженіе о прекращеніи боя сдѣлано когда уже начало темнѣть, но это не такъ: я хорошо помню, что громъ боя сталъ утихать засвѣтло, и даже по совершенномъ прекращеніи огня было еще видно; мы даже до совершенныхъ сумерокъ успѣли на возвратномъ пути доѣхать до того мѣста, гдѣ поджидалъ насъ цесаревичъ.

Гр. Толь былъ уже подѣ самую Прагою, но чтобы ея овладѣть, послалъ къ Дибичу просить присылки дивизіи пѣхоты. Тотъ велѣлъ его отозвать, и когда онъ пріѣхалъ, поздравилъ его съ побѣдою. Толю не до того было,—ему хотѣлось въ этотъ-же вечеръ занять Прагу; каково-же было его удивленіе, когда Дибичъ ему сказалъ, что не желаетъ повторить Суворовскаго штурма Праги. Изъ-за чего-же цѣлый день дрались? Развѣ можно откладывать окончательное пораженіе побѣжденной арміи? За этотъ промахъ пришлось дорого поплатиться.

Корфъ, желая возвратиться къ его высочеству съ возможно положительными свѣдѣніями, отыскалъ князя Горчакова и спросилъ его о причинѣ прекращенія боя и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, но князь, пожавъ плечами, сказалъ, что ничего не знаетъ, и приказалъ прислать меня за приказаніемъ въ главную квартиру, въ Гроховъ. Корфъ, не довольствуясь такимъ извѣстіемъ, отыскалъ генераль-адъютанта Нейдгардта, съ которымъ былъ онъ знакомъ, и сдѣлалъ ему тотъ-же вопросъ, и отвѣтъ былъ тотъ-же. Мы пустились въ обратный путь по шоссе. Версты двѣ за Гроховымъ въ Милоснѣ увидѣли мы влѣво отъ дороги вел. князя со всею свитою. Всѣ были сошедши съ лошадей и, какъ видно, насъ поджидали. Когда мы стали приближаться, его высочество съ нетерпѣніемъ спросилъ: „ну что, Николай Ивановичъ, ну что они думаютъ дѣлать?“, и, получивъ

все тотъ-же лаконическій отвѣтъ, сказалъ: „ничего подобнаго въ жизни не видалъ“. На лицѣ князя изображалось крайнее неудовольствіе. Всѣ сѣли на лошадей и поѣхали въ Милосну. На слѣдующій день вел. князь уѣхалъ въ Бѣлостокъ; больше мы его не видѣли.

Въ арміи распространился слухъ, будто его высочество въ негодованіи, что разбили милыхъ ему поляковъ, оставилъ армію. Больно было слышать такую нелѣпость, и начнешь кого убѣждать, качаетъ головою, выражая тѣмъ сомнѣніе. Почти весь этотъ день былъ я вблизи великаго князя и ни одного слова его не проронилъ. Онъ жаждалъ рѣшительной побѣды, дабы скорѣе покончить эту, ему въ особенности непріятную, войну. Теперь дѣло надолго затянулось и онъ въ негодованіи удалился съ театра войны. Нѣтъ сомнѣнія, великій князь дѣйствительно любилъ поляковъ, но наглая измѣна ихъ и покушеніе на жизнь его должны были измѣнить это благородное чувство. Можетъ быть, цесаревичъ преимущественно ожидалъ скорѣйшей развязки, такъ какъ его излишняя довѣренность къ нимъ удержала его принять заблаговременно такіа мѣры, которыя могли если не совершенно парализовать самый заговоръ, то затруднить начало возстанія, затѣянное безумною молодежью. Итакъ, неосновательные толки создали первыя ложныя мнѣнія о цесаревичѣ, которыя, какъ водится, быстро разошлись, создали общественное мнѣніе; если-бы великій князь не уѣхалъ, толки могли усилиться и послужить къ совершенному извращенію фактовъ. Всѣ служившіе подъ начальствомъ великаго князя, всѣ мы видѣли его душевную борьбу.

Чтобы разъяснить насколько поляки цѣнили расположеніе къ нимъ великаго князя, расскажу слѣдующій фактъ. Любимый его полкъ 4-й линейный за каждый разводъ получалъ не менѣе злотувки на человѣка и всегда пользовался особеннымъ его покровительствомъ. Когда разыгралась революція, 4-й полкъ кричалъ, что въ войнѣ противъ москалей не замазаетъ пѣлки порохомъ (ружья были кремневые), но будетъ работать штыкомъ. Въ дѣлѣ Гроховскомъ этотъ полкъ израсходовалъ всѣ свои патроны и до работы штыкомъ не доходило. Многіе 4-го полка попались въ плѣнъ, и когда мы, при проходѣ партій, стали упрекать ихъ въ неблагодарности, они нахально отвѣтили, что они прежде всего поляки, а не собаки, которыхъ можно прикормить.

Напившись чаю, я поѣхалъ за приказаніемъ въ главную квартиру. Отыскавъ въ Троховѣ квартиру князя Горчакова, вошелъ я въ комнату. Мебели никакой не было, въ углу была только плохая кровать, перетянутая веревками, на которой сидѣлъ князь, завернувшись въ шинель; адъютанты и офицеры, прибывшіе отъ артиллеріи за приказаніемъ, сидѣли на полу, прислонившись къ стѣнѣ. По предложенію князя, и я сѣлъ отдохнуть. Черезъ часъ вышелъ я посмотреть свою лошадь, которую прицѣпилъ за поводъ къ забору. Мнѣ представилась прелестная картина бивачныхъ костровъ, около которыхъ рисовались закопѣлыя лица нашихъ добрыхъ солдатъ. Слышу, въ одномъ солдатскомъ кружку въ одинъ голосъ закричали что-то въ родѣ: здравія желаемъ или рады стараться. Пошелъ я по этому направленію, и вижу, что главнокомандующій, въ скрутку безъ эполетъ, обвязанный около шеи на крестъ чрезъ грудь краснымъ шарфомъ, по обыкновенію въ фуражкѣ съ чехломъ черной клеенки, переходитъ отъ одного кружка къ другому и говоритъ солдатамъ: «а что, ребята, славнаго задали имъ сегодня чесу», и на дружное ихъ: „рады стараться, ваше-ство!“ продолжалъ: «погоди, ребята, еще не то будетъ». Прогулка Дибича, конечно, имѣла свою цѣль: или онъ зондировалъ расположеніе къ себѣ войскъ, или онъ вышелъ провѣтриться послѣ лишняго стакана пунша. По возвращеніи въ комнату, вошелъ къ намъ генераль штабъ-докторъ Холодовскій просить позволенія внести для перевязки раненаго офицера принца Альберта полка. Несчастный внесенъ на плащѣ; съ трудомъ привели его въ чувство. На вопросъ врача—не хочетъ-ли чего, онъ просилъ воды, но ему дали воды. У него оказалось 10 ранъ, въ томъ числѣ двѣ сабельныя на головѣ. Перевязка продолжалась долго.

Не помню, въ чемъ заключалось полученное мною приказаніе, но насъ продержали до 7-ми часовъ утра, и до этого времени непріятель продолжалъ свою ретирату, преимущественно по мосту; только часть пѣхоты переправлялась осторожно по льду.

Почему Прага не взята, почему польская армія не опрокинута въ Вислу—никто не могъ себѣ дать отчета. Конечно, побѣда на нашей сторонѣ, армія мятежниковъ морально и физически сильно пострадала; а какую мы извлекли выгоду изъ сво-

его положенія? Дибичъ опасался ужасовъ суворовскаго штурма. Суворовъ зналъ что дѣлаетъ, и въ тотъ разъ достигъ своей цѣли,—штурмъ Праги подавилъ возстаніе. Когда Суворову послѣ намекнули на ужасы штурма Праги, онъ сказалъ: «подобный штурмъ избавляетъ отъ трехъ лѣтъ кровопролитій». Развѣ онъ не правъ? Сколько въ 1831 году пролито крови послѣ Гроховскаго дѣла, и не была-ли бы эта кровь сбережена, если-бы исполнися планъ Толя? Наконецъ, нельзя-же было не принять въ расчетъ, что въ 1831 году уже не могли повториться ужасы штурма 1794 года. Взяли-же мы послѣ всѣ передовыя укрѣпленія и предмѣстье мятежной Варшавы штурмомъ, но все происходило чинно и мы заняли Варшаву въ примѣрномъ порядкѣ. Говорили въ то время различно, но истина неразгадава; раскрыть ее предоставлено времени. Впрочемъ, довѣріе къ Дибичу сильно пошатнулось, все роптало, и многіе, не безъ основанія, приписывали неудачи—страсти его бесѣдовать по вечерамъ съ Бахусомъ.

Мы потеряли въ Гроховскомъ дѣлѣ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими болѣе 9,000 человекъ. Въ числѣ раненыхъ былъ генералъ Данилевскій, первый авторъ войны 1812 года. Равенъ онъ въ знаменитой ольховой рощѣ, куда былъ посланъ Дибичемъ съ приказаніемъ.

Когда польская армія начала, 13-го числа, отступать, общій безпорядокъ навелъ ужасъ на Варшаву, гдѣ всѣ готовились бѣжать. Казенныя суммы были уже на дорогѣ въ Кельцы, въ канцеляріяхъ сейма и министерствъ укладывали дѣла, и секретарь сената Нѣмцевичъ уѣхалъ съ сенатскимъ архивомъ въ Краковъ. Въ ночь Варшава представляла болѣе безпорядка, чѣмъ въ первую ночь революціи: тогда все было одушевлено напрасною надеждою, теперь все поникло головою. Госпитали и частныя дома были набиты ранеными; каждый оплакивалъ кого-либо изъ родныхъ или друзей; солдаты въ безпорядкѣ рыскали по городу кто гдѣ хотѣлъ, бивакировали на улицахъ и добывали себѣ пищу кто гдѣ могъ.

Члены правленія, сознавая неспособность Радзивилла, избрали вмѣсто него полковника Скржинецкаго. Онъ тотчасъ приказалъ Прагу сжечь, вооружить мостовое укрѣпленіе, поставить по обѣимъ сторонамъ онаго на берегу Вислы батареи, для обстрѣливанія мѣстности предъ тетдепономъ, и занялся устройствомъ

арміи. Скржинецкій, по утвержденіи его сеймомъ въ званіи главнокомандующаго, всѣми силами старался возстановить духъ арміи: нижнихъ чиновъ ободрялъ словами, подарками, а офицеровъ щедро производилъ въ чины и не менѣе щедро раздавалъ при случаѣ орденъ за военныя достоинства. По взятіи въ августѣ Варшавы, нашли мы въ магазинахъ гравюру, на которой красуется огромное дерево съ плодами въ видѣ *virtuti militari*. Скржинецкій стоитъ и потряхиваетъ большой сукъ этого дерева, а адъютанты его и молодые офицеры подбираютъ крестики. Значить, былъ уже не въ мѣру щедръ, когда свои сочинили пасквиль.

Поляки легко увлекаются; они ожили съ назначеніемъ Скржинецкаго; а на чемъ эти надежды основаны? Военныхъ своихъ способностей онъ до того не имѣлъ случая выказать. Въ 1812 году, въ войнѣ съ Наполеономъ, онъ служилъ въ пѣхотѣ въ маленькомъ чинѣ, а возмущеніе застало его командиромъ 8-го линейнаго полка. Хвастовство—врожденная слабость поляковъ, а Скржинецкій до того ею увлекся, что войско и народъ вполнѣ на него положились; все ожило въ полномъ убѣжденіи, что никто, какъ Скржинецкій ихъ спасетъ. Опять увлеченіе; впрочемъ, при безрыбьѣ и ракъ рыба.

15-го февраля въ войскахъ нашихъ отслужили благодарственный молебенъ и главная квартира переведена въ Милосну. Черезъ недѣлю гр. Витъ съ своими кирасирами, генералъ Муравьевъ съ полками Самогитскимъ, Луцкимъ и Несвижскимъ и еще нѣсколько полковъ 3-й гренадерской дивизіи направлены на Рыки къ Люблину для преслѣдованія Дверницкаго, перешедшаго въ Пулавахъ Вислу съ значительными силами. Вслѣдъ затѣмъ посланъ гр. Толь управлять этимъ движеніемъ.

Главнокомандующій задумалъ дать войскамъ отдыхъ, покуда вскроются рѣки и поправятся дороги. Онъ перевелъ главную квартиру въ Сенницу; всѣмъ войскамъ назначено просторное по военному времени расположеніе, для удобнѣйшаго продовольствія реквизиціоннымъ порядкомъ. Нашему отряду назначено идти въ Желеховъ, куда мы направились 23-го февраля. Два дня спустя, авангардъ, подъ начальствомъ Гейсмара, отступилъ отъ Праги къ Ваверу. За нимъ стоялъ по варшавскому шоссе первый пѣхотный корпусъ.

Спустя недѣлю послѣ гроховскаго разгрома, явился на нашихъ форпостахъ полковникъ графъ Мицельскій подъ предлогомъ обмѣна плѣнныхъ, но настоящая его цѣль была вывѣдать условія примиренія. Дибичъ велѣлъ ему сказать, что, во-первыхъ, они должны уничтожить актъ детронизаціи и потомъ исполнить требованія государя императора, въ манифестѣ изложенныя. Черезъ два дня онъ вновь явился съ извѣщеніемъ, что объ уничтоженіи акта детронизаціи нужно представить сейму, который для того долженъ собраться. Онъ возвратился въ Варшаву съ прежнимъ отвѣтомъ. Потомъ Скржинецкій два раза писалъ черезъ него-же Дибичу, требуя утвержденія прежней конституціи съ тѣмъ, чтобы она впредь свято сохранялась и чтобы къ Царству были присоединены польско-россійскія провинціи. На письмо это отвѣчалъ Нейдгардъ словесно Мицельскому, что фельдмаршалъ не можетъ входить въ переговоры съ возмутителями, и кровопролитіе можетъ быть прекращено только въ такомъ случаѣ, если они безусловно положатъ оружіе.

4-го марта, вмѣсто 1-го корпуса занялъ 6-й корпусъ Миросну, Дембе-Велке и Минскъ. 11-го марта возвратился въ главную квартиру гр. Толь, оставивъ для наблюденія за Дверницкимъ, на лѣвомъ берегу Вепши до Люблина, графовъ Крейца и Витта. Около половины этого-же мѣсяца вступилъ въ Польшу гвардейскій корпусъ, и занялъ раіонъ между Тикочинимъ и Остроленкою.

Дибичъ предположилъ переправиться' черезъ Вислу, при деревнѣ Модржицъ и впаденія въ нея Вепша (впослѣдствіи тутъ построена крѣпость Иванъ-городъ). Постройка моста возложена, 3-го марта, на генерала Герштенцвейга, подъ прикрытіемъ Волынскаго полка и 8-ми батарейныхъ орудій. Къ 22-му марта мостъ долженъ былъ поспѣть, чтобы 23-го переправиться на лѣвый берегъ Вислы. Мы поднялись къ переправѣ 17-го числа.

При выступленіи изъ Желохова на первомъ привалѣ нагналъ насъ славный нашъ партизанъ генераль-маіоръ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Онъ, какъ рассказывали, просилъ позволенія принять участіе въ этой войнѣ. Государь императоръ спросилъ Дибича—желаетъ-ли онъ его имѣть, и получилъ въ отвѣтъ, что ему пріятно будетъ имѣть въ своей арміи такого генерала. Давыдовъ распростился съ семействомъ, поспѣшилъ

оставить Москву, приватилъ въ главную квартиру, получилъ назначеніе отряднаго начальника за Люблинымъ и, отправляясь къ мѣсту, не знаю почему, примкнулъ къ намъ. Въмѣсто сабли висѣла у него черезъ плечо шашка, а съ правой стороны висѣла казацкая нагайка, какъ у всѣхъ офицеровъ въ арміи, отъ гр. Толя до младшаго прапорщика. Какое значеніе имѣла эта нагайка, въ особенности у пѣхотинца, не берусь опредѣлить; но всякій вновь прибывающій въ армію запасался нагайкою, изготовленіемъ которыхъ занимались казаки, по одному серебряному рублю. Давыдовъ былъ плотный мужчина, нѣсколько сутоловатъ, съ лицомъ смуглымъ и небольшими сверкающими глазами, но усы его висѣли до груди. Видѣлъ я послѣ портретъ его въ изд. „Сто русскихъ литераторовъ“, который не очень похожъ, и онъ тутъ изображенъ съ подстриженными усами. Давыдовъ сдѣлалъ съ нами два перехода, занимая окружавшихъ его интересными разсказами. Все время былъ онъ въ отличномъ расположеніи духа, шутилъ, и искрившіеся его глаза могли cadaго въ томъ убѣдить, что душа его сохранила отголосокъ удалыхъ порывовъ юности. Между прочимъ, помню, онъ намъ разсказывалъ, что проѣздомъ къ арміи онъ обѣдалъ въ трактирѣ г. Сѣдлеца, гдѣ около него бесѣдовали артиллеристы о необыкновенномъ курьезѣ; вотъ что они ему разсказывали: въ Бѣлостоѣ при корпусномъ штабѣ находился 25-й бригады капитанъ Щепотьевъ, и въ свободное время преподавалъ дѣтямъ корпуснаго командира барона Розена ариметику. Когда корпусъ тронулся, Щепотьевъ тамъ остался, и теперь тамъ находится, вѣроятно, въ качествѣ учителя, и вотъ вышли награды за Гроховское дѣло—и въ числѣ награжденныхъ оказался Щепотьевъ, удостоенный орденомъ Св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

Мы разлучились съ Давыдовымъ, помнится, въ Коцеѣ. Послѣ слышно было, что поляки его крѣпко не долюбливали. Не знаю, какъ дошелъ до насъ анекдотъ о немъ, достовѣрность котораго сомнительна: будто государь узналъ изъ иностранныхъ газетъ, что Давыдовъ, по взятіи имъ Владиміра на Волини, самовольно вѣшалъ поляковъ, а Муравьевъ разграбилъ дворецъ въ Пулавахъ, не пощадивъ даже знаменитой библіотеки. Давыдову приказано отправлять всѣхъ плѣнныхъ въ Россію; немного спустя, докладываютъ ему о поимкѣ какого-то важнаго мятежника;

Давыдовъ приказываетъ его повѣсить, когда-же докладчикъ рѣшается напомнить о послѣдовавшемъ запрещеніи вѣшать, онъ отвѣчаетъ: „повѣсить его заднимъ числомъ“.

Съ отъѣздомъ его высочества командовалъ отрядомъ нашимъ графъ Курута, родомъ грекъ; а когда Герштенцвейгу поручено было устройство переправы, Корфъ исправлялъ должность дежурнаго генерала. По этому случаю мнѣ приходилось бывать съ докладомъ у графа. При занятіяхъ графъ насаживалъ на ность старинные очки безъ станка, съ большими круглыми стеклами, и медленно съ терпѣніемъ, педантически, рисовалъ свою подпись, одну какъ другую; принесъ я разъ въ подписи въ числѣ разныхъ бумагъ какое-то свидѣтельство; онъ спросилъ меня въ какомъ мѣстѣ думаю приложить печать, и когда я указалъ мѣсто повыше его подписи, онъ съ таинственною важностію сказалъ, что государственная печать должна быть выше всякой подписи, а какъ молодые люди не могутъ оцѣнить сколь важно исполненіе сего условія, то и онъ не можетъ подписать свидѣтельства, покуда не будетъ приложена печать. Графъ носилъ у себя дома куртку изъ стараго мундира, съ воротникомъ, обшлагами и выпушками малиноваго сукна, по формѣ генеральскихъ вицъ-мундировъ въ войскахъ, подчиненныхъ цесаревичу, по примѣру польскихъ войскъ. Ростомъ былъ онъ малъ, всегда остриженъ подъ гребенку, и походилъ при этой наружности и въ такомъ костюмѣ на стараго дворецкаго какого-нибудь знатнаго лица. Въ такомъ-то нарядѣ выходилъ онъ прогуливаться, а при дурной погодѣ выходилъ въ дежурство, которое обыкновенно располагалось около его комнаты. Кажется, въ Милоснѣ, дежурство помѣщалось на свѣчномъ заводѣ, писаря сидѣли за работою, а графъ по обыкновенію прогуливался по комнатѣ; входитъ въ это время адъютантъ изъ главной квартиры и, не зная въ лицо графа, обращается къ нему съ вопросомъ—можно-ли видѣть графа и просить о немъ доложить. На вопросъ графа, что ему угодно—адъютантъ говоритъ: „поди, братецъ, доложи обо мнѣ“. Кончилось тѣмъ, что графъ разъяснилъ пріѣзжему его ошибку, а тотъ сконфуженный разсыпался въ извиненіяхъ.

Мы пошли на Коцкъ въ Рыки, куда прибыла 19-го числа главная квартира. Предположено до переправы арміи поджечь пражскій мостъ, но не было удачи, — брандеры сѣли на мель.

Къ вечеру наканунѣ вступленія нашего въ Рыки, возвратился въ нашъ отрядъ 3-й конно-легкой гвардейской роты поручикъ Кнорингъ (впослѣдствіи генер.-адъют.), командированный для выбора лошадей изъ конной артиллеріи 6-го корпуса, и объявилъ, что Гейсмаръ атакованъ 19-го числа Скржинецкимъ; о наступленіи непріятеля не былъ увѣдомленъ командиръ 6-го корпуса, въ Дембе-Велке, который узналъ о томъ, когда уже польскіе жандармы вскочили въ деревню. Корфъ доложилъ объ этомъ гр. Курутѣ, а тотъ отправилъ самого Кноринга въ главную квартиру рассказать что знаетъ. Г. Толь, выслушавъ эту вѣсть въ самомъ дежурствѣ, куда съѣхалось много адъютантовъ и ординарцевъ за приказаніемъ, вошелъ въ смежную комнату, гдѣ находился главнокомандующій. Вышедъ оттуда чрезъ нѣсколько времени, графъ спросилъ, есть-ли тутъ кто отъ генерала Герштенцвейга, и когда отозвался 5-й бат. роты поруч. Драке (впослѣдствіи генераль-отъ-артиллеріи), онъ ему приказалъ немедленно ѣхать къ своему генералу и передать приказаніе главнокомандующаго тотчасъ съжечь мостъ и съ отрядомъ присоединиться къ главной арміи. Конечно, Драке такъ и сдѣлалъ, но Толь вышелъ опять минутъ чрезъ 20—25 и спросилъ—уѣхалъ-ли ординарецъ Герштенцвейга и, получивъ утвердительный отвѣтъ, послалъ офицера изъ числа состоявшихъ при главной квартирѣ съ приказаніемъ не жечь моста и ожидать дальнѣйшихъ приказаній, если-же мостъ горитъ, то присоединиться отряду къ арміи. Къ общему сожалѣнію, посланный засталъ мостъ въ пламени, и эта работа, стоившая трудовъ и денегъ, такъ и погибла, а она должна была и могла довести насъ до цѣли. Пушкинъ назвалъ Варшаву гнѣздомъ измѣнъ и мятежей; вотъ этимъ-то гнѣздомъ надо было завладѣть во что-бы то ни стало; нѣтъ дѣла, что пражскій мостъ уцѣлѣлъ, Скржинецкій пусть себѣ идетъ, куда заблагорассудитъ; остановили-же его у Сѣдлеца, и если-бы онъ даже успѣлъ взять этотъ городъ, то дальше не ушелъ-бы; стоялъ-же Паленъ со 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ въ Брестъ-Литовскѣ. Говорили въ защиту Дибича, что Скржинецкій могъ идти въ сторону и направиться въ Литву, чтобы ее поднять,—и это вздоръ: насколько ее можно было поднять—выпало на долю Дембинскаго, Гелгута и подобныхъ имъ рыцарей; Скржинецкій хотѣлъ отвлечь Дибича отъ переправы—и это ему удалось, а переправся мы,

онъ-бы тотчасъ возвратился въ Варшаву, которую намъ легче было - бы взять еще не укрѣпленную. Отъ поляковъ нельзя было скрыть желаніе наше переправиться на лѣвый берегъ Вислы. Польской артиллеріи генераль Бонтанъ (Bontemps по усмиреніи мятежа вступилъ въ нашу службу) устроилъ въ Варшавѣ литейную для снабженія артиллеріи орудіями и пороховой заводъ, а такихъ учреждений не уложишь на подводы, какъ 13-го февраля укладывались архивы министерствъ и, однако, они-то и питають возстанія. Когда мы впослѣдствіи заняли Варшаву, то подивились дѣятельности Бонтана; около арсенала лежали груды битыхъ колоколовъ, свезенныхъ со всей Польши для отливки орудій; а строенія стараго города, на которыхъ прежде сильно выступала селитра, оказались тщательно оскобленными.

Говорили, будто въ Рыкахъ былъ военный совѣтъ, и Толь былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ переправиться и утвердиться на лѣвомъ берегу Вислы; но какъ-бы то ни было, а мы 25-го утромъ пришли въ Рыки, и тутъ уже получили приказаніе продолжать путь, повернувъ направо, т. е. мы потянулись съ арміею на встрѣчу ея обозамъ. Мы шли на Луковъ, вѣроятно, съ цѣлю, чтобы перерѣзать Скринецкому путь къ Сѣдлецу, гдѣ хранился запасъ провіанта, пороха и снарядовъ. Версты двѣ за Рыками нагналъ насъ Дибичъ съ огромною свитою; мы съ Корфомъ посторонились, пропуская его, отдали честь, но озабоченная голова предводителя арміи насъ какъ-бы не замѣтила.

Мнѣ, маленькому человѣку, нельзя было знать Дибича; я зналъ, что ему довѣрили армію, довѣрялъ способностямъ опытнаго генерала, и если распоряженія его мнѣ не нравились, то утѣшался тѣмъ, что гдѣ-же намъ судить о такихъ дѣлахъ. Но наружность его мнѣ не нравилась: голова была у него съ котелъ, волосы длинны и въ безпорядкѣ, лоснящееся лицо украшено большимъ сизымъ носомъ, туловище большое на коротенькихъ ножкахъ, требовавшихъ скамейки, чтобы ему сѣсть на свою большую бѣлую лошадь; вообще костюмъ его отличался неряшествомъ.

Къ этому времени весь запасъ сѣна истощился; кавалерія и артиллерія чрезвычайно затруднялись въ продовольствіи лошадей, что производилось реквизиціоннымъ порядкомъ. На ночлегахъ все бросалось въ ближайшія селенія, гдѣ разбирались гнилыя

соломенные крыши для прокорма лошадей. И при такомъ кормѣ лошади попроще еще держались, но заводскія не выдержали; въ Подольскомъ кирасирскомъ полку и вообще изъ верховыхъ пало до половины лошадей. У меня была вьючная лошадь, купленная предъ выходомъ изъ Брестовицъ у русскаго маркитанта; она кормилась мелкими древесными вѣтвями, входившими уже въ сокъ, и ни чуть не спала съ тѣла, и если пара генеральская не могла гдѣ вытащить коляски его, снимали съ моей лошади вьюкъ и ее запрягали. Итакъ, отправляясь въ походъ, слѣдуетъ избѣгать лошадей заводскихъ съ деликатнымъ воспитаніемъ.

Дибичъ пришелъ въ Луковъ 29-го марта, въ день сраженія при деревнѣ Игане, гдѣ поляки не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и силою и гдѣ въ особенности отличились 13-й и 14-й егерскіе полки. Главная квартира заняла Сѣдлецъ 31-го марта; а нашъ отрядъ остался подъ Луковымъ, въ 4-хъ миляхъ отъ Сѣдльца. Здѣсь настигла насъ эпидемическая холера; заболѣвало много, но смертность была невелика. Въ Литовскомъ полку, примыкавшемъ къ болотистой мѣстности, заболѣвало въ день 80 человѣкъ, а въ Волынскомъ, расположенномъ на сухой почвѣ, заболѣвало въ то-же время только 40 человѣкъ. Нижнимъ чинамъ раздавали набрюшники и давали ежедневно по чаркѣ вина, а въ воду для питья клали мяту. Мы утромъ натошакъ выпивали по рюмкѣ водки съ мятными каплями, воду пили съ краснымъ виномъ, и между офицерами заболѣвало вообще немного, но, какъ помнится, умерли изъ артиллеристовъ командиръ гвардейской конной роты полковникъ Гербель, 5-й батареей роты поручикъ баронъ Ренне и нашей 1-й батареей подпоручикъ Рейхъ.

Въ стоянкѣ подъ Луковымъ познакомился я съ флигель-адъютантомъ штабъ-ротмистромъ Александровымъ старшимъ (умершимъ въ чинѣ генералъ-маіора свиты его величества), служившимъ въ Подольскомъ кирасирскомъ полку. Онъ до Гроховскаго дѣла находился постоянно при Константинѣ Павловичѣ, а по отъѣздѣ его въ Бѣлостокъ, былъ отправленъ въ полкъ и взятъ командиромъ полка безсмѣннымъ ординарцемъ. Будучи до того времени подъ строгимъ контролемъ отца, онъ тутъ только началъ пользоваться свободой, иногда даже черезъ край, и какъ лихой товарищъ заслужилъ любовь всѣхъ его знав-

шихъ. Въ качествѣ ординарца прїѣзжалъ онъ къ намъ въ дежурство за приказаніемъ. Вскорѣ гр. Курута взялъ его къ себѣ въ ординарцы, но ему приказано оставаться въ каскѣ, тогда какъ мы, штабные, носили шляпы или фуражки въ клеенкѣ. Съ каждою почтою получалъ онъ письма отъ цесаревича; не помню почему, но онъ мнѣ разъ передалъ только-что полученное изъ Бѣлостока письмо; весь листъ былъ мелко исписанъ на французскомъ языкѣ самыми убѣдительными отеческими наставленіями, не забыты даже предостереженія и наставленія, какъ себя вести во время холеры...

Съ 12-го по 13-е апрѣля нашъ отрядъ участвовалъ въ безплодномъ фланговомъ движеніи арміи чрезъ Куфлевъ на Минскъ и обратно въ окрестности Сѣдлеца. Стали мы на шоссе, не доходя 12-ти верстъ до города.

При выступленіи изъ Лукова, подѣзжая къ первой деревнѣ изъ занятыхъ еще ночью непріателемъ, мы съ Павломъ Константиновичемъ (Александровъ старшій) выѣхали впередъ изъ пустаго любопытства, такъ какъ говорили, что у непріателя холера была сильна. Послѣдовалъ за нами, верхомъ-же на маленькой казачьей лошаденкѣ, претолстый камеръ-лакей, всегда сопровождавшій Александра въ качествѣ дядьки. Въ деревнѣ сказали, что непріатель вышелъ въ 3 часа утромъ, т. е. вскорѣ послѣ нашего выступленія; холера была сильна и теперь нѣсколько избъ подрядъ заняты больными и умершими; по опушкѣ лѣса пестрѣлись множество неокрашенныхъ крестиковъ надъ могилами умершихъ отъ холеры, чѣмъ доказывалось, что смертность была сильна. Павелъ Константиновичъ сдѣлалъ предложеніе войти въ избу взглянуть на больныхъ, на что я, конечно, согласился, но дядька струхнулъ не на шутку и убѣдительнѣйше просилъ этого не дѣлать; когда-же все его краснорѣчіе ни къ чему не послужило и мы уже слѣзли съ лошадей, онъ добылъ изъ кармана пузырекъ съ растворомъ хлора и сталъ насъ опрыскивать. Остался онъ при лошадяхъ, а мы вошли въ одну и другую избы, поговорили съ тѣми, которые въ силахъ были отвѣчать, и потомъ сѣли на лошадей и поспѣшили къ отъѣзду. Подходя къ Минску, намъ показали корчму, въ которой отнимали руку раненому въ этотъ день генералу Скобелеву. Продиктованный имъ прощальный при-

казъ дивизіи былъ такъ хорошъ, что всѣ о немъ говорили, но мнѣ онъ не попался въ руки.

Подъ Сѣдлецомъ простояли мы съ 18-го по 30-е апрѣля. По распоряженію главнаго штаба, офицеры генеральнаго штаба были обязаны дѣлать глазомѣрную съемку тѣхъ мѣстъ, на 7 верстъ кругомъ, гдѣ расположены ихъ части. Состоявшій при нашемъ отрядѣ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ баронъ Ливенъ (былъ впослѣдствіи генераль-губернаторомъ Остзейск ихъ провинцій) заболѣлъ, а потому Корфъ поручилъ мнѣ сдѣлать съемку. Я нѣсколько дней подъ-рядъ, не слѣзая съ лошади, занимался составленіемъ требуемаго плана, конечно, ни на что не пригоднаго, когда въ главной квартирѣ имѣлись превосходные планы.

Съ 30-го апрѣля по 3-е мая отрядъ нашъ участвовалъ во фланговомъ движеніи арміи отъ Жукова чрезъ Калушинъ къ Ендржееву и обратно въ свои лагери. 7-го мая двинулись мы съ главною арміею отъ Жукова чрезъ Соколовъ и, перейдя 9-го мая вечеромъ Бугъ по pontонному мосту, пришли въ Гранно. Здѣсь главная квартира открыла у помѣщика запасъ сѣна. Заплочено за него съ удовольствіемъ по одному рублю серебромъ за пудъ, и дали-бы вдвое, если-бы хозяинъ сѣна догадался поупрямиться, такъ какъ лошади наши по большей части довольствовались всходами ржи; обрадовались мы сѣну, но Корфу досталось по разверсткѣ всего около 10 пудовъ.

Мая 10-го прошли мы Цехановецъ къ Нуру, гдѣ кирасиры гр. Витта разбили дивизію Лубенскаго. Въ Цехановцѣ, гдѣ мы въ прежніе годы ставили лагерь, понадобилось мнѣ размѣнять на серебро 100 рублевую ассигнацію, и что-же?—дали мнѣ только 18 рублей серебра, курсъ сильно упалъ: до войны получали за 100 руб. 28 руб. и 28 руб. 50 копеекъ.

Въ это время Скржинецкій, преслѣдовавшій гвардейскій корпусъ до Тикочина, началъ свою ретираду, конечно, вслѣдствіе движенія главной арміи. Вечеромъ 12-го мая непріятель былъ между Ломжою и Остроленкою; мы-же въ это время пришли въ Высоко-Мазовецкъ, а гвардія была въ Мендзинѣ. Съ 6-ти часовъ утра 13-го числа начался форсированный маршъ на Пыски 50 верстъ, а потомъ далѣе на Остроленку, куда мы пришли къ 10-ти часамъ утра 14-го числа, сдѣлавши въ 28 часовъ 75 верстъ; самый

значительный привалъ былъ съ полночи до 2-хъ часовъ, но и этотъ казался какъ бы случайнымъ; остановились въ дефиле, люди не сходили со своихъ мѣстъ и, конечно, каши не варили. Къ утру меня мучила жажда, а вода у артиллеристовъ вышла, и достать ее нельзя; мы остановились въ лѣсу, и ежели послать людей за водою, а войска двинутся—люди будутъ потеряны; жажда принудила меня напиться въ канавѣ грязной нагрѣтой солнечными лучами водицы, въ которой я тотчасъ-же замѣтилъ плавающую лягушечью икру; къ счастію, меня стошнило и все возвращено канавѣ.

III.

Сраженіе подъ Остроленкой.

Скржинецкій перешелъ 13-го Наревъ и полагалъ 14-го отдохнуть послѣ быстрой ретирады; а для прикрытія Остроленки оставилъ двѣ дивизіи, имѣвшія для своей защиты каменные дома города и монастырь. Подходя къ Остроленкѣ, гр. Курута послалъ къ Дибичу съ донесеніемъ о прибытіи отряда и за приказаніемъ флигель-адъютанта Александрова старшаго; онъ возвратился съ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

Остроленку нашли мы уже очищенною отъ непріятеля; полки были за рѣкою и мы застали, такъ сказать, финалъ страшной давки на мосту, причемъ ихъ множество попадало въ рѣку. Непріятель съ такою поспѣшностію уходилъ, что цѣлые баталіоны, видя невозможность пройти по мосту, бросались въ рѣку, причемъ не умѣвшіе плавать тонули, а плававшимъ посылались въ догонку пули, такъ что рѣка запрудилась ихъ тѣлами. Вообще городъ сильно пострадалъ, и на правой сторонѣ остались однѣ дымовыя трубы.

Артиллерию нашего отряда поставили по правой сторонѣ города, на берегу Нарева, которая въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла мостъ, представляла вершину входящаго тупаго угла, такъ что выстрѣлы нашихъ 65 батар. орудій, поставленныхъ съ обѣихъ сторонъ города, поражали непріятеля перекрестно; его-же выстрѣлы расходились и, будучи направлены съ отдаленной позиціи,

не производили вреда; снаряды попадали въ рѣку или поражали мѣстность за нашими батареями, никѣмъ не занятую. Между нашею батареею и ящиками остался раненый полякъ, недоросль лѣтъ 15-ти, въ мундирѣ недавно сформированнаго полка варшавскихъ дѣтей. Чтобы дѣтей прельстить мундиромъ, весь полкъ имѣлъ штабъ-офицерскіе эполеты изъ малиноваго гаруса. Несчастный юноша просилъ напиться. Я слѣзъ съ лошади, взялъ висѣвшую у него на пуговкѣ склянку, въ которой вода на солнцѣ согрѣлась, и принесъ ему свѣжей воды. Напившись, бѣдняга поблагодарилъ меня взглядомъ и указалъ на свою рану; она, конечно, была смертельна, такъ какъ пуля попала въ животъ, можетъ быть, даже навывлетъ. Потомъ я приказалъ принести носилки, на которыя его уложили и отнесли на главный перевязочный пунктъ.

Первые перешли чрезъ мостъ Астраханскій и Суворовскій гренадерскіе полки, прикрытые спереди высокимъ полотномъ шоссе, служившимъ имъ брустверомъ; правый флангъ ихъ упирался въ болото. Шоссе это, направленное на Варшаву, у самаго моста сварачиваетъ круто влѣво, доставило нашимъ войскамъ во весь день превосходное прикрытіе. Потомъ перевели на ту сторону нѣсколько кавалеріи, но по причинѣ болотистой мѣстности, ея нельзя было употребить съ пользою, и она возвратилась. При переправѣ кавалеріи по мосту на плотяхъ, онъ былъ поврежденъ, а какъ большой мостъ на сваяхъ былъ безъ настилки, то сообщеніе на время прервано. Замѣтивъ это, поляки повели атаку. Гренадеры стояли неподвижно; уже довольно близко поляки закричали: «прочь москале», и съ этими словами бросили въ ряды наши камени и грязь. Тутъ уже гренадеры оставили свое прикрытіе, вскочили на шоссе, бросились въ штыки и, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля, наткнулись на батарею, взяли два орудія, но не могли ихъ увести. Тѣмъ временемъ успѣли плоты связать и перевезти еще бригаду карабинеръ. Скржинецкій повторилъ атаку дивизіею, но и она была отброшена; онъ въ отчаяніи кричалъ, метался во всѣ стороны, отдавалъ приказанія и тотчасъ ихъ отмѣнялъ, собралъ кавалерію, которую, какъ я уже сказалъ, нельзя было употребить съ пользою. Правда, атаки производились въ безпорядкѣ, безъ успѣха, и повторялись съ тѣмъ же результатомъ. Слѣдилъ я съ крайнимъ любопытствомъ за

атаками, представлявшими для меня зрѣлище совершенно новое, но во все время до настоящей расправы на штыкахъ не доходило: подойдутъ поляки на 100 или даже на 50 шаговъ—и покажутъ тылъ. Нашими выстрѣлами взорваны у непріятеля два зарядныхъ ящика, чѣмъ произведенъ значительный вредъ, при тѣснотѣ мѣстности, имъ занимаемой. Скржинецкій устроилъ еще атаку и на этотъ разъ пѣхота его двинулась распѣвая: «еще Полска не згинела пуки мы жіемы»,—но удачи не было, ихъ подпустили и ударили въ штыки, они дали тягу и потеряла много плѣнными.

Наконецъ, гвардейскіе саперы окончили исправленіе моста на плотяхъ, и тотчасъ перевели на ту сторону одну гренадерскую дивизію и 4 учебныхъ орудія. Перешелъ также Мандерштернъ съ 5-ю баталіонами 1-го корпуса, бросился на непріятеля, подкрѣпленный слѣва полкомъ гр. Румянцева и справа—3-мъ карабинернымъ; выслали застрѣльщиковъ и завязалась перестрѣлка, но польская кавалерія опять-таки поднялась въ атаку и пѣхота наша должна была свернуться, встрѣтивъ атакующихъ дружнымъ огнемъ. Скржинецкій повторилъ атаку за атакою, но все напрасно, успѣха не было и, наконецъ, убѣдившись въ невозможности отбросить насъ за Наревъ, рѣшился ограничиться тѣмъ, чтобы препятствовать переправѣ большихъ массъ.

Дибичъ перевелъ на ту сторону свѣжія войска, въ числѣ которыхъ были старый и новый Ингерманландскіе полки. При новой атакѣ, веденной непріателемъ съ энергією, эти два полка отступили. Уже многіе бѣжали по мосту, но были тутъ остановлены, устроились, пошли единодушно и отбросили врага. Скржинецкій потерялъ голову, армія его потерпѣла рѣшительное поражение и остатки ея разбрелись въ разныя стороны. Если-бы Дибичъ воспользовался этимъ его положеніемъ, онъ-бы могъ захватить весь остатокъ арміи, но онъ отложилъ это удовольствіе до другаго дня, а Скржинецкій ждалъ только ночи, чтобы подъ прикрытіемъ темноты бѣжать въ Варшаву. Къ ночи перевели на ту сторону 2-ю гренадерскую дивизію.

Скржинецкій собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено немедленно отступить. Самъ-же онъ тотчасъ уѣхалъ въ Варшаву, дабы удивить ее потерю арміи.

Утверждали, что Скржинецкій въ продолженіе дня держался

чтобы ввести Дибича въ заблужденіе относительно своего намѣренія. Онъ его дѣйствительно не понялъ, и поразительно, что только онъ одинъ заблуждался: всѣ генералы и офицеры были твердо въ томъ убѣждены, что непріятель, какъ-только стемнѣетъ, поспѣшитъ убраться. Князь Горчаковъ съ двумя ординарцами проводилъ непріятеля 18 верстъ и тогда уже возвратился съ этимъ извѣстіемъ. Когда командиръ гренадерскаго корпуса князь Шаховской объѣзжалъ вечеромъ подчиненныя ему части, благодарилъ всѣхъ и каждого за молодецкую службу, солдаты обратились къ нему съ просьбою испросить имъ дозволеніе главнокомандующаго идти въ Варшаву безъ офицеровъ, безъ провіанта, „мы ее возьмемъ“, кричали всѣ въ одинъ голосъ.

Въ 2 часа ночи увѣдомили гр. Толя, что непріятель отступилъ. Онъ тотчасъ пошелъ къ фельдмаршалу и доложилъ, не прикажетъ-ли преслѣдовать непріятеля? Но его къ тому нельзя было побудить; по его мнѣнію, слѣдовало обезпечить армію продовольствіемъ, и тогда уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Дибичъ до того опасался этой ночи, что не хотѣлъ даже ночевать въ Остроленкѣ. Онъ приказалъ отыскать палатку, а какъ всего одна и нашлась Волинскаго полка у полковника Овандера, то она и была для него раскинута.

Наступившее утро открыло намъ, до какой степени пострадали поляки. Изъ любопытства осмотрѣлъ я поле сраженія прежде на нашей, а потомъ на непріятельской позиціи. Видно было гдѣ огонь и гдѣ натискъ были сильнѣе, по количеству тѣлъ, лежавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Дѣйствіе артиллеріи было разрушительно въ пѣхотныхъ колоннахъ и линіяхъ непріятельской конницы, ибо цѣлыя толпы первой и цѣлые ряды послѣдней лежали, пораженные ядрами и картечью, въ томъ порядкѣ, какъ шли или стояли во время битвы. Тысячи лежали съ отверстыми очами. Рѣка запружена тѣлами и догадливые казаки занялись добываніемъ изъ воды тѣлъ, конечно, не для того, чтобы предать ихъ землѣ, но чтобы обыскать карманы. У нѣкоторыхъ оказалось по пяти пуль въ спинѣ.

Такимъ образомъ въ одинъ день 45-ти тысячная польская армія превратилась въ десятитысячную толпу. Трудно опредѣлить потерю непріятеля: убито у нихъ 2 генерала, въ плѣнъ взято 6 штабъ-и 16 оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ 2.100. Взят

з орудія. Съ нашей стороны вышло изъ фронта 4,600 человекъ; въ числѣ убитыхъ было три полковыхъ командира, а именно: полковники Тимченко-Рубанъ, Рейценштейнъ и Сафоновъ. На нашихъ перевязочныхъ пунктахъ сдѣлано ампутацій надъ русскими 50, а надъ польскими 200; но собирали съ поля сперва своихъ и уже на другой день поляковъ, такъ что ихъ много за ночь перемерло.

15-го мая, утромъ, Дибичъ разѣзжалъ въ коляскѣ по лагерю и Остроленкѣ въ мундирѣ генеральнаго штаба. Онъ здоровался съ войсками, всѣ кричали ура, но въ душѣ всѣ роптали на то, что непріятелю дана возможность вновь собраться и продлить эту всѣмъ надѣвшую кампанію. На третій день было благодарственное молебствіе по случаю одержанной побѣды; а потомъ бывшіе въ нашемъ варшавскомъ отрядѣ плавальщики показывали свое искусство въ присутствіи гр. Толя. Составлено подъ командою офицеровъ, также обученныхъ, нѣсколько взводовъ; по командѣ люди бросались съ высоты въ нѣсколько сажень, съ тесками въ зубахъ, строились, и взводы, какъ-бы стоя по грудь въ волѣ, стройно переплыли Наревъ, маневрировали, ныряли, добывая камни со дна рѣки, и по командѣ-же бросали камни вверхъ такъ, чтобы не зашибить своихъ.

За Остроленское дѣло я былъ представленъ и получилъ орденъ св. Анны 3-й ст., съ бантомъ. Въ то время мечей къ орденамъ за военные подвиги не давали.

19-го мая, отрядъ нашъ пошелъ форсированнымъ маршемъ на Ломжу, Тикочинъ, Бѣлостокъ, Соколку въ Гродно, чтобы не допустить занятія послѣдняго города Гелгутомъ, отдѣлившимся отъ польской арміи при ретирадѣ отъ Тикочина, чтобы обратиться въ Литву и ее поднять. На этомъ маршѣ имѣли мы ночлегъ въ Жолткахъ, на границѣ Царства, по дорогѣ къ Бѣлостоку. Моему генералу отвели небольшой домикъ, въ которомъ я съ канцеляріею помѣстился въ мезонинѣ. Поздно вечеромъ является ко мнѣ довольно благообразный еврей съ просьбою доложить о немъ генералу, съ которымъ ему нужно переговорить. Всматриваюсь и узнаю въ немъ еврея изъ Бѣлостока, всѣмъ извѣстнаго шпіона, украшеннаго медалью на шеѣ. Не помню, какъ его звали, не знаю также, о чемъ онъ желалъ переговорить съ генераломъ, дѣло не въ томъ, но излагаю фактъ, еще разъ

доказывающій до чего евреи падки на деньги. Кому неизвѣстно, какъ въ 1831 г. поляки безпощадно вѣшали евресвъ, все одно, виновать или невиненъ, попался имъ въ руки при обстоятельствахъ, навлекающихъ хотя тѣмъ подозрѣнія,—оправданій нѣтъ: его тянутъ на ближайшій сукъ. Мой знакомый еврей былъ, однако-же, изъ смѣлыхъ и ловкихъ шпионовъ, чему служить доказательствомъ, что въ такое время не оставилъ своей профессіи. Послѣ дѣла подъ Остроленкою занялись приготовленіями переправы чрезъ Вислу, и сообщеніе съ Литвою было затруднительно, а когда армія перешла Вислу, тогда прямое сообщеніе было положительно прервано; все получалось чрезъ Пруссію, даже значительныя команды выздоравливающихъ направлялись къ арміи чрезъ Пруссію. Каково-же было мое удивленіе, когда я въ августѣ увидѣлъ моего знакомаго шпиона въ нашей главной квартирѣ. Уже послѣ я узналъ, что онъ награжденъ за усердіе золотою медалью на шею.

Въ Гроднѣ имѣли мы дневку и пошли по направленію къ Вильнѣ по старой дорогѣ, такъ какъ Гелгутъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, потянулся внизъ, по теченію Нѣмана, лѣвымъ его берегомъ. Въ Меричѣ, за неимѣніемъ моста, нельзя было переправиться чрезъ Меричинку, а потому и занялись устройствомъ переправы, а мы тѣмъ временемъ расположились на отдыхъ, которому я особенно обрадовался, чувствуя себя уже другой день нездоровымъ. Часа черезъ два пріѣхалъ изъ главной квартиры Гродненскаго гусарскаго полка корнетъ Баженовъ съ какимъ-то извѣстіемъ, о которомъ говорили шепотомъ. Узнаю случайно, что уланскаго его высочества полка флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Притвицъ (позже генераль-адъютантъ) отправляется въ главную квартиру на тѣхъ лошадяхъ, на которыхъ пріѣхалъ Баженовъ. Думаю, болѣзнь моя не можетъ сама собою разрѣшиться, и если не воспользуюсь этимъ случаемъ, рискую быть брошеннымъ въ какой-нибудь деревушкѣ и попасть въ плѣнъ или даже умереть безъ помощи,—вотъ по этимъ-то соображеніямъ я обратился къ барону Корфу съ просьбою позволить мнѣ отправиться съ Притвицемъ въ Гродно съ тѣмъ, чтобъ тамъ поступить въ госпиталь. Дѣло скоро уладилось, лошадей покормили основательно и когда онѣ хорошо отдохнули, мы съ Притвицемъ пустились въ дорогу. Спутникъ мой, родной пле-

мянникъ Дибича, сидѣлъ долго молча, въ задумчивости; но какъ всему бываетъ конецъ, то и онъ, наконецъ, завязалъ со мною разговоръ о томъ, о другомъ и, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что дядя его заболѣлъ 28-го мая холерою и 29-го скончался, а онъ ѣдетъ на встрѣчу тѣлу, везомому черезъ Пруссію въ С.-Петербургъ. Онъ особенно сожалѣлъ о томъ, что графъ умеръ въ такое время, когда военныя дѣла приняли благопріятный оборотъ. Признаюсь, я пожалѣлъ о Дибичѣ, какъ о человѣкѣ, но подумалъ—ужъ не въ лучшему-ли отправился онъ къ предкамъ. Дибичъ умеръ въ Пултускѣ или, вѣрнѣе, въ 3-хъ верстахъ отъ него, гдѣ онъ занималъ небольшой домикъ на возвышеніи при Наревѣ, а главная квартира помѣщалась возлѣ, на винокуренномъ заводѣ. Начальство надъ арміею принялъ покуда гр. Толь, продолжая до прибытія главнокомандующаго начатыя Дибичемъ распоряженія для перевода арміи на лѣвый берегъ Вислы. 13-го іюня прибылъ въ Пултускъ вновь назначенный главнокомандующій графъ Паскевичъ, которому Толь на другой день представилъ главныхъ лицъ штаба, сообщилъ всѣ свѣдѣнія по состоянію и расположенію арміи относительно приготовленій средствъ къ устройству моста чрезъ Вислу, при Осѣкѣ.

Паскевичъ, ознакомясь съ положеніемъ дѣлъ, сдѣлалъ общія распоряженія и выступилъ съ главною арміею изъ Пултуска 22-го іюня, для приведенія въ исполненіе фланговымъ маршемъ предположенной и имъ одобренной переправы чрезъ Вислу, близъ прусской границы. Армія его состояла изъ 60-ти тысячъ; продовольствіе заготовлено въ Пруссіи съ избыткомъ, требовалось лишь достигнуть лѣваго берега Вислы и дѣйствовать на мятежную Варшаву, укрѣпившуюся съ большею поспѣшностію тремя рядами полевыхъ укрѣпленій, не считая главнаго вала, представлявшаго также средство обороны.

Графъ Паленъ съ 1-ю колонною прибылъ въ Осѣкѣ 30-го іюня, на другой день занялись укрѣпленіемъ праваго берега рѣки; 2-го іюля заняли острова, переведены на лѣвый берегъ казачьи пикеты и разъѣзды, и приступлено къ устройству моста, который въ два дня совершенно былъ оконченъ. Отъ праваго берега чрезъ русло рѣки къ первому острову наведенъ прочный мостъ на наемныхъ въ Торнѣ судахъ (берлинки), длиною 318 саж.; съ перваго острова до другаго перекинуто два моста въ 98

сажень длины, изъ коихъ одинъ на судахъ, а другой на понтонахъ; наконецъ, съ послѣдняго острова перекинута два понтонныхъ моста въ 131 сажень на лѣвый берегъ Вислы. На обоихъ берегахъ устроены мостовыя укрѣпленія. Паленъ, приступая къ переправѣ, выслалъ впередъ отряды и подъ ихъ прикрытіемъ стали уже переправлять передвижные госпитали и весь вагенбургъ. Главная квартира переправилась 7-го іюля.

Въ Гроднѣ поступилъ я въ тамошній военный госпиталь и, недѣли черезъ полторы, былъ совершенно здоровъ, но меня не выписывали потому, что набирали выздорѣвшихъ нижнихъ чиновъ 500 и тогда эту команду съ офицерами, сколь ихъ окажется, должны были отправить для присоединенія къ арміи.

Узнаемъ, что Гелгута загнали въ Пруссію, гдѣ онъ застрѣленъ своимъ-же адъютантомъ, что отрядъ нашъ, въ соединеніи съ значительными силами, слѣдуетъ тремя эшелонами подъ начальствомъ барона Крейца, по другой сторонѣ Нѣмана на Августово, для усиленія главной арміи. Добылъ я маршрутъ гвардейскаго отряда; вижу когда онъ приходитъ въ Августово, отстоящее отъ Гродно всего 6 миль, и не имѣю законной возможности къ нему присоединиться и, наконецъ, долженъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и скучать въ госпиталѣ. Все это меня безконечно тревожило, надо было на что-нибудь рѣшиться. Пошелъ я къ коменданту генералъ-лейтенанту Ляховичу съ просьбою приказать меня выписать изъ госпиталя; но онъ на это не согласился, ссылаясь на полученную имъ инструкцію. Въ госпиталѣ было нѣсколько офицеровъ Егерскаго и Финляндскаго гвардейскихъ полковъ, раненыхъ при преслѣдованіи Свргинецкимъ до Тикочина гвардейскаго корпуса, а какъ въ числѣ ихъ были и выздорѣвшіе, я сдѣлалъ имъ предложеніе, наканунѣ прибытія отряда въ Августово, удрать туда втихомолку. Къ удивленію моему, желающихъ не оказалось. Остался также въ Гроднѣ для излеченія болѣзни уланскаго его высочества полка поручикъ князь Долгорукій; ему-то разсказалъ я свое горе, и говорю, что мнѣ только остается удрать изъ Гродно, но не знаю какъ это сдѣлать; жиды не ѣдутъ, боятся, а пѣшкомъ одному также рискованно. Онъ не только одобрилъ мое намѣреніе; но предложилъ мнѣ свою верховую лошадь съ тѣмъ, чтобы ее сдать въ полкъ. Я чрезвычайно обрадовался этому предложенію и за день до при-

хода отряда въ Августово, подъ вечеръ, пустился въ дорогу, но безъ тревоги путешествіе не обошлось. Ночь была темная, ѣхалъ я легкою рысью и слышу скрипъ колесъ и, наконецъ, говоръ людей. Это было въ лѣсу, а въ этихъ лѣсахъ шатался все лѣто полякъ-партизанъ Пушетъ съ коннымъ отрядомъ. Этотъ нахаль мѣнялъ лошадей въ деревняхъ когда только понадобится, маленькія команды русскихъ забиралъ и вѣшалъ, а отъ большихъ увертывался. Вотъ этому-то мерзавцу опасался я попасть въ руки, а потому въ испугѣ свернулъ въ лѣсъ сажень 10 въ сторону, но когда слѣдовавшій на встрѣчу отрядъ доходилъ до того мѣста, откуда я свернулъ въ сторону, лошадь моя заржала. Тотчасъ выслали людей на поиски, и я вздохнулъ свободно, услышавши русскую рѣчь. Оказалось, что встрѣтилъ я два орудія, посланные съ прикрытіемъ въ Гродно укомплектоваться зарядами; артиллерійскій при орудіяхъ офицеръ сообщилъ мнѣ пріятную новость, что въ этотъ-же день Пушета съ его сволочью загнали въ бездонное болото, гдѣ всѣ до одинаго погибли.

Въ Августовѣ нашелъ я хлѣбопеконъ Литовскаго полка и отъ нихъ узналъ о перемѣнѣ маршрута, по которому отрядъ долженъ прибыть днемъ позже. На другое утро, прогуливаясь съ нѣкоторыми офицерами около озера, мы изъ шалости въ четверомъ сѣли въ душегубку, но только отвалили, она въ 5-ти саженьяхъ отъ берега опрокинулась. Товарищи мои, какъ оказалось, не умѣли плавать и пошли ко дну; я-же, хотя и умѣю плавать, но съ трудомъ держался на водѣ, такъ какъ на плечахъ былъ у меня длинный до колѣнъ воротникъ въ родѣ шинельнаго капишона, а въ рукѣ держалъ свою пѣнковую трубку, съ которою не хотѣлъ разстаться. Къ счастью, случились на берегу солдаты Литовскаго полка для стирки бѣлья; почти всѣ нижніе чины варшавской гвардіи перебивали въ свою очередь въ школѣ плаванія, вотъ они-то и бросились въ воду и повытаскали тонувшихъ. На слѣдующій день имѣлъ я удовольствіе сойтись со своими боевыми товарищами, но генерала моего еще не было; онъ изъ-подъ Вильны уѣхалъ въ Нарву для свиданія съ своимъ семействомъ и прибылъ къ намъ нѣсколько дней позже.

Во время моего отсутствія изъ отряда, умеръ на пути въ С.-Петербургъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Гр. Курута, штабъ-ротмистръ Александровъ старшій, адъютанты и весь

штабъ отозваны въ Петербургъ отдать послѣдній долгъ покойному. Съ тѣмъ вмѣстѣ отбыла, конечно, и кухня его высочества, кормившая всѣхъ штабныхъ до того времени. За отбытіемъ графа Куруты, командовалъ нашею колонною, по старшинству, командиръ Подольскаго кирасирскаго полка генераль-лейтенантъ Кнорингъ. Армія наложила трауръ на 6 недѣль, а нашъ отрядъ какъ-бы осиротѣлъ. Покойнаго великаго князя поистинѣ любили; онъ много дѣлалъ добра; кто только хотѣлъ—обращался къ нему съ довѣрчивостью и часто получалъ послѣднія деньги изъ шкапулки князя, вынужденнаго требовать впередъ свое содержаніе. Но зато, ежели имѣлъ причину вспылить, разилъ безъ пощады и не всегда былъ расположенъ забыть прошедшее.

Наша колонна была первая и она перешла Вислу, по устроенному для арміи мосту, 6-го августа. Второй эшелонъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Сакена, переправился 8-го числа, а послѣдній, ведомый генераль-лейтенантомъ Хилковымъ, 9-го августа. Сила трехъ колоннъ, подъ начальствомъ графа Крейца, была 21,500 человекъ и 90 орудій.

Переправою и береговыми укрѣпленіями завѣдывалъ мой ротный командиръ полковникъ баронъ Ренне, имѣя для того небольшой отрядъ. Поставщики берлинокъ для моста получали за все время, покуда онъ будетъ нуженъ, по 15 руб. серебромъ въ сутки за каждую и, сверхъ того, имъ дозволялось безпошлинно торговать товаромъ, потребнымъ арміи.

Продолжая движеніе вверхъ по лѣвому берегу Вислы, пришли мы въ м. Ловичъ. Исправивъ кое-какія дѣла по своей обязанности, я, пообедавши, пошелъ въ винный погребокъ, чтобы запастись виномъ. Разсчитавшись съ торговцемъ, онъ корзину съ виномъ отправилъ ко мнѣ на квартиру, куда и я потихоньку поплелся. Проходя мимо одного дома, слышу шумную бесѣду и затѣмъ нѣсколько голосовъ стали звать меня зайти. Вхожу, и меня встрѣчаютъ все знакомые офицеры Литовскаго полка въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Въ томъ числѣ были братья Одинцовы и Обернъ, котораго родительница пріютила меня на ночь и дала на другой день лошадей, когда я во время ретирады изъ Варшавы пріѣхалъ въ ихъ деревню на волахъ, по дорогѣ во Владиміръ. Мнѣ сообщили, что они нашли здѣсь бѣдное, но почтенное семейство и согласились погулять этотъ

вечеръ, почему и предлагаютъ мнѣ принять участіе въ складчинѣ. Распоряженіе сдѣлано и вскорѣ явилась на столѣ миска съ пуншемъ гоуале. Я далеко не охотникъ до попоекъ, но при общемъ настроеніи нельзя было отказаться провести время въ такомъ веселомъ обществѣ. Стали мы попивать, потанцовали съ хозяйскими дочерьми, пѣли, играли въ фанты, шумѣли и, наконецъ, поужинали опять-таки съ шампанскимъ. Всему бываетъ копецъ, и надо-же предъ походомъ поспать. Въ полночь рѣшились разойтись по домамъ. Рѣшеніе благоразумное, но привести его въ исполненіе было трудновато: встаю отъ стола и, увь, едва держусь на ногахъ! Какъ быть? до квартиры моей сажень 150, но въ ту сторону нѣтъ попутчика; я хмѣльной вполне сохраняю память, съ крыльца спустился я придерживаясь стѣны, продолжаю подвигаться впередъ, все придерживаясь то къ забору, то къ дому, но вышелъ такой казусъ—пришлось перейти улицу. Какъ совершить этотъ подвигъ? подумаль, подумаль и перебрался на четверенькахъ. Такимъ образомъ я добрался до своей комнаты, отъ которой ключъ былъ у меня въ карманѣ, раздѣлся и легъ въ постель; но вскорѣ голова закружилась и вдругъ пуншъ, ужинъ и шампанское—все вонъ. Утромъ приказалъ денщику все убрать, но генераль, по тѣснотѣ въ его комнатѣ (чрезъ стѣны), приказалъ подать себѣ умыться въ моей и спрашиваетъ меня: чѣмъ тутъ сильно пахнетъ. Я улыбнулся и рассказалъ всю правду. Кому-же не случалось пошалить въ молодости; но съ того времени мнѣ шампанское до того опротивѣло, что я его лѣтъ пятнадцать видѣть не могъ и до настоящаго времени не люблю. Николай Ивановичъ засмѣялся и изъявилъ свое удивленіе, что я послѣ этого могъ такъ рано встать.

Подъ Надаржинимъ мы присоединились къ главной арміи. Варшавская гвардія со смертью цесаревича вошла въ составъ гвардейскаго корпуса и наша бригада переименована въ 3-ю гвардейскую и гренадерскую, съ чистымъ полемъ на эполетахъ, въ замѣнъ бывшихъ лит. Л. Г. (Литовская гренадерская).

Корфъ назначенъ начальникомъ авангардной артиллеріи, вмѣсто полковника Корсакова, исправлявшаго эту должность временно, какъ старшій. На другой день прибыли мы въ авангардъ за Рашиномъ, почти въ виду Варшавы. Тутъ уже я узналъ, что обѣ наши гренадерскія роты также въ авангардѣ. Устроивъ

въ какой-то ткацкой помѣщеніе для генерала и себя, я прежде всего освѣдомился, гдѣ находится добрый товарищъ мой и одноклассникъ Драчевскій. Мнѣ указали позицію, занимаемую имъ съ четырьмя орудіями; подѣзжаю, онъ выходитъ изъ шалаша, по обыкновенію съ трубкою въ зубахъ, и съ восторгомъ воскликнулъ: „знаешь-ли что, брудерку?“ (такъ называлъ онъ насъ обоихъ братьевъ). Въ эту минуту не пришло мнѣ въ голову, что добрый Арсеній Ивановичъ, съ самаго выхода изъ корпуса, занимается отыскиваніемъ строки для рѣшенія уравненій всѣхъ неопредѣленныхъ степеней или что-то въ этомъ родѣ, а потому, предполагая, что онъ хочетъ мнѣ разсказать о наградахъ, полученныхъ или ожидаемыхъ, я и говорю: „знаю, что ты произведенъ въ поручики и получилъ Владиміра, съ чѣмъ и поздравляю“.—„Нѣтъ, брудерку, продолжалъ Драчевскій, все это вздоръ, не объ этомъ дѣло, я, говорить, не даромъ работалъ 8 лѣтъ и наконецъ-таки добился своего и вышелъ на торную дорогу; если Богъ дастъ возьмемъ эту подлую Варшаву (онъ указалъ на городъ), мнѣ остается занятій недѣли на двѣ и я удивлю свѣтъ“. Кто не зналъ этого труженіа науки, тотъ, конечно, улыбнется, но кто успѣлъ съ нимъ ознакомиться и хотя слышалъ объ его удивительныхъ способностяхъ, могъ ему повѣрить на-слово. Последніе годы въ корпусѣ онъ уже не слушалъ лекцій математики, но занимался обыкновенно рѣшеніемъ задачъ академіи наукъ, которыя адъюнктъ-профессоръ Николай Ивановичъ Фуссъ ему приносилъ для рѣшенія; по окончаніи лекціи задача была рѣшена или онъ уже могъ объяснить профессору какимъ путемъ ее слѣдуетъ рѣшить. Послѣ производства въ офицеры Драчевскій занялся астрономіею и потомъ сталъ отыскивать свою строку. Онъ постоянно утверждалъ, что убѣжденъ въ возможности ее отыскать, но не можетъ попасть на настоящую дорогу. Если его необыкновенныя способности и изумительная память могли произвести то, чѣмъ онъ полагалъ удивить свѣтъ, то эти-же дарованія его были причиною тому, что отъ полезныхъ его занятій не осталось и слѣда. У него никакихъ не было записокъ. Есть свободное время, онъ начинаетъ работать на аспидной доскѣ, продолжаетъ мѣломъ на столахъ, дверяхъ и на полу; а тутъ входятъ товарищи съ предложеніемъ сыграть партію въ вистъ; нисколько не затрудняясь, онъ приказываетъ денщику все стереть

и подать столъ и карты. Еще въ корпусѣ случалось, когда Драчевскій былъ занятъ рѣшеніемъ сложной задачи, какой-нибудь шалунъ подбѣжитъ и сотретъ все съ доски, онъ слегка разсердится, вытретъ чисто доску и продолжаетъ свою работу, какъ-бы перенесъ рѣшеніе съ другой доски. Вотъ почему Драчевскій никакихъ не имѣлъ записокъ; голова его была архивомъ всего того, что онъ проходилъ.

Стали опять получать варшавскія газеты и могли ознакомиться съ неурядицею во вражьемъ станѣ. Послѣ сраженія подъ Остроленкою, довѣріе къ Скржинецкому пошатнулось, онъ совершенно растерялся, всего боялся, и даже говорили—не желалъ препятствовать Паскевичу переправиться чрезъ Вислу. Круковецкій написалъ къ нему дерзкое письмо и совѣтывалъ отказаться отъ занимаемой имъ должности. Скржинецкій представилъ это письмо въ совѣтъ правленія съ предложеніемъ или его или Круковецкаго уволить отъ службы. Уволенъ Круковецкій. Но чаша переполнилась, жалобъ бездна и сеймъ вынужденъ былъ назначить комиссію для разсмотрѣнія дѣйствій Скржинецкаго. Въ комиссіи открыты пренія 15-го іюля въ присутствіи самого Скржинецкаго, но вмѣсто того, чтобы заняться своимъ дѣломъ, она начала совѣщаться о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ и, наконецъ, положила дать русскимъ сраженіе подъ Сухачевымъ, на что Скржинецкій отвѣтилъ молчаніемъ, изъясняя тѣмъ какъ-бы свое согласіе. Онъ выѣхалъ къ арміи и сдѣлалъ свои распоряженія, но какъ дошло до дѣла, то ни на что не могъ рѣшиться, опасаясь пораженія подобно Остроленскому.

Въ послѣднихъ числахъ іюля сеймъ выслалъ въ польскій лагерь депутатовъ съ порученіемъ удостовѣриться, имѣетъ-ли Скржинецкій въ арміи вѣсъ и думаетъ-ли дать обѣщанное сраженіе. Большинство требовало перемѣны главнокомандующаго, и самъ Скржинецкій, предугадывая намѣреніе сейма, объявилъ, что охотно слагаетъ съ себя свое званіе, если имѣютъ въ виду генерала, которому можно довѣрить начальство надъ арміею. По желанію большинства, избранъ тѣмъ временемъ только-что возвратившійся изъ Литвы Дембинскій, достигшій въ эту кампанію изъ ничего чина генерала. По его предположенію перенести театръ войны въ Литву, онъ былъ посланъ туда, гдѣ легко заслужилъ извѣстность въ мѣстномъ населеніи; но въ арміи

этотъ импровизированный генералъ былъ извѣстенъ только по слухамъ, а лично мало кому знакомъ; когда-же его поняли, общественное мнѣніе зашумѣло и его уволили. Опять приступили къ избранію главнокомандующаго, и послѣ продолжительныхъ преній послано предложить эту честь Прондзинскому, но тотъ, будучи убѣжденъ въ совершенной бесполезности войны и въ томъ, что кромѣ примиренія нѣтъ исхода, рѣшительно отказался отъ команды арміею.

Прондзявскій былъ, конечно, правъ; его еще можно было избрать въ главнокомандующіе въ началѣ, какъ только сошелъ со сцены Хлопицкій. По крайней мѣрѣ, такъ думали въ нашемъ лагерѣ, гдѣ онъ имѣлъ цѣну не только въ глазахъ генераловъ варшавской гвардіи, но онъ былъ на отличномъ счету у Дибича и Толя, ознакомившихся съ нимъ во время турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, когда онъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба отъ польскихъ войскъ, находился при нашей главной квартирѣ и неоднократно имѣлъ случай выказать свои способности.

А. Л. Зеландъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Л. ЗЕЛАНДА

О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ И ВОЙНѢ

1830—1831 гг.

IV ¹⁾.

Событія въ Варшавѣ 3-го августа.

а этомъ покуда останавлиюсь, чтобы рассказать о кровавыхъ беспорядкахъ, происшедшихъ въ Варшавѣ. Этотъ эпизодъ польской революціи характеризуетъ націю вообще и варшавскую демокрацію въ особенности.

По несправедливымъ доносамъ или по подозрѣнію судились въ Варшавѣ заключенные въ замкѣ разныя лица. Всѣ почти оказались невинными, но какъ толпа, по внушеніямъ патріотическаго клуба, настоятельно требовала казни измѣнниковъ и шпіоновъ, то за увольненіемъ другихъ остались въ заключеніи нѣсколько генераловъ, камергеръ Феньшау, комиссіонеръ Бендковскій и вдова Бажанова. Послѣдняя проживала въ Варшавѣ съ тремя дочерьми и сыномъ, служившимъ корнетомъ въ Гродненскомъ гусарскомъ полку; это тотъ самый Бажановъ, доставившій въ отрядъ нашъ извѣстіе о смерти Дибича, когда мы устроили переправу чрезъ Меричанку.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, сентябрь, стр. 503—531; октябрь, стр. 81—113.

3-го августа, когда изъ лагеря пришло извѣстіе, что армія отступаетъ къ Варшавѣ, патріотическій клубъ, во главѣ огромной толпы, отправился въ домъ правительства и ворвался въ комнаты совѣта. Членъ правленія Лелевель, главная пружина клуба, но іезуитъ какихъ мало, никакого не обнаружилъ удивленія и, едва взглянувъ на вошедшихъ, продолжалъ что-то писать. Клубисты именемъ народа требовали прервать дѣйствія измѣнниковъ Скржинецкаго и Дембинскаго, предать ихъ суду и поспѣшить казнью заключенныхъ. Чарторижскій и Немоевскій старались унять дерзкихъ представителей буйной толпы, а Баржиковскій строго имъ объявилъ, что, возратившись сейчасъ только изъ лагеря, можетъ ихъ увѣрить въ патріотическихкихъ чувствахъ какъ Скржинецкаго, такъ и Дембинскаго, и что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ распоряженія правительства. Представители удалились, ворча сквозь зубы: „тутъ ничего не добьешься, надо подлецовъ вѣшать“. Члены совѣта стали упрекать Лелевеля въ его предательскомъ поведеніи; но онъ имъ холодно отвѣтилъ, что это послѣдствія замедленія казни измѣнниковъ.

Обстоятельства вызвали мѣры осторожности. Обращено особое вниманіе на замокъ, гдѣ находились заключенные. Ворота въ немъ заперты и заложены бревнами. Національная гвардія поставлена подъ ружье. Въ сумеркахъ толпы народа блуждаютъ по городу, тянутся къ замку. Губернаторъ приказываетъ бить тревогу. Народъ приступаетъ къ воротамъ замка, но не можетъ вломиться. Слышны крики: „смерть измѣнникамъ! Аристократовъ вѣшать!“ Національная гвардія стрѣляетъ изъ-за рѣшетки желѣзныхъ воротъ на воздухъ; толпа отхлынула, но коноводы кричатъ: „если будутъ стрѣлять, то весь городъ будетъ преданъ огню и мечу!“ Разнесся слухъ, будто національная гвардія вступаетъ въ бой съ народомъ, и почти весь городъ огромными массами потянулся къ замку. Въ это время сталъ пробираться къ замку губернаторъ, съ двумя ротами 18-го полка, очищая себѣ дорогу прикладами. Онъ приказываетъ караулу у главныхъ воротъ его съ отрядомъ впустить, но только-что ворота открылись и губернаторъ во главѣ отряда вошелъ, какъ вся масса народа вломилась въ ворота. Между тѣмъ, какъ губернаторъ Венгерскій старается водворить порядокъ, выстрѣлили въ него

изъ пистолета, а народъ сталъ называть солдатъ измѣнниками. Тутъ уже и солдаты сдѣлались участниками въ неистовствахъ, а струхнувшій Венгерскій скрылся. Клубисты, ведомые коноводами, въ числѣ которыхъ были ксендзы Пулавскій и Шингларскій, всходятъ по лѣстницамъ въ третій этажъ, чтобы отыскать несчастныхъ узниковъ. Часовые національной гвардіи, дрожа отъ страха, никакого не оказываютъ сопротивленія. Наконецъ, данъ сигналъ изъ окна 3-го этажа и кто-то закричалъ, что найдены. Все толпится туда и имъ на встрѣчу влекутъ генерала Янковскаго въ рубашкѣ. Дрожа отъ страха, онъ оправдывается, но его не слушаютъ, закалываютъ штыками, рубятъ саблями и тащутъ на площадь Сигизмунда, гдѣ вѣшаютъ за крюкъ фонарного столба. Подъ тяжестью туловища желѣзный крюкъ сломался; разрубаютъ туловище на части и вѣшаютъ къ самому столбу. Та-же участь постигла Залескаго. Его вся вина состояла въ томъ, что онъ никогда не раздѣлялъ надеждъ революціонеровъ. Дочь его, невѣста русскаго офицера, въ письмѣ къ подругѣ въ Краковѣ, неосторожно выразила надежду еще увидѣть жениха; письмо перехвачено и несчастный отецъ, послѣ продолжительнаго заключенія, умерщвленъ. Между тѣмъ Буковскій, услышавъ шумъ на дворѣ, выскочилъ изъ 3-го этажа на балконъ втораго, потомъ спустился въ садъ, но садовникъ выдалъ его убійцамъ, которые его убили и разрубили на куски. Бентковскій хотѣлъ сдѣлать тотъ-же скачекъ, но сломалъ себѣ ногу и безъ чувствъ былъ преданъ ярости толпы, положившей скоро конецъ его страданіямъ. Его въ особенности ненавидѣли за то, что онъ перевелъ на польскій языкъ исторію Кайданова, а арестовали по подозрѣнію. Онъ въ іюнѣ былъ командированъ во внутрь Царства и видѣлся въ Ченстоховѣ со статскимъ совѣтникомъ Хинчемъ. (Захваченные въ Варшавѣ съ первой ночи плѣнные всѣ удалены во внутрь Царства, въ томъ числѣ всѣ высшихъ чиновъ содержались въ Ченстоховѣ). Отъ этого Хинча взялъ онъ незапечатанное письмо, для передачи въ Варшавѣ г-жѣ Бажановой, въ которомъ ровно ничего не говорилось о политикѣ; но когда, по прибытіи въ Варшаву, онъ узналъ о сужденіи многихъ лицъ за ихъ приверженность къ русскому правительству, у него родилась несчастная мысль письмо это уничтожить, вмѣсто того, чтобы его представить. Хинчъ написалъ другое письмо

къ Бажановой, въ которомъ упомянулъ о первомъ, посланномъ чрезъ Бентковскаго. Это второе письмо перехвачено; обыскиваютъ квартиру Бажановой, чтобы отыскать первое письмо; — не вѣрятъ объясненію Бентковскаго, и его и Бажанову отправляютъ въ заключеніе. Три дочери ея получили позволеніе поочередно раздѣлять участь матери. Когда кровожадные ворвались въ комнату этой злосчастной женщины, присутствовавшая дочь бросилась на колѣни, умоляя за мать, но ее отталкиваютъ и спѣшатъ къ постели, гдѣ мать лежала раздѣтая. Дочь, желая собою защитить мать, ухватила за занавѣсную стойку кровати, но ее поражаютъ штыкомъ и выносятъ безъ чувствъ. Мать, въ изступленіи, вырываетъ штыкъ у одного изъ убійцъ, но тотчасъ пораженная нѣсколькими ударами испустила духъ. Негодяи, прельщенные русскою кровью, вытащили нагой ея трупъ на улицу и повѣсили его за ноги къ фонарю. Такъ точно былъ ни въ чемъ неповиненъ камергеръ Феньшау. При вспыхнувшемъ возмущеніи онъ попалъ въ плѣнъ подобно другимъ, но когда ихъ всѣхъ удалили изъ столицы, Феньшау, какъ владѣтель дома въ Варшавѣ, оставленъ въ ней; впоследствии-же, по подозрѣнію, какъ русскій чиновникъ, былъ и онъ заключенъ въ замокъ. Вотъ и къ нему нахлынула толпа, и несмотря на защиту національнаго гвардейца, портной Моравскій поразилъ его ударомъ сабли по головѣ. Рана не была смертельна, но его влекутъ за ноги съ 3-го этажа по лѣстницѣ внизъ, и голова разбилась о каменные ступени; на дворѣ его добиваютъ и вѣпаютъ къ фонарному столбу.

Только въ 10 часовъ кончилась эта бойня. Толпа хлынула отъ замка. Эти мнимые представители патріотизма наперерывъ старались обогреть свое оружіе измѣнническою кровью; извергъ ксендзъ Пулавскій, засучивъ рукава по локоть и испачкавъ ихъ въ крови, ревѣлъ: „патріоты обязаны умыть руки въ измѣннической крови“. Принесенныхъ жертвъ было имъ мало, кровожадность не скоро насыщается. „Давайте намъ аристократовъ!“ кричатъ одни; другіе, требуя смерти шпионовъ, ревутъ: „къ заставѣ, гдѣ они сидятъ!“ и толпа, въ которой было много порядочно одѣтыхъ, хлынула чрезъ Саксонскую площадь къ тому мѣсту. Масса народа раздѣлилась на партіи и направилась въ разныя стороны, но коноводы, отыскивая своихъ жертвъ, ста-

рались каждый быть во главѣ сильной толпы. Одна такая толпа отыскала въ старомъ городѣ партію заключенныхъ, убила маіора Петрашевскаго, нѣсколько чиновниковъ и еще извѣстнаго шпіона, сподвижника генерала Рожнецкаго, еврея Бирнбаума.

Вездѣ царствовало безначаліе. Чарторижскій, перерядившись конюхомъ, бѣжалъ въ лагерь. Моравскій и Баржиковскій также бѣжали, Лелевель ушелъ домой; всѣ попрятались, дрожа отъ страха. Въ такомъ положеніи была Варшава, когда Круковецкій, личный врагъ Скржинецкаго, тайная пружина клуба, рѣшился водворить порядокъ. Онъ явился въ мундирѣ, верхомъ, давалъ энергическія приказанія разойтись по домамъ, для примѣра приказалъ одного солдата разстрѣлять,—послѣ чего уже стали расходиться или приставать къ другимъ толпамъ. Спасши своего пріятеля кондитора Лесля, онъ бросился къ ратушѣ, гдѣ знакомые ему чиновники провозглашаютъ его губернаторомъ города. Въ сопровожденіи ихъ поѣхалъ онъ къ вольской заставѣ, гдѣ толпа старалась выбить ворота рабочаго дома, въ которомъ были заключены, въ числѣ нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновниковъ и агентовъ, другія лица за долги и разныя неважныя преступленія. Здѣсь повторилась сцена замка, и ненавистные народу, но почти невинные, умерщвлены. Потомъ перешли заставу, гдѣ было также много заключенныхъ, и ихъ умертвили всѣхъ. Говорятъ, Круковецкій смотрѣлъ на эту бойню хладнокровно, но когда человѣкъ 20 было убито, онъ закричалъ: „довольно!“ и повернулъ лошадь.

Круковецкій послѣшилъ въ совѣтъ правленія потребовать утвержденія его губернаторомъ, но нашелъ одного Немоевскаго, и онъ уѣхалъ, продолжая дѣйствовать въ пользу порядка. Къ 3-мъ часамъ ночи явились въ совѣтъ Моравскій и Баржиковскій и утвердили Круковецкаго губернаторомъ, послѣ чего дѣйствія его приняли характеръ рѣшительный. Онъ вѣзжалъ въ толпы народа и приказывалъ расходиться по домамъ; но какъ улицы туго очищались, онъ послалъ въ лагерь просить присылки двухъ полковъ кавалеріи. Такъ окончилась эта ужасная ночь, навсегда запятнавшая Варшаву и народъ польскій, а Круковецкій, можетъ быть непосредственный виновникъ сей кровавой драмы, утвердился въ прежней своей должности для того, чтобы шагнуть далѣе.

Утромъ, 4-го числа, жители Варшавы спѣшили насытиться осмотромъ труповъ несчастныхъ. Въ 7 часовъ убитъ статскій совѣтникъ Хонкевичъ. Ввозятъ въ городъ на подводѣ раненаго офицера одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ; по поводу нѣмецкой его фамиліи его сочли за пруссакъ въ русскомъ мундирѣ и велѣли сойти съ подводы; уже пѣшій этотъ офицеръ во всю дорогу претерпѣвалъ всевозможныя поруганія, почему, дошедъ до больницы, онъ пожаловался врачу на поведеніе народа, а тотъ вмѣсто того, чтобы его защитить, сталъ его ругать и вытолкалъ на улицу, гдѣ его тотчасъ подхватили и повѣсили къ фонарному столбу. Послѣ обѣда, когда уже успѣли занять городъ войсками, въ какомъ-то училищѣ подростки ученики, при помощи служанки, повѣсили своего учителя, благо представился удобный случай сбыть его съ рукъ. По рукамъ охотниковъ-палачей ходилъ списокъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ убить; въ числѣ ихъ были Скржинецкій, Дембинскій и другіе генералы.

Дембинскаго срокъ кончился, и Прондзинскій, послѣ настоятельныхъ просьбъ членовъ правленія, согласился принять званіе главнокомандующаго. Утромъ, 5-го числа, поѣхалъ онъ къ Дембинскому и засталъ тамъ Круковецкаго. Оба смотрятъ на него подозрительно и Дембинскій объявляетъ, что одинъ онъ владѣетъ силою спасти Польшу, и если онъ въ эту минуту уступить начальство надъ арміею, то, очевидно, пожертвуетъ общимъ благомъ. Прондзинскій охотно отказывается отъ навязаннаго ему званія, и всѣ поѣхали въ Варшаву, дабы предложить совѣту утвердить Дембинскаго. Поразительны хвастливость и самонадѣянность этого выскочки.

Еще 4-го собрался совѣтъ и члены составили актъ, отказываясь отъ своихъ званій. Явившійся Дембинскій порицаетъ поведеніе совѣта, не принявшаго мѣръ для прекращенія своеволія, почему предлагаетъ учредить другое правленіе, а Баржиковскому сказалъ по секрету, что думаетъ провозгласить себя диктаторомъ. Потомъ приказалъ арестовать зачинщиковъ происшествія 3-го августа. Приводятъ Пулавскаго, коновода патріотическаго клуба и кровожадной толпы. Лелевель блѣднѣетъ, а Дембинскій, упрекая его въ преслѣдованіи скрытныхъ плановъ, угрожаетъ разстрѣлять.

Сеймъ собрался для назначенія новаго правленія. Дембин-

скій, предугадывая неудачу, потихоньку уѣхалъ въ лагерь. Послѣ продолжительныхъ преній, Круковецкій назначенъ президентомъ правленія, во главѣ отвѣтственныхъ министровъ. Онъ тотчасъ потребовалъ удаленія изъ лагеря Скржинецкаго, подавшаго уже въ отставку. Получивъ увольненіе, онъ прибылъ въ Варшаву, а по взятіи оной штурмомъ—уѣхалъ чрезъ Краковъ въ Галицію.

Круковецкій утвердилъ Дембинскаго главнокомандующимъ, назначилъ Хржановскаго губернаторомъ Варшавы, закрылъ клубы, освободилъ всѣхъ арестованныхъ Дембинскимъ, приказалъ нѣкоторыхъ и только изъ простонародія разстрѣлять. Агентамъ своимъ и коноводамъ партій раздавалъ значительнѣйшія должности. Самъ лично вездѣ распоряжался, обнаруживая чрезвычайную дѣятельность, и тѣмъ успѣлъ приобрести всеобщее довѣріе. Съ Дембинскимъ онъ съ перваго шага не поладилъ; онъ его отрѣшилъ отъ командованія арміею, предположивъ назначить на его мѣсто Прондзинскаго; но какъ тотъ опять отказался, то былъ имъ назначенъ, какъ-бы за-урядъ, старый Малаховскій. Собрался военный совѣтъ для повѣрки средствъ, коими мятежники располагали, и обсужденія того, что предпринять. Оказалось, что въ Варшавѣ и въ окопахъ было до 60,000 войска; всѣ-же силы ихъ въ совокупности, разбросанныя по всему Царству, простирались до 80,000. Обсуживая разные предположенія, Круковецкій принялъ планъ Прондзинскаго выслать 20,000 за Прагу для того, чтобы облегчить продовольствіе арміи, и попытаться разбить Розена, расположеннаго у Минска и Калущина. Экспедицію эту поручили бездарному Ромарино, выходцу Италіи. Она, конечно, не имѣла успѣха, но ослабила гарнизонъ Варшавы съ ея окопами, слѣдовательно, послужила намъ въ пользу.

Еще до выступленія Ромарино, Розенъ предположилъ сжечь Прагскій мостъ и тогда взять Прагу штурмомъ. Генеральнаго штаба поручикъ Слевицкій, съ нѣсколькими охотниками, спустился, въ ночь на 8-е августа, по рѣкѣ въ лодкѣ съ зажигательными припасами. Онъ, дѣйствительно, успѣлъ зажечь мостъ и возвратился благополучно, но огонь замѣченъ изъ Варшавы и скоро потушенъ. Слевицкаго зналъ я до войны, познакомившись съ нимъ въ Бѣлостокѣ; человекъ онъ былъ способный, предприимчивый, но, къ сожалѣнію, болѣзненный, и въ концѣ

тридцатыхъ годовъ умеръ отъ аневризма въ Парижѣ, гдѣ пребывалъ по порученію нашего правительства въ качествѣ военнаго агента. Не бывалъ я въ Варшавѣ съ 1833 года, но знаю, что около Праги устроенъ фортъ, названный въ честь Слевицкаго его именемъ.

V.

Штурмъ Варшавы.

Когда начнется приступъ къ Варшавѣ—не было извѣстно, но ожидали мы его съ нетерпѣніемъ. Военнаго совѣта Паскевичъ не собиралъ, но, какъ рассказывали, поручилъ корпуснымъ командирамъ, начальнику главнаго штаба и генераль-квартирмейстеру составить каждому свой планъ взятія Варшавы и ему представить. Комитетъ изъ артиллеристовъ положилъ имѣть при единорогахъ по 10 гранатъ, съ кубиками брандсгугельнаго состава. Устроены для практики укрѣпленія, съ палисадами во врывахъ и волчьими ямами по гласисамъ. Войска упражнялись ежедневно и при помощи фашинъ и штурмовыхъ лѣстницъ дѣлали репетиціи штурма. Когда все уже было подготовлено, Паскевичъ рѣшился испытать нельзя-ли покончить безъ кровопролитія, на каковой конецъ послалъ, 22-го августа, генерала Данненберга, съ предложеніемъ всепрощенія, если поляки безусловно положатъ оружіе. По предварительному сношенію, былъ для сего Круковецкимъ назначенъ Прондзинскій; свиданіе было на форпостахъ. Прондзинскій заявилъ, что долженъ о сдѣланномъ предложеніи доложить президенту, но въ разговорѣ съ Данненбергомъ проговорился о преслѣдованіи Розена корпусомъ Ромарино. Это извѣстіе рѣшило безъ замедленія приступить къ штурму.

23-го августа Круковецкій собралъ совѣтъ министровъ, прочли донесеніе Прондзинскаго и положили отвѣчать Паскевичу письменно: поляки вооружились за свободу націи въ границахъ 1772 года, и только съ этимъ условіемъ могутъ вступить въ переговоры. Круковецкій и Прондзинскій не раздѣляли этого мнѣнія, но переспорить не могли, и этотъ глупѣйшій отвѣтъ посланъ 24-го августа.

Подъ вечеръ того-же дня пріѣхалъ къ намъ въ авангардъ фельдмаршалъ съ огромною свитою, къ которой примениулъ и баронъ Корфъ, будучи назначенъ начальникомъ штаба артиллеріи въ арміи. Здѣсь-то Паскевичъ получилъ отвѣтъ Круковецкаго, и, прочитавъ его, сказалъ: „на подобныя слова отвѣчаютъ пушками, теперь нечего медлить“. Сейчасъ полетѣли адъютанты съ приказаніемъ приступить къ движеніямъ, по извѣстной уже главнымъ начальникамъ диспозиціи. Все потянулось безъ шума, безъ огня, кому куда слѣдовало. Уже смерклось, когда Паскевичъ подѣхалъ къ нашей пѣпи и прорѣзалъ ее хордою, по направленію къ фольварку Влохово, гдѣ избралъ себѣ помѣщеніе въ небольшомъ домикѣ. Впереди этого дома былъ небольшой прудъ, въ который, со стороны входныхъ дверей, врѣзался полуостровъ, примѣрно въ 25-ть квадратныхъ сажень. Весь прудъ съ полуостровомъ окаймленъ ивою, которой вѣтви спускались до воды. Ночь была темная. Фельдмаршалъ вышелъ изъ запятаго имъ домика, и по данному имъ знаку, линейные казаки конвоя вмгъ развели огонь на оконечности полуострова. Подали стулья, Паскевичъ съ дымящимся во рту янтаремъ сѣлъ съ лѣвой, а гг. корпусные командиры съ правой стороны полуострова. Всѣ превосходно освѣщены огнемъ костра и видны были зрителямъ по ту сторону пруда сквозь листву ивы. У костра, хорошо разгорѣвагося, стояли для поддержанія огня два казака въ папахѣхъ, служившіе дополненіемъ пейзажа. Намъ, зрителямъ противоположнаго берега пруда, представилась чудная картина, достойная кисти Сольватора-Роза. Она дѣйствительно была до того прелестна, что не хотѣлось сойти съ мѣста и только слышно было общее желаніе увидѣть ее на полотнѣ.

Противъ домика фельдмаршала, за прудомъ, было какое-то строеніе въ родѣ винокурни съ жилою комнатою. Тутъ помѣстились нѣкоторые генералы и въ томъ числѣ баронъ Корфъ. Чтобы и мнѣ куда-нибудь пристроиться, пошелъ я бродить и отыскалъ длинный сарай, въ которомъ было посрединѣ, во всю длину, возвышеніе, служившее, конечно, для укладки немолоченной ржи; теперь-же тутъ набросано было мятой соломы, а вокругъ поставлены лошади главной квартиры, занявшіяся разжевываніемъ этой соломы. При аршинной высотѣ, оно было до того широко, что я могъ лечь вдоль этого возвышенія, не обезпокои-

ваемъ лошадыми. Въ ожиданіи великихъ событій, я заснулъ беззаботнымъ сномъ юности.

Съ наступленіемъ ночи войска, согласно диспозиціи, окружили Варшаву, упираясь обоими флангами въ лѣвый берегъ Вислы. Всего было у насъ до 70,000 войска и 390 орудій, но только полевыхъ, а окопы вооружены орудіями большихъ калибровъ. Слышно было о двадцати полупудовыхъ мортирахъ, привезенныхъ будто изъ Кіева, но не знаю такъ-ли, по крайней мѣрѣ мнѣ ихъ не случилось видѣть.

Пѣшіе полки гвардіи дали каждый по 100 человекъ охотниковъ, при 4-хъ офицерахъ, для усиленія штурмовыхъ колоннъ; нижніе чины шли по охотѣ, а офицеры по жребію. Всѣ 1,000 человекъ раздѣлены на пять частей и размѣщены по пяти штурмовымъ колоннамъ. Для облегченія назначено людямъ идти въ дѣло въ мундирахъ, безъ ранцевъ. Шинели ихъ были скатаны и по старинному чрезъ плечо. Съ вечера получили всѣ по чаркѣ вина, а утромъ роздали по другой.

При всей осторожности съ нашей стороны, непріятель замѣтилъ вечернее движеніе нашихъ колоннъ къ Рашину, и безъ сомнѣнія принялъ мѣры; но они никакъ не думали, чтобы стали брать столь хорошо укрѣпленный городъ штурмомъ, а тѣмъ менѣе со стороны Воли, какъ сильнѣйшей позиціи; почему главныя свои силы они обратили на мокотовскую сторону, гдѣ все было подъ ружьемъ, какъ только начало свѣтать.

Проспать я не могъ; люди задали кормъ лошадямъ и стали сѣдлать. Я протеръ глаза, закусилъ сухаремъ и сѣлъ на лошадь. Мы выѣхали за фельдмаршаломъ въ исходѣ четвертаго часа; все было готово, ожидая лишь приказаній. Офицеры въ кружкахъ передъ своими частями распивали шампанское, желали другъ другу и всѣмъ вообще счастья, но не одинъ страдалъ предчувствіемъ, въ которомъ никто себѣ отчета дать не можетъ. Мнѣ рассказывали про одного пѣхотнаго маіора, начавшаго уже турецкую кампанію въ этомъ чинѣ: страдая зловѣщимъ предчувствіемъ, онъ какъ-то умѣлъ уклоняться отъ боевой службы и такимъ образомъ кончалъ вторую войну не бывши въ дѣлѣ; насмѣшки сослуживцевъ и ихъ убѣжденія побудили его, наконецъ, принять участіе въ предстоявшемъ штурмѣ: и что-же?—одна изъ первыхъ непріятельскихъ ядеръ положила его на мѣстѣ.

Паскевичъ съ блестящею свитою объѣзжалъ войска, здоровался со всѣми, уговаривалъ быть молодцами и не удариться лицомъ въ грязь. Чинно все двинулось по направленію къ назначеннымъ мѣстамъ. Солнце показалось на востокѣ во всемъ своемъ блескѣ, всѣ съ благоговѣніемъ перекрестились.

Первый выстрѣлъ послѣдовалъ изъ укрѣпленія № 57, впереди грозной Воли, затѣмъ другой изъ № 54, втораго вправо отъ Воли, потомъ изъ обоихъ поднялись по три рекеты, служившихъ, конечно, условленнымъ сигналомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ открылась съ обѣихъ сторонъ пальба—и застонала земля; особенно поразила меня свистъ артиллерійскихъ снарядовъ, прорѣзавшихъ утренній сгущенный воздухъ. Противъ № 57 стоялъ гр. Паленъ, противъ № 54 баронъ Крейцъ. Артиллерія наша подѣхала на 300 сажень, и, открывши огонь, продолжала наступать до 150 сажень и тогда уже остановилась и стала дѣйствовать рѣшительно. Укрѣпленія, противъ которыхъ началась атака, были, какъ въ послѣдствіи оказалось, изъ самыхъ сильныхъ. Высота брустверовъ простиралась отъ 4-хъ до 5-ти аршинъ; глиняный грунтъ способствовалъ тому, чтобы дать наружнымъ сторонамъ и покатостямъ ровъ большую крутизну, не прибѣгая къ искусственному укрѣпленію; во рвахъ были палисады, а по гласисамъ въ три ряда волчьи ямы.

Конечно, непріятель имѣлъ значительный перевѣсъ въ томъ что окопы его вооружены почти исключительно осадными орудіями 18-ти и 24-хъ фунтоваго калибра, вывезенными изъ Варшавы и Модлина; но слѣдуетъ взять въ соображеніе, что по недостатку пороха у нихъ запасъ зарядовъ на орудіе долженъ былъ быть невеликъ и вообще порохъ нехорошъ. По взятіи Воли мы полюбопытствовали осмотрѣть заряды при нѣкоторыхъ орудіяхъ и нашли порохъ не въ зернахъ, но въ кусочкахъ различной величины и фигуры, даже до 5-ти ливій толщины. Порохъ затѣляли дѣлать въ Варшавѣ подъ управленіемъ генерала Бонтана, но видно затруднялись его зернить.

Въ числѣ крупныхъ орудій, употребленныхъ для вооруженія варшавскихъ окоповъ, было десять польскихъ орудій, взятыхъ русскими въ Варнѣ. Эти десять орудій подарены государемъ Николаемъ Варшавѣ и украшали площадь Александрійскихъ казармъ; но, обращенныя неблагодарною Польшею противъ

Россіи, подарены, приказомъ государя императора, арміи, и употреблены для украшенія Преображенскаго всей арміи собора въ С.-Петербургѣ.

Около часа или съ небольшимъ продолжалась пальба, и тогда уже съ русскимъ „ура“ пошли на штурмъ колонны Крейца, имѣя впереди гвардейскихъ охотниковъ. Когда наши вскочили на брустверь № 54-й, Корфъ сталъ подъѣзжать со мною къ № 55-му, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно-ли укрѣпленіе это, какъ намъ казалось, не было вооружено и безъ гарнизона, и, убѣдившись въ томъ, приказалъ мнѣ ѣхать къ князю Горчакову съ донесеніемъ объ этомъ и просить разрѣшеніе освободившеюся противъ № 54-го артиллеріею усилить дѣйствовавшую противъ № 57-го и Воли.

Въ только-что взятомъ № 54 орудійные заряды хранились въ погребкѣ, куда польскіе солдаты попрятались, а наши по невѣжеству стали стрѣлять въ погребъ. Въ это самое время ѣхалъ я мимо этого укрѣпленія, какъ вдругъ воспослѣдовалъ страшный взрывъ. Лошадь моя присѣла на всѣ ноги, а меня какъ будто окатило горячею водою; гранаты разрывались въ воздухъ, меня закидало землею, конечно, изъ укрѣпленія, откуда летѣли люди изуродованные, обгорѣлые, по большей части, какъ теперь помню, съ бѣлыми погонами и 11-мъ нумеромъ. Оправившись, двинулся я съ мѣста и тутъ уже замѣтилъ, что клеенку на фуражкѣ моей разорвало, слѣдовательно, жаръ, меня будто окатившій, надо было приписать слабой контузій. Князя Горчакова нашелъ я уже легко раненымъ и, получивъ отъ него много разныхъ приказаній, возвратился на прежнее мѣсто, но, не видя тутъ своего генерала и не рѣшаясь его отыскивать, сталъ наблюдать за дѣйствіемъ 4-й конной роты, поражавшей польскую полевую батарею вправо отъ Воли. Я не ошибся, Корфъ скоро подъѣхалъ и не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, когда меня увидѣлъ. Онъ меня встрѣтилъ съ вопросомъ—я-ли это? „Я, говоритъ, считалъ васъ погибшимъ при взрывѣ и взялъ даже себѣ изъ 1-й бригады поручика Поссе; теперь вамъ опасаться нечего, я уже рассказалъ нѣкоторымъ, что вы убиты, а есть примѣта, если кого сочтутъ убитымъ, тотъ останется невредимъ“. Вечеромъ онъ мнѣ рассказалъ, что тотчасъ послѣ взрыва послалъ казака вѣстоваго узнать что

со мною сдѣлалось и когда тотъ вернулся съ отвѣтомъ, что лежатъ все обгорѣлыя тѣла и изъ нихъ нельзя узнать, онъ послалъ его на первую перевязку, но и тамъ казакъ меня не отыскалъ.

Во взятомъ укрѣпленіи входъ былъ заложенъ и сдѣланъ другой съ нашей стороны; оно на всякій случай вооружено артиллеріею и прикрито гарнизономъ.

У гр. Палена дѣйствіе артиллеріи еще продолжалось; успѣхъ былъ медленъ, потому что сильная Воля обстрѣливала пространство по обѣ стороны № 57-го. Наконецъ, артиллерія подѣхала на полукартечный выстрѣлъ и заставила замолчать орудія № 57-го. Тогда пошли на штурмъ морскіе полки на лѣвый фасъ, принцевъ Карла и Вильгельма на передніе углы, а охотники, направленные на передній фасъ, бросились въ ровъ, поломали палисадъ и стали помощію лѣстницъ влѣзать на стѣну. Первые вошли на валъ морскіе полки, за ними ревелъцы. Гарнизонъ перешелъ на правую сторону укрѣпленія, гдѣ большая часть легла на мѣстѣ, а въ плѣнъ взято 80 челоуѣкъ.

Воля представляла неправильный четырехугольникъ, продолговатый, обращенный въ поле однимъ изъ короткихъ фасовъ. Длина большихъ сторонъ простиралась до 100 сажень; на переднихъ углахъ были бастионы; изъ нихъ въ правомъ былъ высокій каменный костель, съ таковою-же оградой, и все это отдѣлено отъ внутренняго пространства укрѣпленія особымъ рвомъ съ палисадомъ, представляя какъ-бы цитадель. Въ стѣнахъ костела и около него подѣланы бойницы. Въ задней половинѣ Воли, т. е. за поперечнымъ рвомъ, былъ большой садъ, отдѣленный отъ рва опять-таки брустверомъ съ особымъ рвомъ. Высота бруствера передняго фаса казалась до 2-хъ сажень, насыпи были толсты и круты, рвы глубоки и всѣ съ палисадами. Съ передняго фаса и около угловыхъ бастионовъ были по гласису три ряда волчьихъ ямъ. Воля вооружена 12-ю орудіями большаго калибра, и имѣла кромѣ артиллерійской прислуги гарнизонъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты. Однимъ изъ этихъ баталіоновъ командовалъ маіоръ Высоцкій, извѣстный тѣмъ, что былъ въ числѣ первыхъ заговорщиковъ съ 1820 года. На Воли былъ комендантомъ генералъ Савинскій.

Артиллеріи направлено на Волю сколько можно было, такъ что стѣна костела, обращенная въ поле, вся испещрена пробоинами, а орудія ея одно за другимъ должны были замолчать. Было около 10-ти часовъ, когда стали готовиться къ штурму. На передній фасъ направлены полки морскіе, подъ начальствомъ Лидерса, а Астраханскій и Суворовскій подъ командою Мартынова. Бергъ направленъ въ обходъ на задній фасъ съ двумя Ингерманландскими полками и 11-мъ Егерскимъ. Съ обѣихъ сторонъ Воли выѣхали непріятельскія батареи и открыли сильный перекрестный огонь, но наши уже достигли рва съ охотниками впереди; палисадъ поломанъ и стали влѣзать на стѣну, Лидерсъ у лѣваго, а Мартыновъ у праваго бастиона. Съ замираніемъ сердца глядѣлъ я, какъ люди лѣзли на стѣну, кто по лѣстницѣ, кто становясь товарищу на плечо, и кто только могъ выбивалъ штыкомъ кусокъ глины, чтобы имѣть малѣйшій упоръ. По мѣрѣ того, какъ люди поднимались, стѣна чернѣла, и вдругъ все валится въ ровъ. Трудно повѣрить, но при подобномъ паденіи слышался хохотъ падающихъ. При такомъ настроеніи въ минуту опасности, для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Стали опять подниматься на стѣну и опять неудача, и главное оттого, что верхнихъ, т. е. первыхъ храбрецовъ сбивали прикладами и банниками. Стѣна стала вновь покрываться людьми, и кто-то закричалъ по-польски: „спасайся кто можетъ!“ Съ этимъ магическимъ словомъ непріятель подался назадъ и наши утвердились на брустверѣ. Поляки опомнились и стали напрягать всѣ силы, чтобы сбить нашихъ, но уже поздно было, бой сдѣлался упорнѣе и продолжался долго съ перемѣннымъ успѣхомъ; каждый шагъ впередъ стоилъ намъ дорого. Когда Бергъ и Лидерсъ дошли до цитадели, весьма упорно защищаемой, прибылъ на подкрѣпленіе Набоковъ съ Симбирскимъ полкомъ и однимъ баталіономъ карабинеръ, и дѣло было покончено. Въ самомъ костелѣ убитъ комендантъ, пораженный нѣсколькими штыками въ грудь; въ карманѣ у него нашли планъ расположенія варшавскихъ окоповъ. Въ плѣнъ взято 30 офицеровъ и 1,200 нижнихъ чиновъ, и не менѣе того было убитыхъ и раненыхъ. Тотчасъ сдѣланъ въ переднемъ фасѣ, а прежній на заднемъ закрытъ, подвезена артиллерія и размѣщенъ необходимый гарнизонъ. Все окончено до

полудня. Такъ пала гордая Воля и съ нею дрогнули нелѣпныя надежды мятежниковъ.

Въ одно время, съ началомъ дѣйствій противъ Воли, стали обстрѣливать укрѣпленія первой линіи—№№ 58, 59 и 60-й, но непріятель покинулъ ихъ, не желая безъ пользы подвергнуться штурму. Укрѣпленія вправо были также частію заняты, такъ что съ паденіемъ Воли почти вся передняя линія была въ нашихъ рукахъ. Когда было приступлено къ устройству въѣзда въ переднемъ фасѣ, подъѣхалъ Паскевичъ и сталъ противъ этого фаса. Съ лѣвой стороны дѣйствовала значительная батарея нашихъ 12-ти-фунтовыхъ пушекъ и полупудовыхъ единоговъ. Паскевичъ обернулся къ князю Горчакову и говоритъ ему, указывая на батарею: „правый флангъ славно бьетъ“. Желая, вѣроятно, знать кто именно на правомъ флангѣ, Горчаковъ оглянулся, чтобы кого-нибудь послать туда, но какъ у него адъютанты и ординарцы постоянно бывали въ разгонѣ, онъ никого не нашелъ кромѣ полковника Безака, котораго не любилъ тревожить, а потому и приказалъ мнѣ туда ѣхать и узнать, не отдавая особаго приказанія, конечно, въ томъ предположеніи, что я, стоя тутъ-же, долженъ былъ слышать слова фельдмаршала. Я поскакалъ туда, но, приближаясь къ правому флангу, увидѣлъ разные нумера на погонахъ, какъ это въ военное время случается. Дабы не сдѣлать ошибки, я спросилъ самого командира: какая это рота? Онъ мнѣ сказалъ: „1-я батареинная 7-й бригады“. Съ этимъ отвѣтомъ я возвратился къ князю, взшедшему уже съ Паскевичемъ въ Волю; но онъ мнѣ какъ-бы съ неудовольствіемъ сказалъ: „что мнѣ одна, а другая, третья—какія роты?“ Нечего дѣлать, я подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи долженъ былъ обскákatъ всю линію, и когда возвратился къ нему съ донесеніемъ, онъ вмѣсто спасибо сказалъ, что теперь уже и безъ меня знаетъ.

Отыскивая Корфа, вижу кружокъ солдатъ у какого-то строенія; карабинерный унтеръ-офицеръ о чемъ-то усердно толковалъ, но, завидя меня, замолчалъ и кружокъ разступился. Спрашиваю: что у васъ тутъ? Унтеръ-офицеръ, указывая на убитаго польскаго маіора, говоритъ: „вотъ извольте видѣть, ваше благородіе, этому маіорину я два раза говорилъ пардонъ, а онъ все лѣзетъ въ глаза,—что-же было мнѣ дѣлать, я приколотъ его

штыкомъ къ стѣнѣ и повернулъ штыкъ, и вотъ извольте видѣть какъ его свернуло“. Дѣйствительно, штыкъ въ шейкѣ свернулся и весь въ крови. „Мнѣ-бы, продолжалъ онъ, лучше было денежки за него взять, а ему-бы пожить не мѣшало, но что-же будешь дѣлать съ этими безмозглыми“. Для разъясненія этихъ словъ долженъ сказать, что съ нѣкотораго времени было распоряженіе платить за каждого плѣннаго нижняго чина по червонцу, а за офицера два; мѣра эти вызвана необходимостію прекратить убійства, которыми нерѣдко разрѣшались схватки съ непріателемъ. Нельзя сказать, чтобы такой образъ дѣйствій былъ въ характерѣ нашего солдата, но поляки сами поступали при случаѣ безчеловѣчно, и вслѣдствіе того родилась въ арміи чрезвычайная къ нимъ ненависть.

Воля имѣла столь важное значеніе, что поляки задумали ею вновь овладѣть, конечно, съ задняго фаса. Для сего по обѣ стороны № 23-го поставлены батареи и началась горячая пальба; направлены къ Воли четыре баталіона, съ двумя въ резервѣ. Защищали Волю 5-й и 6-й карабинерные полки; застрѣльщики начали отступать по мѣрѣ наступленія непріятеля, и когда дошли сажень около 20-ти отъ рва, храбрые карабинеры не захотѣли противъ поляка оставаться за брустверомъ, и безъ всякаго приказанія перескочили чрезъ него, пошли на встрѣчу штурмующимъ, и—тѣ показали тылъ. На возвратномъ пути эти храбрецы сильно пострадали отъ польской картечи. Попытка поляковъ отнять Волю повгорилась, но также безуспѣшно. Они пошли въ третій разъ въ значительнѣйшихъ силахъ, но карабинеры, будучи подкрѣплены, выдержали и сей напоръ, такъ что непріятель принужденъ былъ отступить.

Разнесся слухъ, что въ числѣ плѣнныхъ находится знаменитый Высоцкій, одинъ изъ первоначальныхъ заговорщиковъ, пользовавшійся такою славою, что литографированный портретъ его продавался въ лучшихъ магазинахъ Варшавы. Горчаковъ подошелъ къ Корфу и говоритъ: „фельдмаршалъ слышалъ, будто Высоцкій въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ раненыхъ; не знали-ли вы его и не можете-ли его намъ указать?“ Николай Ивановичъ отвѣтилъ, что Высоцкій былъ до революціи только подпоручикомъ, лично онъ его не зналъ, но готовъ осмотрѣть раненыхъ. Князь указалъ на длинное строеніе, служившее, какъ надо

полагать, свинымъ хлѣбомъ при ксендзовскомъ домѣ, и тутъ лежало человѣкъ 50. Мы, нагнувшись, насилу могли войти, и стали по порядку осматривать лежавшихъ подъ-рядъ на соломѣ, прикрытыхъ своими шинелями. Въ польской арміи нижніе чины имѣли шинели темносѣраго сукна, отличавшіяся отъ офицерскихъ шинелей только тѣмъ, что были безъ капишоновъ. Замѣтили мы одного блондина, накрытаго офицерскою шинелью Корфъ спросилъ какъ его зовутъ, конечно, по-польски, и тотъ назвалъ Высоцкимъ. „Вы меня знаете?“ продолжалъ Корфъ. „Знаю, вы генералъ изъ Гуры - Калвари“ (тамъ жилъ генералъ въ качествѣ командира 5-й батареинной роты и командира нашей бригады; а у поляковъ обыкновеніе называть значительныя лица по мѣсту ихъ жительства). „Вы ранены?“—„Да, къ несчастію, раненъ, но скажите мнѣ, генералъ, какая участь меня ожидаетъ?“—„Этого не знаю“, сказалъ Корфъ, и мы поспѣшили выйти изъ хлѣва. Корфъ сообщилъ князю Горчакову о находкѣ, а тотъ поспѣшилъ доложить о томъ Паскевичу, и любезнаго Высоцкаго тотчасъ взяли и куда-то отправили.

Въ костелѣ на Волѣ все пространство за алтаремъ вплоть до потолка было наполнено отлично выпеченнымъ и высушеннымъ хлѣбомъ. Сухари показались необыкновенно вкусными, и мудренило!—было около 3-хъ часовъ, а я чуть-ли не съ 3-хъ часовъ утра на конѣ, и только въ другой разъ освѣжился глоткомъ рома. У меня было правило имѣть всегда въ карманѣ склянку съ ромомъ и сухаремъ.

Въ костелѣ разложены въ рядъ раненые, которымъ требовалось дѣлать ампутаціи. Зашелъ я посмотрѣть на работу хирурговъ, и не могъ надивиться хладнокровію или, лучше сказать, навыку ихъ въ этомъ упражненіи. Стонъ и крикъ несчастныхъ подъ ножемъ ужасенъ. О хлороформированіи подвергаемыхъ операціямъ субъектовъ въ то время еще не мечтали. Нашему брату непривычному нельзя долго смотрѣть на работу ампутаціонную: сколько я ни крѣпился достоять до того, когда начнутъ пилить кость, но колѣна подкашивались, и я поспѣшилъ вонъ изъ костела. На слѣдующее утро, во время перемирія, я еще разъ туда зашелъ, и при мнѣ адъютантъ его высочества Михаила Павловича раздавалъ всѣмъ нашимъ раненымъ, тутъ бывшимъ, каждому по червонцу. Рукъ и ногъ столько поотрѣзали,

что ими завалили весь уголъ высокой каменной около костела стѣны. Невольно взоръ мой остановился на этой кучѣ; я задумался; мрачныя мысли смѣнялись однѣ другими,—надо было уйти и развлечься.

Непріятель, конечно, зналъ, что Паскевичъ въ Волѣ; насъ начали угощать ядрами и ракетами, но безъ особенныхъ послѣдствій. Поляки употребляли ракеты и въ гроховскомъ дѣлѣ всегда безуспѣшно и болѣе потому, что у нихъ въ Варшавѣ была полурота, и надо-же было пустить ее въ дѣло. Полетъ ракетъ очень невѣренъ, измѣнчивъ и настолько медленъ, что мнѣ не разъ случалось отъ нихъ уклоняться. Чтобы лошади ихъ особенно боялись, какъ намъ читалось на лекціяхъ въ корпусѣ, я не замѣчалъ; вообще лошади въ бою смирѣютъ, въ сильномъ огнѣ стоятъ съ поникшими головами, какъ будто чувствуютъ свое страдательное положеніе.

Паскевичъ собралъ военный совѣтъ и рѣшился прекратить наступленіе для того, чтобы дать людямъ отдыхъ, и въ надеждѣ, что непріятель, можетъ быть, рѣшится сдать городъ. Въ 5 часовъ пальба совершенно утихла, а въ 7 Паскевичъ уѣхалъ на ночлегъ въ Влохи. Послѣ необходимыхъ распоряженій по укомплектованіи артиллеріи зарядами и закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, мы также отправились на ночь въ Влохи, гдѣ, не находя лучшаго, я опять занялъ свое мѣсто между лошадьми. Какъ ни усталъ я, однако, сна такого не было какъ въ прошлую ночь. Почему это такъ было—не знаю. Я не спалъ, но лежалъ какъ-бы въ забытѣ и все мнѣ слышался визгъ артиллерійскихъ снарядовъ и свистъ пуль, т. е. та музыка, которой уши мои въ продолженіе всего дня были подвержены. Приходя иногда въ себя, слышу только какъ лошади жуютъ солому, забудусь—и этотъ шорохъ превращается въ музыку боя, точно какъ-бы послѣ бала, протанцовавши всю ночь, ложишься—и долго мазурки да кадрили мерещутся въ ушахъ.

Варшава призадумалась. Въ совѣтѣ министровъ рѣшено поручить Круковецкому письменно спросить Паскевича—на какихъ основаніяхъ опъ уполномоченъ вести переговоры. Письмо поручено отвезти Прондзинскому, съ разрѣшеніемъ, въ крайнемъ случаѣ, объявить Паскевичу, что основаніемъ переговоровъ будетъ признаніе государя королемъ конституціоннымъ.

Въ четвертомъ часу утра, 26-го августа, прибылъ на наши форпосты Прондзинскій. Дали о томъ знать Паскевичу и онъ тотчасъ поѣхалъ въ Волю, гдѣ назначалось свиданіе въ ксендзовскомъ домѣ. Съ Калишскаго шоссе, по срединѣ праваго фаса Воли, былъ сдѣланъ вѣздъ. Внутри укрѣпленія, возлѣ самаго вѣзда, стояла богатырь-пушка, аршина 4 длины, которую я съ кѣмъ-то разсматривалъ, вовсе еще не зная о предстоявшихъ переговорахъ. Въ это время поднимается по вѣзду бывший адъютантъ цесаревича капитанъ Грессеръ, вводя въ укрѣпленіе за узду лошадь, съ сидящимъ на ней польскимъ генераломъ, у котораго глаза завязаны бѣлымъ платкомъ. Это, какъ я вскорѣ узналъ, былъ Прондзинскій съ письмомъ. Его ввели въ комнату фельдмаршала. Прочитавши письмо, Паскевичъ сказалъ: „тутъ ровно ничего нѣтъ, не имѣете-ли чего передать словесно?“

— „Круковецкій поручилъ мнѣ узнать у вашего сіятельства тѣ условія, которыя полагали вы предложить чрезъ Данненберга.

— Условія! закричалъ Паскевичъ, я раскаяваюсь, что послалъ Данненберга съ предложеніемъ; вы на мое предложеніе отвѣтили мнѣ вотъ этимъ письмомъ (онъ вынулъ письмо изъ кармана)—образцомъ невѣжества; я вамъ отвѣтилъ вчерашнею побѣдою, теперь мы квиты, вы можете идти, мои распоряженія сдѣланы.

Прондзинскій замѣтно смутился, когда съ польской стороны послѣдовало два пушечныхъ выстрѣла, тогда какъ перемиріе заключено до окончанія переговоровъ. „Скажите мнѣ, спросилъ его Паскевичъ, желаетъ-ли Круковецкій признать государя?

„Онъ имѣетъ намѣреніе“.

— Въ силахъ-ли онъ привести это въ исполненіе при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ?

— „Круковецкій, какъ глава правительства, безъ сомнѣнія, можетъ исполнить то, на что рѣшился.

— Дайте мнѣ это объясненіе на бумагѣ, сказалъ Паскевичъ.

На возраженія Прондзинскаго, что онъ не имѣетъ на то полномочія, фельдмаршалъ повторилъ: „дайте мнѣ это объясненіе на бумагѣ—или я тотчасъ открываю огонь“. Прондзинскій написалъ слѣдующее заявленіе:

„Le soussigné déclare, qu'envoyé vers son excellence le maré-

chal comte Paskiewicz d'Erivan par le général Kroukowiecky, chef actuel du gouvernement à Varsovie, pour lui porter une lettre de ce dernier, contenant des propositions d'arrangement, il sait, que les intentions du susdit général Kroukowiecky sont de rentrer sous l'obeissance de sa majesté d'une manière pleine et entière avec toute la nation polonaise, et qu'il en a aujourd'hui tous les pouvoirs. Il désira apprendre de la part de son excellence monsieur le maréchal quelles seraient les conditions d'un arrangement basé sur cette condition fondamentale. Wola, ce 7 sept. 1831. Prondzynsky“.

Паскевичъ успокоился и согласился переговорить съ самимъ Круковецкимъ; послалъ къ нему Данненберга для того, чтобы тотъ провелъ его на нашу сторону, и съ условіемъ, что будетъ ждать не болѣе двухъ часовъ. Сеймъ еще не собрался, слѣдовательно Круковецкій не могъ имѣть полномочій, но по истеченіи срока принужденъ былъ сѣсть на лошадь и ѣхать на переговоры, пригласивъ съ собою и Прондзинскаго. Былъ часъ девятый. Паскевичъ со свитою поѣхалъ къ назначенной для свиданія корчмѣ, съ правой стороны Воли, на Калишскомъ шоссе. По прибытіи на мѣсто, всѣ сошли съ лошадей. Паскевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ и гр. Толь вошли въ пустую корчму, прочая же свита, въ томъ числѣ и баронъ Корфъ со мною, остались внѣ строенія. Лошадей мы передали вѣстовымъ, а сами стали у четырехъ оконъ корчмы, которыя, по печальной необходимости военнаго времени, были безъ переплетовъ. Корфу удалось занять удобное мѣсто, я сталъ около него, и намъ было все видно и слышно. Круковецкій съ Прондзинскимъ не заставили себя долго ждать; они вошли въ корчму, а адъютанты ихъ остались также на дворѣ. Фельдмаршалъ заговорилъ по-французски. Очевидно, онъ насколько могъ приготовился. Рѣчь его была сильна, вполне соотвѣтствовавшая положенію побѣдителя и представителя законной власти. Имѣлъ я случай слышать его въ 1832 году, когда онъ пріѣзжалъ въ Сѣдлецъ уже въ качествѣ намѣстника и произнесъ увѣщательную рѣчь представителямъ дворянства подлѣскаго воеводства; конечно, онъ говорилъ по-французски, такъ какъ польскаго языка не зналъ, а по-русски не могъ говорить по той простой причинѣ, что его-бы не поняли. Говорилъ онъ недурно, и странно,

писемъ писать не умѣлъ, что не безызвѣстно было приближеннымъ; впрочемъ, письма его писались толково другими, самъ-же онъ рѣдко и, вѣроятно, въ крайнемъ случаѣ рѣшался писать самъ.

Когда, между прочимъ, Паскевичъ назвалъ поляковъ мятежниками, Круковецкій не могъ удержаться отъ удивленія слышать такое выраженіе. „Развѣ вы не возмутители противъ законнаго своего короля“, спросилъ Паскевичъ.

— Покуда въ рукахъ нашихъ оружіе, возразилъ Круковецкій, мы составляемъ свободную націю (какая нелѣпость назвать націю свободною, потому что у нея оружіе въ рукахъ; въ сущности, Паскевичъ былъ правъ: націю нельзя было назвать иначе, какъ возмущившеюся).

— „Развѣ вы не съ тѣмъ сюда прибыли, чтобы вмѣстѣ съ націею положить оружіе?“ продолжалъ Паскевичъ.

— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ того, сойдемся-ли мы въ условіяхъ, сказалъ Круковецкій.

— „Какія еще условія, покоритесь безусловно, если имѣете власть на то“.

— Такой власти не имѣю; я въ зависимости отъ сейма и общаннаго полномочія не успѣлъ получить.

— „Какъ, возразилъ Паскевичъ, я имѣю на бумагѣ ваше намѣреніе со всею націею покориться законному монарху“, и показалъ ему заявленіе Прондзинскаго.

— Что мнѣ до этого, сказалъ Круковецкій, не взглянувъ даже на бумагу; если генераль далъ обязательства, пусть самъ ихъ и выполняетъ, а меня они ни къ чему не обязываютъ.

Объ стороны продолжали разговоръ раздражительно; когда-же нѣсколько успокоились, Паскевичъ подалъ уже приготовленную на бумагѣ декларацію, что онъ прекращаетъ штурмъ только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) армія и нація должны безусловно покориться. 2) Варшаву, Прагу и мостъ чрезъ Вислу должны сдать намъ, 3) армія польская должна идти въ Плоцъ, согласно высочайшей воли.

Ждать онъ соглашается до втораго часа; этого времени довольно Круковецкому добиться полномочія; но по истеченіи срока, онъ открываетъ огонь. Въ заключеніе онъ сказалъ: „армія моя въ самомъ удовлетворительномъ состояніи; она

съ нетерпѣніемъ ждетъ приказанія продолжать начатое и наказать непокорныхъ“. Круковецкій съ Прондзинскимъ уѣхали, и въ корчму вошли корпусные командиры и начальники отдѣльных частей, для полученія приказаній. Положено подаваться впередъ и все взять до городского вала.

Круковецкій возвратился въ Варшаву и собралъ совѣтъ, положившій послать Прондзинскаго въ собраніе сейма и передать оному откровенно положеніе дѣлъ. Сужденіямъ, спорамъ и крикамъ не было конца, а время уходило и ни на что не могли рѣшиться. Уже былъ часъ, а представители все горланятъ безъ умолку и едва въ 2 часа положили передать президенту, что онъ можетъ вести переговоры, но сеймъ предоставляетъ себѣ право утвержденія. Какіе-же могутъ быть переговоры, когда имъ данъ ультиматумъ? Такимъ бессмысленнымъ рѣшеніемъ, какъ видно, желали затянуть дѣло.

Покуда сеймъ спорилъ, срокъ окончился, фельдмаршалъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: „съ Богомъ! начинать“. Все бросилось къ лошадямъ и каждый спѣшилъ къ своему мѣсту. Въ это время прискакиваетъ адъютантъ Круковецкаго съ просьбою еще часокъ подождать. „Возвратитесь къ своему генералу, сказалъ Паскевичъ, и скажите ему, что я начинаю, а если онъ будетъ имѣть сообщить мнѣ что-нибудь удовлетворительное, то пусть явится парламентаръ къ князю Хилкову, чрезъ Маримонтскую заставу.

Около половины втораго начался громъ артиллеріи по всей линіи. Съ обѣихъ сторонъ орудія хорошо наведены и стрѣльба пошла мѣткая. Для измѣненія дистанціи, Николай Ивановичъ сталъ выдвигать артиллерію на 50 сажень впередъ и послалъ меня съ этимъ приказаніемъ по линіи.

Паскевичъ, на своемъ бѣломъ конѣ и въ бѣлой фуражкѣ, поѣхалъ по главной нашей батарее и вдругъ упалъ съ лошади, контуженный ядромъ въ лѣвую руку. Доктора засуетились около него, отнесли его въ № 54 и тамъ сдѣлали перевязку. Онъ послалъ за гр. Толемъ и, поручивъ ему командованіе арміею, просилъ продолжать по принятому имъ плану дѣйствій. Толь поскакалъ въ огонь, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и приказалъ рѣшительнѣе наступать между заставами Мокотовскою и Іерусалимскою. Паскевичъ послѣ перевязки сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ Волю.

Артиллерія передней линіи усилена, огонь сосредоточенъ противъ второй линіи укрѣпленій и сильнаго редута съ блокаузомъ, названнаго Чистымъ по предмѣстію города, впереди котораго онъ поставленъ. Непріятель вывелъ много полевыхъ орудій, для обстрѣливанія пространства, по которому приходилось штурмовать Чистое. Дабы насколько можно ослабить этотъ убійственный огонь, Николай Ивановичъ послалъ меня взять изъ резерва 3-ю конную роту и указалъ куда ее поставить. Я подъѣхалъ къ резерву, передалъ приказаніе командиру роты подполковнику Порошину, а онъ, скомандовавши батарею впередъ рысью, на походѣ уже вытянулъ ее. Ёду впереди для указанія мѣста, за мною Порошинъ. Непріятель обратилъ вниманіе на вводимую вновь батарею и встрѣтилъ насъ убійственнымъ огнемъ артиллеріи съ трехъ сторонъ; ядра то и дѣло бороздили землю; я не разъ былъ окаченъ грязною водою изъ лужъ, встревоженныхъ рикошетами ядеръ и гранатъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что предъ тѣмъ были дожди и образовавшіяся повсемѣстно лужи не могли еще высохнуть, такъ какъ глинистый грунтъ не такъ проницаемъ. Батарея стала на указанной позиціи, снялась съ передковъ и началась пальба, но не знаю—дали-ли орудія по одному выстрѣлу, какъ уже Порошинъ убитъ и рота его совершенно разстроена. Корфъ, замѣтивъ все это издалека, подъѣзжаетъ, хочетъ ее выдвинуть на 50 сажень, командуетъ, но не кому исполнить команду. Не знаю сколько тамъ было офицеровъ, но остался одинъ прапорщикъ Багговутъ, товарищъ мой по корпусу. Лафеты подбиты; люди и лошади перебиты; лошади, потерявшія сѣдоковъ, неслись на свободѣ; ѣздовые на уносахъ до того растерялись, что не понимали словъ; пришлось намъ обнажить полусабли и ударами плашмя по спинѣ заставить очнуться и исполнить команду; но едва удалось выдвинуть 4 орудія, которыя также не принесли пользы и должны были скоро замолчать. Мѣсто, гдѣ батарея первоначально поставлена, покрыто убитыми и ранеными людьми, обломками лафетъ, колесъ и подбитыми орудіями. Въ полчаса конная рота почти уничтожена.

Когда выдвинули 4 орудія 3 роты и онѣ прекратили пальбу, стало тише и съ непріятельской стороны; въ это время я замѣтилъ два польскихъ орудія, брошенныхъ саженьхъ въ 200 по направленію къ Іерусалимской заставѣ. Подъѣзжаю къ Багговуту

и говорю ему: „пошли, пожалуйста, лошадей, чтобы эти два орудія перетащить сюда, не то поляки одумаются и приплютѣ за ними. Съ тѣмъ я уѣхалъ и передалъ своему генералу о сдѣланномъ мною распоряженіи убрать подбитыя орудія.

Было около 3-хъ часовъ, когда полки Самогитскій и Лудскій приступили къ укрѣпленію № 81, влѣво отъ дороги въ Краковъ. Въ это-же время колонна непріятельская выдвинулась чрезъ Іерусалимскую заставу, подъ прикрытіемъ строеній, пошла къ этому-же укрѣпленію и, войдя въ него, стала вытѣснять уже бывшихъ на стѣнѣ лудскихъ гренадеръ. Самогитскій полкъ изъ рва поспѣшилъ наверхъ и рѣшилъ споръ; непріятеля погнали до корчмы на краковскомъ шоссе. Поляки получили подерѣпленіе и борьба возобновилась съ переменнымъ счастіемъ, покуда не прибылъ изъ резерва Финляндскій полкъ съ 4 орудіями.

Наши двинулись къ № 78, но когда несвижскіе карабинеры стали къ нему приближаться, ихъ атаковалъ кавалерійскій полкъ, выѣхавшій изъ Іерусалимской заставы; на помощь поспѣли гвардейскіе драгуны, отняли у непріятеля два орудія, наносившія намъ большой вредъ. Въ это время изъ-за флеша № 10 выѣхали чрезъ отверстіе главнаго вала три полка кавалеріи и бросились на драгунъ. Съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно, но силы были неровны, драгуны потеряли много людей, генералъ Зассъ раненъ, гр. Ностицъ безъ памяти вынесенъ на плащѣ. Поддержали дѣло гвардейскіе гусары и порѣшили этотъ упорный бой. Они преслѣдовали непріятеля, покуда не почувствовали ружейнаго огня изъ-за главнаго вала, причемъ убитъ ротмистръ Слѣпцовъ. Тѣмъ временемъ несвижскіе карабинеры заняли укрѣпленіе № 72.

Въ 4 часа прибылъ Прондзинскій съ предложеніемъ Круковецкаго прислать въ Варшаву довѣренное лицо для заключенія условій, за устраненіемъ всѣхъ къ тому препятствій и съ просьбою прекратить огонь. Толь, напротивъ, приказалъ усилить огонь и поручилъ Бергу съѣздить съ Прондзинскимъ къ фельдмаршалу но тотъ, удалившись въ Волю и не желая показать себя раненаго, приказалъ просить его высочество Михаила Павловича съ нимъ переговоры.

Великій князь принялъ Прондзинскаго на конѣ предъ своею гвардіею и сказалъ, что послѣ утреннихъ переговоровъ имѣемъ право не довѣрять словамъ, тѣмъ болѣе, что и сеймъ можетъ не

согласиться съ предложеніемъ Круковецкаго. „Сеймъ болѣе не существуетъ, возразилъ Прондзинскій, и Круковецкій готовъ заключить миръ, основаніемъ коего будетъ служить признаніе государя“.

По донесеніи о томъ Паскевичу, онъ, справедливо не довѣряя полякамъ, приказалъ продолжать дѣйствіе, покуда условія мира не будутъ подписаны, а Бергу поручилъ ѣхать для этого въ Варшаву. Бергъ, въ сопровожденіи флигель-адъютанта князя Суворова и адъютанта его высочества Анненкова, поскакалъ съ Прондзинскимъ, обращая вниманіе его на расположеніе, силу и успѣхи нашей арміи. Они пріѣхали въ домъ правительства, гдѣ былъ собранъ военный совѣтъ. Какъ удивился Бергъ, когда Круковецкій ему сказалъ, что сеймъ все еще совѣтуется и онъ, не дождавшись полномочій, вынужденъ былъ подать въ отставку. Прондзинскій опустил глаза и ни слова сказать не могъ, а Бергъ послалъ Суворова извѣстить о томъ Паскевича.

Сеймъ былъ открытъ въ 4 часа чтеніемъ прошенія Круковецкаго, но въ то-же время получили извѣстіе о прибытіи Берга. Пошли толки разрѣшить-ли Круковецкому вести переговоры, оставаться-ли ему президентомъ, кого избрать, наконецъ, въ 5 часовъ, когда уже штурмовали вторую линію укрѣпленій, Круковецкому возвратили прошеніе.

Колонны, подъ начальствомъ Сулимы и Липранди, направлены: одна на № 22-й, а другая на № 21-й. Впереди этихъ колоннъ Корфъ повелъ 4-ю конную роту Житова и, снявъ съ передковъ въ 70-ти саженьяхъ отъ № 21-го, началъ жарить картечью, такъ что гарнизонъ, не выжидая штурма, отретировался въ городъ. № 21-й былъ тотчасъ занятъ нашими, а часть колонны Липранди присоединена къ той, которая должна была взять № 22-й. Это-то и было сильное Чистое, о которомъ я выше упомянулъ. Сулима пошелъ на фронтъ и правый фась, а Липранди на лѣвый и задній фасы. Охотники скоро переломили въ одномъ мѣстѣ палисадъ, и наши, имѣя впереди самого Липранди со знаменемъ въ рукѣ, вскочили на брустверь, вездѣ поражая непріятеля, и въ заключеніе взяли блокгаузъ, куда большая часть гарнизона укрылась.

Для отраженія приступа къ главному валу, непріятель собралъ всѣ свои силы. Съ нашей стороны поставлены значительныя бата-

реи между взятыми окопами и направлены на заставы Вольскую и Иерусалимскую. Приказано бросать гранаты съ зажигательнымъ составомъ, и — запылали предмѣстія Вольское и Чистое съ своими садами, а также одна за другою вѣтряныя мельницы, которыхъ было множество правѣ вольскаго предмѣстья. Огонь быстро распространялся. Когда уже стемнѣло, группа пылающихъ мельницъ представляла замѣчательную картину. Сначала онѣ горѣли пламенемъ, но когда наружная обшивка обгорѣла и свалилась, глазамъ зрителя представлялись одни раскаленные остовы.

Взятіе главнаго вала затруднялось пожаромъ предмѣстій; надо было высылать застрѣльчиковъ и ихъ часто мѣнять. За укрѣпленіемъ № 22 была высокая каменная стѣна съ бойницами. Иерусалимская застава защищалась тремя люнетами №№ 15-го, 16-го и 18-го. Было 6 часовъ; Вольское предмѣстье не взято, а Крейцъ двинулся на предмѣстье Чистое. Слѣва Липранди съ двумя баталіонами, съ правой стороны Малиновскій съ двумя полками, впереди охотники Павловскаго и Измайловскаго полковъ, а для подкрѣпленія — два полка гренадеръ. Данненбергъ и Корфъ, какъ знакомые съ Варшавою, должны были служить путеводителями. Странное предположеніе, что генералы, служившіе въ Варшавѣ, должны знать закоулки предмѣстья Чистаго; казалось-бы, легко прожить тамъ 25-ть лѣтъ и не только не бывать въ Чистомъ, но можно и не знать, что существуетъ такое предмѣстье.

Липранди удалось пробить каменную стѣну, около большаго сада, который тотчасъ былъ взятъ. Корфъ послалъ меня за двумя орудіями, которыя онъ употребилъ съ отличнымъ успѣхомъ, на весьма близкомъ разстояніи, потому что густой дымъ не позволялъ видѣть далѣе полукартечнаго выстрѣла. Страшно и теперь вспомнить что тамъ творилось. Было почти темно, дымъ ѣсть глаза, артиллерійскіе снаряды и ружейныя пули то и дѣло просвистываютъ; мнѣ казалось, мы работали ощупью, по крайней мѣрѣ я въ этихъ закоулкахъ не могъ уже оріентироваться и не зналъ-бы какъ безъ помощи выбраться изъ этого лабиринта. Корфъ послалъ меня съ донесеніемъ; я зналъ, что весь штабъ въ № 22-мъ, но отыскать его пришлось

нескоро и ощупью, такъ какъ улицы и мѣстность освѣщались заревомъ пожара, но дымъ ѣлъ глаза и мѣсто незнакомо. Въ № 22-мъ Толь, окруженный значительною свитою, стоялъ на валу, чтобы видѣть вдаль, насколько это можно было.....

На возвратномъ пути, не доходя предмѣстья, обратились ко мнѣ двѣ женщины съ просьбою укрыть ихъ въ безопасномъ мѣстѣ, такъ какъ домъ ихъ сгорѣлъ и они не знаютъ куда имъ дѣваться. Сначала указалъ я имъ ровъ № 22-й, но потомъ, разсудивъ, что тамъ имъ неудобно съ солдатами, предложилъ провести ихъ въ городъ, гдѣ могутъ найти пристанище. Когда онѣ изъявили на то свое согласіе, я ихъ велъ самъ не знаю куда, но, однако-же, онѣ очень меня поблагодарили и направились уже безъ меня въ улицу имъ знакомую, а я постарался скорѣе отыскать Корфа.

Ушли мы далеко, но побѣда обошлась не дешево. Многія части были положительно разстроены. Вологодскій полкъ потерялъ въ этотъ день своего бригаднаго командира генерала Ефимовича, полковаго и всѣхъ штабъ-офицеровъ; выбыли изъ фронта и капитаны, такъ что подъ вечеръ командовалъ полкомъ штабъ-капитанъ Гордѣенко, украшенный впослѣдствіи георгіевскимъ крестомъ. Впрочемъ, и въ полку осталось во фронтѣ съ небольшимъ 300 человекъ. И все-таки видишь людей веселыхъ, и кажется, чѣмъ больше опасность, тѣмъ настроеніе ихъ лучше, надо лишь не препятствовать имъ шутить, балагурничать и пѣть пѣсни, что весьма спасительно на нихъ дѣйствуетъ. Я не имѣлъ случая слышать, но говорили, многія колонны шли на штурмъ подъ картечнымъ огнемъ со своими хоровыми пѣснями, и преимущественно, какъ-бы подходящую пѣли: „Ахъ, на что-жъ было огородъ городить; ахъ, на что-жъ было капусту садить“.

Князь Горчаковъ раненъ къ вечеру въ ту самую руку, которая вчера была ранена, но должно быть легко, такъ какъ продолжалъ заниматься дѣломъ, покуривая трубочку изъ короткаго черешневаго чубучка. Находившійся при немъ для этой специальности донской казакъ только и зналъ, что мѣнялъ ему трубку и подавалъ фитиль для закуриванія.

Графъ Толь приказалъ ограничиться взятіемъ главнаго вала. Онъ съ главною квартирою остался въ № 22-мъ и рѣшился здѣсь

ночевать. Приказано артиллерію немедленно укомплектовать зарядами, а въ главномъ валу врѣзать амбразуры.

По поводу расположенія главной квартиры въ № 22, мѣсто впереди этого укрѣпленія, т. е. къ Варшавѣ, занято войсками; а какъ нельзя было удалиться отъ главной квартиры, мы вынуждены были занять для ночлега противоположную сторону, т. е. ту, съ которой штурмовали № 22. Въ военное время нельзя быть разборчивымъ. Денщики прибыли съ выюками, раздвинули тѣла павшихъ на штурмѣ, развели огонь и поставили чайникъ. Корфъ остался при Горчаковѣ, а мы съ Е—ъ принялись за чай. Еще мы продолжали наслаждаться горячимъ чаемъ, Корфъ съ намѣреніемъ повѣрить укомплектована-ли артиллерія зарядами, подѣхалъ къ намъ, выпилъ рюмку водки и сказалъ: „Е—ъ, поѣдемте; Зеландъ съ самаго начала не слѣзалъ съ лошади“.

Подозвалъ меня въ это время нашъ казакъ ординарецъ, чтобы показать: разсѣдывая мою лошадь, онъ усмотрѣлъ, что пуля пробила крыло сѣдла и потникъ, но на лошади едва только виднѣлось пятно на кожѣ, другая пуля отколола кусокъ копыта лошади. Надо много счастья, чтобы уцѣлѣть въ такомъ огнѣ въ продолженіе двухъ дней. Корфъ, я и казакъ, неотлучно бывшій съ нами, всѣ трое остались невредимы; свою легкую контузію въ счетъ не ставлю, она до сихъ поръ даетъ себя чувствовать изрѣдка легкими болями лѣвой стороны головы, продолжающимися 2—3 минуты, преимущественно предъ наступленіемъ дурной погоды. Я расположился поудобнѣе и легъ спать, но при всей усталости не могъ заснуть. Меня окружали не одни мертвецы, жертвы штурма Чистаго, были и умирающіе, оставленные по безнадёжности; они долго не разставались съ жизнью, обнаруживая ее стонами и даже просьбами дать имъ напиться; денщики наши неоднократно поднимались, чтобы подать кому-либо изъ этихъ страдальцевъ воды. Лица и тѣла убитыхъ и умиравшихъ, искаженные и обезображенные огнестрѣльнымъ оружіемъ, и умоляющій стонъ несчастныхъ произвели на меня самое тягостное впечатлѣніе. Меня окружали въ темную ночь, при бивачномъ огнѣ, въ такомъ множествѣ свѣжія развалины человѣчества, въ которыхъ такъ еще недавно кипѣли страсти и свѣжія желанія пылкой юности. Все это вертѣлось въ головѣ, мысли мѣнялись

однѣ другими, смѣшались, и, наконецъ, природа взяла свое, я заснулъ, не дождавшись возвращенія генерала.

Не дали намъ порядочно отдохнуть; рано разбудила насъ вѣсть, что Варшава сдалась, графъ Виттъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города, а Корфъ комендантомъ, и все готовится къ парадному вступленію.

Теперь обращаюсь къ дѣйствіямъ умиравшаго польскаго правительства, до капитуляціи Варшавы. Круковецкій продолжалъ требовать отъ сейма полномочій вести переговоры, а тамъ только спорили безъ толку, и когда кому-то поумнѣе пришло на умъ предложить заключеніе мира, Немоевскій вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ: „помириться—значить похоронить отечество, можно заключить только перемиріе“.

Штурмъ продолжался, предмѣстья горѣли, дымъ распростра- нялся надъ городомъ и ядра наши наводили страхъ на горожанъ. Эти убѣжденія привудили сеймъ дагъ Круковецкому на бумагѣ разрѣшеніе вести переговоры съ тѣмъ, однако-же, что сеймъ предоставляетъ себѣ утвержденіе условій. Протесты Круковецкаго ни къ чему не повели и сеймъ разошелся въ исходѣ шестаго часа. Бергъ изъ другой комнаты все слышалъ, и какъ между тѣмъ получались извѣстія о взятіи одного укрѣпленія за другимъ, онъ убѣдилъ президента написать государю слѣдующую декларацію:

„Sire! Chargé dans ce moment même du pouvoir de parler à votre majesté imperiale et royale au nom de la nation polonaise, je m'adresse par son excellence m—gr le maréchal comte Pas-kiewicz d'Erivan à votre cœur paternel. En nous soumettant sans aucune condition à votre majesté, notre roi, la nation polonaise sait qu'elle seule est à même, de faire oublier le passé et de guérir les plaies profondes, qui ont lacéré ma patrie. Varsovie, le 7 septembre 1831, à 6 heures le soir. Le comte Krukowiecki, général d'infanterie, président du gouvernement“¹⁾.

Подписывая, Круковецкій сказалъ: „я подписываюсь впередъ

¹⁾ „Государь! Уполномоченный въ эту минуту говорить съ в. и. в. отъ имени польской націи, я обращаюсь чрезъ е. с. фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго къ вашему отеческому сердцу. Покоряюсь безусловно в. в., вашему королю, польская нація знаетъ, что вы одни можете заставить забыть прошедшее и залечить глубокія раны, раздирающія мое отечество“.

въ доказательство моей благонамѣренности и для ускоренія дѣла, но заявленіе это войдетъ въ силу только тогда, когда будутъ заключены условія мира“. Одно другому совершенно противорѣчило. Онъ не соглашался въ трехъ пунктахъ: относительно Прагскаго моста, всепрощенія и размѣна плѣнныхъ; а когда Бергъ и этихъ условій измѣнить не могъ, то положено, чтобы Бергъ и Прондзинскій передали-бы фельдмаршалу рѣшеніе Круковецкаго, что онъ, въ случаѣ если его сіятельство не согласится съ его предложеніемъ, будетъ искать смерти подъ развалинами города.

Бергъ и Прондзинскій, встрѣчая на пути своемъ много препятствій отъ разливагося пожара, были вынуждены сдѣлать кругъ и выѣхать чрезъ Повонзскую заставу и оттого едва въ одиннадцатомъ часу прибыли въ нашъ лагерь, когда огонь уже былъ прекращенъ. Они нашли великаго князя на бивакѣ между Волею и предмѣстьемъ Вольскимъ. Его высочество чрезвычайно удивился, что Бергъ нашелъ сеймъ въ сборѣ, а Круковецкаго безъ полномочій, а потому находилъ неумѣстнымъ вести переговоры, но Прондзинскій далъ ему опять честное слово, что сеймъ разошелся и Круковецкій имѣетъ необходимое уполномочіе. Его высочество, однако-же, замѣтилъ, что еще давеча это-же самое Прондзинскій подтвердилъ честнымъ своимъ словомъ, а, между тѣмъ, оказалось совсѣмъ другое. Прондзинскій, чувствуя справедливость упрека, сказалъ, что ручается своею особою въ справедливости сказаннаго.

Лицу, не знакомому съ польскимъ языкомъ и обычаемъ, покажется страннымъ слышать, какъ они безъ церемоніи обращаются съ честнымъ словомъ; но надо знать обычай ихъ: они, не придавая этому слову своего истиннаго значенія, произносятъ кстати или некстати свое „słowo honogu“.

Его высочество поѣхалъ въ Волю, а Прондзинскій въ раздумьѣ остался на бивакѣ. Для избѣжанія отвѣтовъ на обращаемые къ нему вопросы, онъ притворился спящимъ. Великій князь возвратился и объявилъ рѣшеніе Паскевича:

1) польская армія сдаетъ Варшаву и мостъ чрезъ Вислу съ мостовымъ укрѣпленіемъ; 2) русскіе займутъ Варшаву утромъ въ 7 часовъ, а затѣмъ и Прагу; 3) поляки идутъ въ Плоцкъ, и къ нимъ дозволено будетъ присоединяться прочимъ войскамъ польскимъ, разбросаннымъ по Царству; 4) польская нація покоряется государю императору и на тотъ конецъ посылаетъ депутацію въ Петербургъ, и 5) до полученія извѣстій изъ Петербурга, продолжится перемиріе, и мы въ случаѣ нужды будемъ снабжать польскія войска продовольствіемъ.

Съ этимъ Бергъ и Прондзинскій поѣхали въ городъ, но каково было ихъ удивленіе, когда узнали, что Круковецкій отрѣшенъ, сеймъ собранъ и учреждено новое правленіе, подъ предсѣдательствомъ Немоевскаго. Вотъ какъ это случилось. По отъѣздѣ Прондзинскаго, Круковецкій въ томъ предположеніи, что его условія будутъ приняты, отдалъ приказъ войскамъ отступить къ Прагѣ; какъ видно, онъ хотѣлъ спасти Варшаву и сдѣлать Вислу границею между воюющими сторонами. Распоряженіе это было перетолковано, когда главнокомандующій Малаховскій съ этимъ извѣстіемъ вбѣжалъ въ домъ правительства, гдѣ нашлось и нѣсколько членовъ сейма. Маршалъ Островскій послалъ сейчасъ собрать хотя законное число членовъ, разрѣшилъ Малаховскому употребить свою власть и отправился самъ къ Круковецкому. Онъ нашелъ его на улицѣ окруженнымъ большою свитою; вся группа освѣщалась заревомъ пожара. Островскій спрашиваетъ его какія заключены условія? „Ничего не заключено, сказалъ Круковецкій, слышите пальбу, взгляните на разлившійся пожаръ,—вотъ какъ Паскевичъ отвѣчаетъ на мои предложенія; утромъ вы не хотѣли выгоднѣйшихъ условій, а теперь остается безусловно покориться“. Островскій началъ возражать, но Круковецкій коротко отвѣтилъ, что ему теперь все равно, такъ какъ возвращенное прошеніе у него въ карманѣ. Именемъ сейма Островскій потребовалъ у него прошеніе это. Круковецкій написалъ на прошеніи, что оно подано въ 2 часа, въ 5 возвращено съ просьбою начать переговоры, дабы прекратить бой, а въ три четверти 11-го, по востребованіи маршала Островскаго, ему передано. Потомъ онъ сѣлъ на лошадь и примкнулъ къ войскамъ, отступавшимъ къ Прагѣ. Островскій открылъ засѣданіе чтеніемъ прошенія Круковецкаго,

предложилъ учредить другое правленіе, во главѣ котораго назначаетъ Немоевскаго. Несмотря на незаконное число членовъ, Немоевскій, безъ дальнихъ формальностей, сдѣланъ президентомъ. Онъ тотчасъ назначилъ новыхъ министровъ, приказалъ вывести суммы заемнаго банка, и укладывать бумаги.

Когда Бергъ съ Прондзинскимъ возвратились въ Варшаву, они нашли въ правленіи, кромѣ прежнихъ, нѣсколько новыхъ членовъ, множество дворянъ и генераловъ, нарочно созданныхъ. За исключеніемъ Островскаго и Немоевскаго, тотчасъ удалившихся, всѣ вѣжливо встрѣтили Берга, и многіе даже ему были представлены. Недоставало Круковецкаго, и когда Бергъ о немъ спросилъ, ему сказали, что онъ сейчасъ вышелъ и не замедлитъ вернуться. Прошло часа два въ разсужденіяхъ о несчастномъ возмущеніи, но какъ Круковецкаго все еще не было, Бергъ объявилъ, что, имѣя полномочіе заключить миръ съ Круковецкимъ, онъ въ послѣдній разъ спрашиваетъ, явится ли онъ или нѣтъ, ибо въ 4 часа приказано возобновить атаку. Это подѣйствовало, стали еще привѣтливѣе, и признались, что Круковецкій поссорился съ сеймомъ и уѣхалъ въ Прагу, а вмѣсто его назначенъ Немоевскій, и потому не угодно ли будетъ заключить миръ съ Немоевскимъ или Малаховскимъ. Бергъ, какъ слѣдовало, отвѣтилъ, что, имѣя полномочіе заключить миръ съ Круковецкимъ, долженъ его самого видѣть, чтобы онъ ему подтвердилъ свое увольненіе. Послали отыскивать Круковецкаго въ Прагѣ, нашли его въ постели, и насилу уговорили пріѣхать на переговоры, ради спасенія Варшавы. Когда онъ вошелъ, Бергъ пошелъ къ нему на встрѣчу съ вопросомъ: „президентъ-ли онъ, или нѣтъ?“ Круковецкій, бросивъ свою шапку на полъ, закричалъ: „я не президентъ, а просто гражданинъ!“ Потомъ началъ упрекать сеймъ въ непослѣдовательности, назвалъ его даже собраніемъ ословъ, и въ заключеніе сказалъ, что готовъ приступить къ переговорамъ, но изъ осторожности, чтобы бѣду не свернули на него, требовалъ Оприсутствія Островскаго и Немоевскаго. Отыскали одного Островскаго, и когда Круковецкій потребовалъ вмѣстѣ подписать условія мира, между ними завязался крупный споръ, и послѣ рѣшительнаго отказа Островскаго, онъ ему сказалъ, что одинъ онъ причиною замедленія переговоровъ и что онъ его

за это арестуетъ. Тогда Островскій сталъ упрекать Круковецкаго въ томъ, что онъ своимъ письмомъ къ государю преступилъ данное ему полномочіе, и съ этимъ словомъ выбѣжалъ изъ залы и удалился въ Прагу, не заходя даже домой забрать что-нибудь нужное. Послѣ этого вышелъ и упорный Круковецкій, но его уже не пустили въ Прагу, а задержали въ Варшавѣ.

Авантюристу Дембинскому вздумалось пугнуть Берга тѣмъ, что онъ самъ зажжетъ Варшаву, и они погребутъ себя подъ развалинами ея. Бергъ холодно отвѣтилъ: „Мы зажгли Москву, но никому этимъ не угрожали; подите зажигайте, а мы вамъ поможемъ“.

Теперь Бергъ сказалъ, что какъ Круковецкій не президентъ, то онъ вынужденъ возвратиться къ своему мѣсту. Тутъ уже обратились къ нему съ просьбою дать имъ совѣтъ какъ спасти Варшаву. Время штурма приближалось, страхъ возрасталъ, а потому Бергу удалось убѣдить ихъ сдать Варшаву, мостъ и Прагу, со всею артиллеріею и всѣми запасами. По требованію его, Дембинскій, съ согласія всѣхъ присутствовавшихъ генераловъ, сочинилъ къ Паскевичу письмо, которое тотчасъ было переписано Малаховскимъ. Вотъ оно:

„Monsieur le maréchal! M-r le comte Krukowiecki, s'étant absenté de Varsovie, sans prévenir les autorités du gouvernement et de la ville, reviendra sans doute dans peu de moments pour recevoir le message, dont V. E. a bien voulu charger le général Berg. Pour éviter l'effusion du sang et pour donner une preuve de sa loyauté, l'armée que je commende évacuera jusqu'à cinq heures du matin la ville de Varsovie, le pont sur la Vistule et Praga. L'armée Imperial pourra, si vous l'ordonnez, faire son entrée a 5 heures aujourd'hui, 27 Août (7 Sept.), et en revanche de notre mouvement, nous croyons avec la plus ferme assurance tous généraux, officiers et soldats, et moi, leur chef, que vous voudrez bien ordonner, que l'occupation de Varsovie et de Praga se passe de sorte à ne pas exposer les habitans de la ville aux suites désastreuses d'une occupation de vive force. J'évacue avec l'armée la ville de Varsovie et Praga, et vous les rémets avec le pont sur la Vistule intact, en me confiant absolument à vos sentimens, et suis persuadé que de votre coté la liberté et la pro-

priété des individus seront strictement respectées; que les petits détachements mêmes et les garnisons, qui auraient pu être oubliés dans quelque ouvrage avancé, auront un libre passage pour suivre l'armée de même que les effets de l'armée, à l'exception des munitions de guerre, pourront, comme les individus, qui desireraient suivre l'armée, quitter Varsovie et Praga dans l'espace de 48 heures. Aussitôt que le général Krukowiecki arrivera le général Berg pourra terminer avec lui l'acte définitif, de la pacification. Varsovie, au palais du gouvernement, le 27 Août (8 Sept. 1831). Malachowski¹⁾.

Съ этимъ письмомъ Бергъ возвратился къ Паскевичу, который отсрочилъ вступленіе въ Варшаву къ 8 часамъ.

Такъ пала гордая Варшава! Въ эти два дня мы потеряли убитыми 65 офицеровъ и слишкомъ 3 000 нижнихъ чиновъ, а ранено 460 офицеровъ и болѣе 7,000 нижнихъ чиновъ; сильнѣе пострадала артиллерія, выпустившая до 29,000 зарядовъ; она имѣла убитыхъ и раненыхъ 40 офицеровъ, въ томъ числѣ десять ротныхъ командировъ; взорвано у насъ 8 зарядныхъ ящиковъ. Слыханое-ли дѣло, чтобы полевая артиллерія, дѣйствуя противъ безчисленныхъ окоповъ, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, заставляла ихъ молчать. Вообще войско наше было до того одушевлено, что часто приходилось удивляться. Тутъ-же на первыхъ порахъ всѣ другъ другу рассказывали разговоръ двухъ солдатъ, ихъ характеризующій. Утромъ 25-го августа, когда люди оправлялись и готовились къ приступу въ какомъ-то полку солдатъ спросилъ своего товарища: „а что, братъ, какъ думаешь, взять-ли намъ Аршаву-то?“ — „А то какъ-же?“ былъ отвѣтъ. — „Да ты знаешь-ли, какъ ее ляхъ-то укрѣпилъ? Говорятъ люди, она важнѣе Шумлы. Чай, помнишь Шумлу-то?“ — Пустое мелешь, а какъ прикажутъ“.

¹⁾ Въ этомъ письмѣ Малаховскій увѣдомлялъ русскаго главнокомандующаго, что, во избѣжаніе, кровопролитія, польская армія до 5 часовъ утра очиститъ Варшаву и Прагу, такъ что императорская армія можетъ вступить въ городъ 27-го августа (8-го сентября). Но вмѣстѣ съ тѣмъ высказана увѣренность, что, въ свою очередь, городъ не будетъ занятъ силою и что свобода и собственность частныхъ лицъ останутся неприкосновенными. Въ заключеніи сказано, что, по возвращеніи Круковецкаго, генераль Бергъ можетъ заключить съ нимъ окончательный мирный договоръ.

Въ 7 часовъ Бергъ вошелъ въ городъ чрезъ Іерусалимскую заставу съ гвардейскою бригадою, Егерскимъ и Финляндскимъ полками, и занялъ въ 8 часовъ мостъ чрезъ Вислу и мостовое укрѣпленіе на Прагѣ. Въ 9 часовъ Нейдгардтъ поѣхалъ въ польскій лагерь переговорить относительно отступленія ихъ арміи къ Плоцку, и тамъ опредѣлено послать двухъ офицеровъ, одного польскаго и одного русскаго, къ Ромарини, съ извѣщеніемъ о послѣднихъ событіяхъ и съ приказаніемъ идти также съ своимъ корпусомъ въ Плоцкъ. Въ одно время со вступленіемъ гвардейской бригады въ Варшаву, Паскевичъ послалъ къ государю флигель-адъютанта князя Суворова съ донесеніемъ: „Варшава у ногъ вашего императорскаго величества, и войско польское, по распоряженію моему, идетъ въ Плоцкъ“. Но оно туда не пошло и вовсе не располагало покориться. Полякамъ хотѣлось отдохнуть, оправиться, присоединить Ромарина и продолжать безсмысленную борьбу.

Гвардейскому корпусу приказано занять Варшаву. Въ полкахъ живо нашили къ шинелямъ свѣжіе воротники, и около 8-ми часовъ двинулись къ Іерусалимской заставѣ. Впереди ѣхалъ Корфъ какъ комендантъ города, за нимъ мы съ Е—ъ, потомъ слѣдовалъ жандармскій дивизіонъ, два полка гвардейскихъ казаковъ и, наконецъ, Преображенскій полкъ въ головѣ гвардейской пѣхоты. У заставы встрѣтила насъ депутація съ хлѣбомъ-солью; по виду она казалась составленною изъ нѣмцевъ-ремесленниковъ, такъ много тамъ проживавшихъ. Корфъ сказалъ депутаціи, чтобы она подождала великаго князя, слѣдовавшаго въ головѣ Преображенскаго полка. Его высочество, въ свою очередь, приказалъ имъ ждать вѣзда Паскевича.

Въ городѣ усмотрѣли мы новыя оборонительныя средства; чрезъ каждыя 100 или 150 сажень встрѣчались намъ сильныя баррикады съ амбразурами; какихъ-бы хлопотъ стоило ихъ брать въ узкихъ улицахъ, обстрѣливаемыхъ, сверхъ того, изъ оконъ многэтажныхъ каменныхъ домовъ. Жители попрятались, никого не видно было ни въ улицахъ, ни въ домахъ. Мы шли по улицѣ Новый свѣтъ къ Саксонской площади, гдѣ вышелъ нашъ караулъ у гауптвахты и сдѣлалъ па-караулъ. Эта гауптвахта называлась (на фронтонѣ былъ большой бѣлый одноглавый орелъ) Бѣлымъ орломъ. Она никогда не была безъ арестантовъ; вышедшій

изъ-него карауль изъ 6-ти человекъ въ мундирахъ національной гвардіи и двухъ на лѣвомъ флангѣ, пузатыхъ, въ партикулярной одеждѣ, имѣлъ весьма жалкій видъ и не зналъ на что рѣшиться, взять-ли на плечо или просто бѣжать.

Гвардія размѣстилась на площадяхъ города и заняла всѣ караулы, а мы съ Корфомъ едва къ вечеру пріѣхали въ комендантское управленіе, противъ Большаго театра. Его высочество занялъ домъ намѣстника, а Паскевичъ, прибывшій въ Варшаву къ вечеру, помѣстился въ Бельведерѣ.

Тутъ пошли труды другого рода. Я, съ четырьмя бригадными писарями, составлялъ все комендантское управленіе, а переписка пошла по существующему у насъ порядку, такъ что не доставало ни силъ, ни времени. Первый вечеръ и весь слѣдующій день я занимался преимущественно выдачею билетовъ польскимъ офицерамъ, пожелавшимъ оставить Варшаву не ранѣе 48 часовъ, съ часа нашего вступленія. Сидѣлъ я за столомъ въ большой комнатѣ, окруженный польскими офицерами, записывалъ ихъ имена и мѣста жительства, потомъ передавалъ списки писарямъ, сидѣвшимъ за этимъ-же столомъ, для написанія билетовъ. Курилъ я свою походную пѣнковую трубку и только успѣлъ поставить ее на полъ между ногъ, какъ она пропала. Не выдержалъ я и сказалъ окружающимъ меня: „Вы, господа, видѣли, что я курилъ трубку и поставилъ ее, а теперь трубки нѣтъ, а, кажется, все офицеры меня окружаютъ“. Всѣ молчали. Я привелъ этотъ случай, чтобы примѣромъ этимъ дать понятіе, какой сбродъ производился у нихъ въ офицеры.

Въ половинѣ втораго часа первой ночи привезли къ намъ взятаго на Волѣ Высоцкаго, съ приказаніемъ сдать его на замковую гауптвахту безъ имени, и чтобы безъ плацъ-адъютанта его не выдавали. На слѣдующую ночь явился ко мнѣ жандармскій офицеръ, съ предписаніемъ генераль-губернатора выдать Высоцкаго. Я пошелъ съ нимъ на гауптвахту, гдѣ уже стояла готовая тройка съ жандармомъ. Офицеръ посадилъ Высоцкаго возлѣ себя, а жандармъ сѣлъ возлѣ ямщика, и телѣга покати-лась за Прагу.

Съ перваго-же дня вступленія нашего, вышелъ приказъ не носить въ городѣ фуражекъ. На другое-же утро купилъ я клеен-

чатый киверъ; но не пришло мнѣ въ голову предупредить денщика, чтобы приберегъ мнѣ чехолъ съ фуражки, порванный при полученной въ голову контузіи. Черезъ нѣсколько дней, желая показать этотъ чехолъ посѣтившему меня однокашнику и другу Льву Львовичу Лобко, спрашиваю его у денщика, а тотъ вылупилъ глаза и говоритъ: „да на что-же онъ годится, я его бросилъ“.

Всѣ старались разузнать объ участи друзей и товарищей; такъ и до меня дошла ужасная вѣсть о смерти дорогаго однокашника и сослуживца Драчевскаго. Вотъ какъ передали мнѣ о послѣднихъ минутахъ жизни этого труженника науки: 26-го августа Драчевскій отдѣльно находился въ распоряженіи Муравьева съ 4-мя орудіями. Подъ вечеръ, когда батарея его уже молчала, онъ отошелъ назадъ поговорить съ офицерами Луцкаго полка; въ это время фейерверкеръ его, желая навести орудія на выѣхавшую черезъ Іерусалимскую заставу артиллерію, снялъ діоптръ и подбѣжалъ съ нимъ къ Драчевскому, съ просьбою его навести; любопытствуя знать, на сколько линій орудіе навести слѣдуетъ, фейерверкеръ сталъ позади Драчевскаго и смотрѣлъ черезъ лѣвое его плечо. Роковое ядро попало Драчевскому въ сердце, а фейерверкеру вырвало правый бокъ; первый съ ударомъ ядра пересталъ жить, а послѣдній прожилъ около 10 минутъ. Обоихъ зарыли въ одну яму. Все это въ порядкѣ вещей и естественно, но чѣмъ разъяснить предчувствіе, одолѣвшее покойнаго въ день его смерти: извѣстно, что перемиріе продолжалось до втораго часа; во все это время съ самаго утра Арсеній Ивановичъ былъ какъ не свой и искалъ уединенія; онъ съ утра выбрился и надѣлъ чистое бѣлье, тогда какъ вообще избѣгалъ туалетныхъ занятій и слишкомъ мало занимался своею наружностію; онъ никому не говорилъ о своемъ предчувствіи, но товарищи, такъ хорошо его знавшіе, не могли не подмѣтить въ немъ этой зловѣщей переменѣ. Я думаю, что предчувствіе бываетъ только у храбраго, какимъ безспорно былъ Драчевскій; трусы всегда дрожатъ отъ страха. Начальники и подчиненные всѣ безъ исключенія любили добраго Арсенія Ивановича, чему отчасти можетъ служить доказательствомъ, что командиръ его, полковникъ Ивинъ, исходатайствовалъ отцу его, отставному моряку въ Малороссіи, пенсію за сына.

Корфъ доложилъ военному генераль-губернатору гр. Витту, что не въ состояніи выполнять всѣхъ требованій, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ. Въмѣсто того, чтобы сформировать хотя на первый разъ небольшое комендантское управленіе, прислали отъ гвардейской пѣхоты по одному офицеру отъ каждаго полка, которые, шаркая взадъ и впередъ по паркету, на мое предложеніе помочь мнѣ въ занятіяхъ, рѣшительно отказались, замѣтивъ, что не привыкли пачкаться чернилами. Разсылалъ я ихъ къ заставамъ для полученія свѣдѣній о пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ.

Черезъ нѣсколько дней, генераль мой, по порученію князя Горчакова, долженъ былъ сдѣлать представленіе къ наградамъ. По приказанію его заготовить представленіе, я внесъ въ списокъ самого генерала, себя, поручика Е—а и хорунжаго Катасонова, бывшаго при генералѣ 26-го числа. Часовъ въ 9 вечера поднесъ списокъ къ подписи, причемъ Корфъ спросилъ меня къ чему желаю быть представленъ, и по желанію отмѣтилъ въ слѣдующему чину; Е—ъ, имѣвшій Владиміра, представленъ къ золотой саблѣ, а внесъ я его въ списокъ по приказанію генерала. Представленіе запечатано и тотчасъ отправлено въ управленіе начальника артиллеріи, но не прошло часа, какъ оно возвращено съ надписью карандашомъ рукою князя: „Фельдмаршалъ мнѣ лично передалъ, чтобы участвовавшихъ оба дня въ штурмѣ представить къ двумъ наградамъ, прошу дополнить и сейчасъ возвратитъ представленіе“. Оно возвращено какъ-бы собственно для меня, потому что Корфъ самого себя не могъ представлять къ наградѣ, а Е—ъ и Катасоновъ только 26-го числа при немъ состояли. Корфъ прибавилъ въ представленіи противъ моей фамиліи: „и къ ордену Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ“. Такъ и вышло: я получилъ двѣ награды, Корфъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й ст., одинъ Е—ъ ничего не получилъ.

Уже нѣсколько дней спустя послѣ представленія къ наградамъ, пріѣзжаетъ Николай Ивановичъ и рассказываетъ мнѣ, что два орудія, которыя велѣлъ я убрать, надѣлали шуму: начальникъ артиллеріи донесъ, что Багговутъ взялъ эти два орудія съ боя, и онъ за это представленъ къ Георгію 4-й степени. „Жаль мнѣ, продолжалъ онъ, что я узналъ объ этомъ слиш-

комъ поздно: я-бы ихъ вразумилъ, что если за это можно дать Георгія, то его слѣдовало дать вамъ". Я-же съ своей стороны скажу, что заслужить Георгія молодому офицеру, конечно, лестно, но получить его по ошибкѣ или за подобный подвигъ должно отягощать совѣсть.

30-го августа послѣдовалъ слѣдующій приказъ по дѣйствующей арміи:

„Г. Варшава. № 433.

„Еще одинъ знаменитый подвигъ вѣнчаетъ новою славою васъ, храбрые воины! Гордая столица Польши пала предъ вами! Ни обширныя твердыни, ни отчаянная защита не остановили храбрыхъ! Изумивъ врага быстрымъ переходомъ чрезъ Вислу, съ свойственною вамъ неустрашимостью и терпѣніемъ, вы подвигались къ стѣнамъ Варшавы и въ вашихъ мощныхъ десницахъ готовился непріятелю ударъ смѣлый, рѣшительный. Грозное, соразмѣрное шествіе рати несло предъ собою преждевременный ужасъ, и пораженные недоумѣніемъ полчища мятежниковъ колебались въ своихъ предпріятіяхъ. Тщетно предводители ихъ нѣсколько разъ искали вновь испытать счастья въ открытомъ полѣ: опрокинутые повсюду, они спѣшили запереться въ столицѣ и побѣдоносныя знамена наши не замедлили явиться подъ стѣнами оной. Здѣсь еще однажды должно было удалить минуту уничтоженія враговъ. Хотя сильный храбростію и усердіемъ вашимъ, я не могъ предпринять приступа къ городу до соединенія новыхъ подкрѣпленій; но въ то-же время съ удовольствіемъ внималъ пламеннымъ порывамъ и мужественному стремленію, съ каковыми вы жаждали наказать скорѣ дерзкихъ нарушителей присяги.

„Часть истребленія мятежниковъ, наконецъ, насталъ и 25-го августа, день первой рѣшительной встрѣчи съ непріателемъ, ознаменовался навсегда въ лѣтописяхъ войнъ и необыкновеннымъ мужествомъ вашимъ и счастливыми успѣхами, приблизившими минуту паденія Варшавы. Мятежники, потерявъ въ сей грозный день четыре редута и сильное укрѣпленіе Волю, спѣшили изъяснить готовность къ принесенію покорности законному монарху. Еще послѣдняя кара была остановлена надъ ихъ главою; но, ослѣпленные безразсудствомъ, они осмѣлились испрашивать выгодъ противныхъ чести Россіи,—и штурмъ вторичный былъ на то отвѣтомъ.

„Здѣсь новые подвиги вновь показали врагамъ, сколь ничтожно всякое сопротивленіе передъ мощною десницею вашею! Пораженные ужасомъ, они склонили чело, когда въ сіи два дня, въ виду ихъ, артиллерія наша, подъѣзжая на полукартечный выстрѣлъ, овладѣвала, подъ смертоноснымъ огнемъ укрѣпленій, непріятельскими орудіями. Они содрогнулись, узрѣвъ сіе необычайное мужество и хладнокровіе, съ каковымъ пѣхота брала, безъ выстрѣла, многочисленные редуты, и оцѣпенѣли отъ страха, когда конница наша, опрокидывая все, неустрашимо врѣзывалась въ заставы города.

„Такъ блистательно окончены незабвенные 25 и 26 августа, дни памятные для Россіи другою знаменитою битвою за цѣлость и славу отечества! Орлиный полетъ, которымъ вы перенеслись чрезъ тройной рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, сооруженныхъ тысячами рукъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, изумилъ дерзостныхъ враговъ и они не осмѣлились болѣе продлить своего упорства въ улицахъ Варшавы, гдѣ новые валы и палисады могли представить имъ тысячи другихъ средствъ къ оборонѣ.

„Славу, стяжанную вами, кромѣ другихъ трофеевъ, свидѣлствуютъ 120 орудій, большею частію отбитыхъ грудью вашею, храбрые!

„Обязанный вамъ только знаменитыми и счастливыми событіями, я повергъ къ стопамъ все милостивѣйшаго государя нашего полное засвидѣтельствованіе о столь безсмертныхъ подвигахъ вашихъ. Мнѣ трудно было отличить предъ монархомъ храбрѣйшихъ изъ васъ: назвать одного значило наименовать всю армію. При искренномъ благодарственномъ воззваніи къ Богу силъ, покровительствующему оружіе наше, воздадимъ, храбрые товарищи, долгъ чистаго сокрушенія о падшихъ со славою на полѣ чести. Съ воспоминаніемъ ихъ подвиговъ да утвердится каждый изъ насъ въ томъ мнѣніи, что армія, столь мужественная и столь хорошо устроенная, останется навсегда непобѣдимой.

„Генераль-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій“. Тотчасъ по занятіи Варшавы, объявлено жителямъ, чтобы все хранившееся у нихъ оружіе, не исключая и охотничьяго, было тотчасъ сдано въ арсеналъ подъ квитанціи; если-же у

кого послѣ 48 часовъ будетъ найдено какое-либо оружіе, тотъ будетъ преданъ военному суду. Утромъ 1-го сентября явился ко мнѣ еврей, щегольски одѣтый, и объявилъ подъ секретомъ, что можетъ указать на поляка, у котораго въ домѣ хранится много оружія и разныхъ боевыхъ припасовъ. Я доложилъ о томъ Корфу и получилъ приказаніе взять конвой и отправиться за евреемъ. Проходя мимо караула у банка, я взялъ къ бывшимъ при мнѣ четверемъ казакамъ еще ефрейтора и четырехъ рядовыхъ, и пошелъ за доносчикомъ. Хозяина не нашли мы дома, но за нимъ послала жена, а мы тѣмъ временемъ обыскивали домъ и садъ. Его, какъ сказала намъ жена, не застали у пріятеля, къ которому онъ пошелъ съ утра, а тотъ велѣлъ сказать, что онъ отъ него давно ушелъ, но куда именно, не знаетъ. Кабинетъ хозяина былъ запертъ; хозяйка сказала, что ключъ у мужа и просила не ломать дверей. Я извинился тѣмъ, что долженъ исполнить приказаніе коменданта, и велѣлъ выломать дверь. Тутъ нашли много разнаго оружія, пульных формъ, готовыхъ патроновъ и кавалерійскихъ пикъ и флюгеровъ. Конвойные нагрузились какъ могли оружіемъ, а что осталось приказалъ я хозяйкѣ сберечь. Направились мы къ арсеналу, чтобы сдать туда оружіе, но пришлось проходить улицу, со скотобойнями или мясными рядами, за цалисадами, гдѣ въ числѣ выступившаго на улицу и глазѣвшаго народа видѣлись мясники съ огромными ножами въ ножнахъ, за поясомъ. Невольно вспомнилъ я о кровавыхъ событіяхъ въ Варшавѣ 3-го августа и, признаюсь, пожалѣлъ, что не взялъ побольше людей. Къ счастью, прошли мы благополучно. Часу въ первомъ ночи тотъ-же проклятый еврей опять явился и заявилъ, что можетъ указать мѣсто ночлега владѣтеля найденнаго оружія. На комендантскій дворъ приходилъ на ночь дивизіонъ гвардейскихъ казаковъ, на случай надобности; я взялъ изъ нихъ 10 человекъ пѣшихъ и пошелъ за евреемъ. Долго мы шли, и наконецъ, въ какой-то улицѣ, онъ указалъ мнѣ большой каменный домъ и рассказалъ какъ мнѣ идти, чтобы отыскать поляка. Меня впустили; мы поднимались въ верхній этажъ, оставляя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе важныхъ, по одному казаку. Съ двумя послѣдними я, наконецъ, добрался до запертой двери, постучался, и на вопросъ: „кто тамъ?“ отвѣтилъ по-польски „пріятель“. Мнѣ

отворили дверь, и я увидѣлъ мужчину лѣтъ 35, въ одной сорочкѣ, соскочившаго, какъ видно, съ постели. Онъ тотчасъ догадался въ чемъ дѣло, началъ отговариваться нездоровьемъ, и что я, конечно, ошибся, принимая его за другаго. Я попросилъ его скорѣе одѣться и слѣдовать за мною, въ противномъ случаѣ буду принужденъ употребить силу. Корфъ дожидался моего возвращенія и когда я привелъ арестанта, онъ его спросилъ, почему онъ не представилъ свое оружіе, какъ было приказано. Полякъ дерзко отвѣтилъ, что нашелъ несправедливымъ требованіе отдавать свою собственность безъ вознагражденія. Его посадили на гауптвахту, а на слѣдующій день открытъ надъ нимъ военный судъ, осудившій его въ 24 часа. Не читалъ я конфірмаціи, но говорили, что его заключили въ крѣпость Замостье.

Между тѣмъ какъ мы торжественно входили въ Варшаву, поляки совѣтовались въ Прагѣ что имъ предпринять. Войска оказалось у нихъ 50 тысячъ, въ томъ числѣ отрядъ Ромарино и гарнизонъ крѣпости Модлина. Нейдгартъ прибылъ къ нимъ для переговоровъ, но Малаховскій сказалъ, что не имѣетъ на то право, и надѣется къ слѣдующему дню испросить разрѣшеніе. Чтобы Паскевича оставить въ заблужденіи будто армія ихъ идетъ къ Плоцку, Малаховскій написалъ къ нему, что Ромарино дано повелѣніе идти къ Плоцку. Того-же дня къ вечеру разстроенная армія пришла въ Яблонну, двѣ мили за Варшавою, а Ромарино въ Сѣдлецъ, гдѣ узналъ о паденіи Варшавы, и вслѣдъ за тѣмъ получилъ повелѣніе присоединиться къ арміи у Модлина. Онъ собралъ военный совѣтъ, и несмотря на то, что большинство голосовъ полагало исполнить повелѣніе главнокомандующаго, заявилъ имъ какіе-то резоны и повернулъ на Луковъ. Ослушаніе Ромарино, очевидно, послужило намъ въ пользу: преслѣдуемый нашими войсками, онъ перешелъ у Кракова австрійскую грапицу, гдѣ и былъ обезоруженъ.

На слѣдующій день, по прибытіи арміи, вмѣстѣ съ сеймомъ и правленіемъ, въ Модлинѣ, старикъ Малаховскій отказался отъ своего званія. Президентъ Немоевскій, желая возвысить своего родственника Уминскаго, предложилъ его въ кандидаты, представляя арміи утвердить выборъ. Для сего собрались всѣ генералы и полковныя командиры. Говорилъ больше всѣхъ Дембия.

скій и утверждалъ, что довольно исполнять глупости сейма и правленія, теперь пора арміи самой принять управленіе и, наконецъ, въ такое время нечего много совѣщаться, а необходимо дѣйствовать. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній избранъ Рыбинскій.

Для избѣжанія непрерывныхъ споровъ и столкновеній членовъ сейма съ главными начальниками войскъ, сеймъ переведенъ, 29 августа, въ Закрочимъ, мѣстечко близъ Модлина.

Паскевичъ, не довѣряя полякамъ, послалъ 28-го числа Берга въ главную ихъ квартиру, чтобы приступить къ обѣщаннымъ переговорамъ и требовать сдачи Модлина и Замостья. По прибытіи въ Новый дворъ (противъ Модлина), встрѣтили Берга Дембинскій и комендантъ Ледоховскій. Бергъ смекнулъ въ чемъ дѣло, и не говоря ужъ ничего о порученіи фельдмаршала, спросилъ можно-ли нашему офицеру проѣхать чрезъ ихъ армію, для доставленія Пиллару и Дохтурову приказаній отступить къ Остроленкѣ. Въ этомъ ему отказано, но заявили, что готовы вести переговоры. На другой день Рыбинскій согласился на перемиріе съ тѣмъ, чтобы время это употребить на переговоры о заключеніи мира, утвержденіе-же условій опять-таки будетъ зависѣть отъ президента и сейма.

Паскевичъ сознавалъ необходимость употребить силу, но нужно было выиграть время для устройства продовольствія арміи. Онъ поручилъ Бергу завлечь непріятеля въ переговоры и требовать сдачи Модлина. Переговоры открыты 3-го сентября въ Новомъ дворѣ и столь искусно ведены, что успѣли устроить мостъ чрезъ Вислу, въ одной миѣ отъ крѣпости. Связавъ, такимъ образомъ, оба берега Вислы, Паскевичъ двинулся впередъ и стѣснилъ непріятеля. 8-го числа ожидали изъ Варшавы Берга съ отвѣтомъ, но онъ письменно увѣдомилъ Моравскаго, что теперь дѣла приняли другой оборотъ, такъ какъ Ромарино перешелъ австрійскую границу и положилъ оружіе. Новость эта поразила поляковъ какъ громомъ; они тотчасъ устроили мостъ чрезъ Вислу около Плоцка, куда армія потянулась 10-го числа, а 11-го авангардъ ихъ перешелъ мостъ.

Того-же дня пріѣхалъ въ Новый дворъ Бергъ и передалъ Моравскому отъ Паскевича, что всѣ начальники отдѣльныхъ частей, которые выйдутъ изъ плоцкаго воеводства и перейдутъ

Вислу, признаются внѣ закона. Расчетъ былъ вѣренъ. У поляковъ возникли несогласія, одни хотѣли идти въ Краковъ, другіе остаться въ Плоцкѣ; наконецъ, сняли мостъ, и недовольный Немоевскій подалъ въ отставку. Затѣмъ отрѣшили Рыбинскаго и предложили командовать арміею Бему; но когда и тотъ отказался, утвердили главнокомандующимъ Уминскаго, согласившагося принять это званіе въ такомъ только случаѣ, если Немоевскій останется президентомъ. На другое утро Уминскій сѣлъ на лошадь, чтобы представиться арміи, но его безъ церемоніи прогнали и вся армія заявила, что не желаетъ его имѣть начальникомъ, а офицеры грозили стрѣлять въ него, если осмѣлится еще показаться. Нечего дѣлать, опять взялись за Рыбинскаго, но, какъ оказалось, только для того, чтобы онъ ихъ провелъ до прусской границы.

15-го сентября двинулись изъ Плоцка внизъ по Вислѣ; думали чрезъ нее переправиться и идти на Краковъ, но узнавши о принятыхъ мѣрахъ не допустить ихъ до переправы, пошли далѣе и пришли 18-го въ Липно. Современіи выступленія изъ Плоцка цѣлые отряды передавались русскимъ, а другіе самовольно расходились по домамъ, такъ что, при переходѣ этой несчастной арміи, 23-го сентября, въ Пруссію, въ ней осталось едва 20 тысячъ войска. Дембинскій, командовавшій арріергардомъ, переходя уже границу, выпустилъ послѣдніе свои патроны въ преслѣдовавшія его наши войска.

Фельдмаршалъ, управлявшій самъ послѣдними движеніями при преслѣдованіи мятежной арміи, возвратился 26-го сентября въ Варшаву, и въ тотъ-же день сдался Модлинъ. Гарнизонъ его распущенъ по домамъ и крѣпость занята нашими. Теперь оставалась въ рукахъ мятежниковъ одна крѣпость Замостье. Державшій ее въ блокадѣ Кайсаровъ сообщилъ коменданту Крысинскому объ уничтоженіи всей польской арміи и о занятіи Варшавы и Модлина, почему и требовалъ сдачи. Не повѣривъ тому, онъ просилъ позволенія командировать трехъ офицеровъ удостовѣриться въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Кайсаровъ согласился. Время уходило, а между тѣмъ получено изъ Петербурга повелѣніе дать Замостью 48 часовъ времени на размышленіе, потомъ дѣйствовать рѣшительно, и тогда съ комендантомъ и съ прочими начальниками частей поступить какъ съ явными возмутителями.

Это было сообщено коменданту, и уже срокъ истекалъ, какъ возвратились посланные офицеры. Замостье сдалось 9-го октября и гарнизонъ его также распущенъ.

Оканчивая симъ описаніе по усмиренію возмущенія, привожу приказъ государя императора дѣйствующей арміи 6-го октября 1831 года:

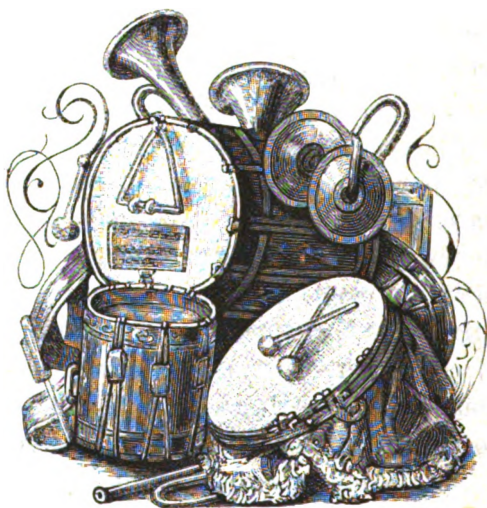
„Воины! Вы оправдали мои ожиданія. Я ввѣрилъ вамъ усмиреніе мятежной Польши, защиту отечества. и вы явили себя достойными хранителями его спокойствія и чести. Едва возвратясь изъ Тавриза, изъ Адрианополя, вы и нынѣ въ борьбѣ съ отчаяннымъ непріятелемъ умѣли преодолѣть всѣ трудности и своими незабвенными подвигами на берегахъ Вислы, Буга, Нарева, въ глубокихъ рвахъ и на раскатахъ Варшавы, еще возвысить блескъ русскаго оружія. Судьба увѣнчала ваши усилія: мятежъ усмирень, Царство Польское возвращено державѣ русскай, и видя конецъ своихъ бѣдственныхъ волненій, сами побѣжденные благословляютъ наши побѣды. Храбрые воины! Господу силъ принадлежитъ первая слава. Но возславъ къ нему дань благодаренія нашего, я обращаюсь къ вамъ, благодарю васъ именемъ торжествующаго признательнаго отечества. На васъ устремлены взоры Россіи; она гордится вами и память вашихъ славныхъ дѣлъ сохранить въ своимъ лѣтописяхъ. Вы съ храбростію соединяете другія еще возвышеннѣйшія доблести истиннаго война—умѣренность въ побѣдѣ, снисхожденіе къ падшимъ, готовность къ примиренію съ противниками, когда они возвращаются къ долгу, и всюду жизнь и собственность безоружныхъ жителей были для васъ священны. Воины, продолжайте оправдывать мою довѣренность и по возстановленіи мира, соблюденіемъ строгой подчиненности и благоустройства въ рядахъ вашихъ, и въ покоренномъ краѣ внушайте, какъ прежде, любовь къ себѣ и порядку, любовь и приверженность къ престолу моему и уваженіе къ Россіи. Николай“.

Занятія по комендантскому правленію до того усилились, что я буквально не имѣлъ времени сбѣгать въ кофейню выпить стаканъ чаю или закусить. Засыпалъ я едва подъ утро, и то не раздѣваясь, сидя въ креслѣ. И Николай Ивановичъ нѣсколько ночей не раздѣвался, приказывая мнѣ, что-бы ни случилось, тотчасъ ему докладывать. Время было тяжелое, требованія не-

помѣрны, а о средствахъ ихъ выполнять никто не думалъ. Такъ прошло времени около четырехъ недѣль, и Корфъ, вѣроятно по собственному желанію, назначенъ военнымъ начальникомъ Подлѣскаго воеводства, вмѣсто генерала Пенхержевскаго, а тотъ комендантомъ Варшавы.

А. Л. Зеландъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ А. Л. ЗЕЛАНДА

О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ И ВОЙНѢ

1830—1831 гг.

VI ¹⁾.

Служба въ Сѣдлецѣ.

Человѣкъ, недовольный настоящимъ своимъ положеніемъ, всегда радуется переменѣ; такъ и меня порадовало назначеніе моего генерала въ Сѣдлецъ. Оставшихся при немъ до сего времени четырехъ писарей, со всею перепискою по артиллерійской части, сдалъ я въ бригаду и отправился въ Сѣдлецъ.

Воеводства управлялись президентами воеводскихъ комиссій или, какъ ихъ тамъ называли, презесами; но, по случаю военнаго положенія, назначили еще военныхъ начальниковъ. На меня возложена должность старшаго адъютанта, т. е. обязанность письмоводства на русскомъ языкѣ, при помощи только что присланныхъ изъ баталіона кантонистовъ, четырехъ неподготовленныхъ писарей. Для польской переписки мы уже застали тамъ уроженца Царства Польскаго, барона Финкенштейна, одного изъ счастливыхъ арестантовъ г. Варшавы, ускользнувшихъ отъ народной ярости въ ужасные дни 3-го и 4-го августа.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., томъ LXXV, сентябрь, стр. 503—531; т. LXXVI, октябрь, стр. 81—113; ноябрь, стр. 315—360.

Конечно, работы было много, я былъ занятъ съ утра часовъ до 10-ти или 11-ти вечера, но зато могъ раздѣваться и спать какъ люди, въ постели.

Въ одно утро дали знать, что проѣзжаетъ черезъ Сѣдлецъ гр. Толь, вмѣсто котораго былъ уже назначенъ начальникомъ штаба князь Горчаковъ. Идемъ на почту, гдѣ находимъ графа сидящимъ на диванѣ. Онъ обратился къ Корффу съ вопросомъ, нѣтъ-ли здѣсь хорошаго врача, чтобы осмотрѣлъ его ногу, зашибленную дорогой. Я послалъ за знакомымъ мнѣ съ давняго времени штабъ-лекаремъ Новережскимъ и сталъ прислушиваться къ разговору. „Слава Богу! покончилъ со службой“, сказалъ Толь, на что Корфъ заявилъ, что, конечно, до перваго случая, намекая на то, что въ случаѣ войны онъ непременно понадобится. „Нѣтъ, нѣтъ, будетъ съ меня, я больше не воинъ“. Этотъ возгласъ такъ мною понятъ, что командовать арміею не допускаютъ его, а помогать другимъ онъ больше не намѣренъ. Онъ дѣйствительно оставилъ поприще военное и назначенъ главноуправляющимъ путями сообщеній. Для этой должности недоставало у него терпѣнія и опытности, а излишняя осторожность много портила; такъ тормазилъ онъ дѣло по устройству Николаевской желѣзной дороги, и если-бы не воля царская—дорога эта едва-ли-бы осуществилась, въ то время, какъ я уже сказалъ, и новая должность была не легка, а главное затрудненіе состояло въ моей неопытности въ гражданскихъ дѣлахъ, а мѣстные законы были мнѣ совершенно неизвѣстны. На первыхъ-же порахъ я замѣтилъ, что поляки такъ и стараются водить насъ за носъ и насколько можно парализировать распоряженія военнаго начальника. Все это вызвало во мнѣ энергію къ занятіямъ и крайнюю осторожность. Покуда я не успѣлъ исполнѣ проникнуть въ свои обязанности, ознакомиться съ людьми, съ которыми приходилось имѣть дѣло, я занимался усиленно. Конечно, и генералу моему было не легко, при его осторожности; но онъ былъ постарше, усиленные занятія въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, вслѣдъ за перенесенными тягостями походной жизни, все это подѣйствовало на него, онъ слегъ въ горячкѣ, и я до 6-ти недѣль оставался какъ-бы исправляющимъ его должность. Донесъ я о болѣзни генерала предсѣдателю временнаго правленія, тайному совѣтнику Энгелю, но распоряженія никакого не послѣдовало, почему я, чтобы не

задерживать теченія дѣлъ, писалъ свои донесенія Паскевичу и Энгелю: „за болѣзнію военнаго начальника“. На счастье Корфа, успѣла пріѣхать къ нему жена его, еще до болѣзни, и попался ей хорошій докторъ изъ поляковъ, нѣкто Гонсіоровскій. Генералъ въ бреду постоянно меня требовалъ, а жена, дабы угодить мужу, сейчасъ посылала за мною; но, наконецъ, докторъ ее убѣдилъ этого не дѣлать. Когда уже Николай Ивановичъ началъ поправляться и пришелъ въ себя, онъ непрерывно изъявлялъ желаніе меня видѣть, конечно, чтобы узнать о ходѣ дѣлъ, но докторъ дозволилъ мнѣ придти къ больному, когда опасность миновалась, съ условіемъ, чтобы о дѣлахъ служебныхъ не было разговора. Презесомъ былъ тутъ нѣкто С. . . . , когда-то служившій въ нашихъ гусарахъ маіоромъ. Этотъ господинъ жилъ въ Сѣдлецѣ самовластнымъ царькомъ. Онъ занималъ дворецъ и отдѣленные въ немъ царскія комнаты съ мебелью, пользовался паркомъ при немъ, садами, оранжереями и сѣнокосомъ. Лучшія казенныя имѣнія бралъ въ аренду за самую бездѣлицу, конечно, на чужое имя. Управление его было настолько деспотическое, что на тѣ имѣнія, которыя назначалъ президентъ себѣ, приказывали всѣмъ торговаться не далѣе такой-то суммы, и непонятное дѣло: приказаніе исполнялось безъ ропота; имъ казалось, что иначе и быть не можетъ; къ обычаю попривыкли; императоръ Александръ I, благодѣтельствуя Польшѣ, прислалъ ей значительное количество холмогорскаго скота; весь скотъ, назначенный для подляскаго воеводства, поступилъ въ имѣнія, принадлежавшія презесу или бывшія у него въ арендѣ. Значитъ, большимъ панамъ жилось въ Польшѣ хорошо, и, конечно, не они затѣяли игру въ революцію. Конечно, С. было непріятно имѣть подъ бокомъ нравственный контроль, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ въ чемъ-нибудь стѣснялся; онъ продолжалъ брать какъ и до революціи, съ тою однако-же разницею, что прежде долженъ былъ дѣлиться съ сильными міра сего, а теперь все у него оставалось, такъ какъ въ главѣ правленія не было прежнихъ поляковъ. Такимъ-то образомъ этотъ г. С. . . . , съ достойными сподвижниками, обкрадывалъ казну самымъ наглымъ образомъ; а какъ я съ нѣкоторыми его продѣлками успѣлъ ознакомиться, то при удобномъ случаѣ не могъ удержаться, чтобы не подставить ему ногу. И онъ и его комиссія меня возненавидѣли; Корфъ былъ

съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но при всемъ томъ не соглашался на его просьбу меня удалить отъ должности адъютанта.

Нельзя не остановиться и вникнуть въ существовавшій въ Царствѣ Польскомъ порядокъ управленія. Невольно приходитъ на мысль: если президенты управляли воеводствами столь бесовѣстно и деспотически, то почему не допустить существованія такихъ-же порядковъ въ прочихъ вѣтвяхъ управленія, не исключая и военной. Слѣдуетъ припомнить и страшный гнетъ тайной полиціи, подъ начальствомъ ненавистнаго генерала Рожнецаго, и какія суммы расходовались на эту опеку? Если это такъ, то ясенъ выводъ, что несчастная революція вызвана угнетеніями народа, чѣмъ и объясняется, что заговоръ и возмущеніе—все дѣло демократіи, безъ участія высокопоставленныхъ, принужденныхъ идти на буксирѣ. И эти высокопоставленные личности, въ родѣ С. . . . , насколько возможно, уклонялись отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ во время войны, изъясняя тѣмъ свою преданность престолу, за что и награждались новыми должностями и звѣздами, тогда какъ они-то и вызвали самую революцію.

Въ 1832 году была конскрипція (рекрутскій наборъ). Поступила бездна прошеній объ освобожденіи конскриптовъ, по разнымъ, большею частію незаконнымъ, причинамъ, и когда Корфъ, какъ человѣкъ честный, оставался твердъ въ своихъ принципахъ, нареканія пали на меня, якобы во всемъ виновнаго. Прошенія конскрипты стали подавать на имя баронессы Корфъ, но врядъ-ли достигали удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ они въ канцелярію поступать не могли и, конечно, оставались подъ сувномъ у генерала. Но опять - таки обвиняли меня, и особенно генеральша была недовольна мной.

Приходилось мнѣ иногда одному, иногда съ жандармскимъ офицеромъ, ѣздить по воеводству, для отысканія и ареста какого-нибудь поляка, явно провинившагося или сильно заподозрѣннаго. Съ моей стороны не было пощады такимъ господамъ, и все это враги мои спѣшили передавать Марѣ Осиповнѣ (Корфъ) въ превратномъ видѣ, чтобы ее вѣрнѣе вооружить противъ меня.

Представился еще случай, уронившій меня въ глазахъ генеральши. Были у ней два двоюродныхъ брата; младшій, лѣтъ 15-ти, поступилъ во время войны во вновь сформированный полкъ

варшавскихъ дѣтей, и, будучи подъ Остроленкой, раненъ, попался въ плѣнъ; Корфъ снабдилъ его бѣльемъ и деньгами предъ отправленіемъ партіи въ Россію. Старшій его братъ былъ, еще до возстанія, въ школѣ подпрапорщиковъ, слѣдовательно въ числѣ зачинщиковъ. Не знаю когда и гдѣ онъ былъ пойманъ, но смѣшно было, что заключенъ въ Бобруйскъ. Въ одно утро присылаетъ за мной Корфъ и говоритъ мнѣ въ полъ-голоса, что этого господина везутъ въ Варшаву арестованнымъ, и что сейчасъ прибѣгалъ посланный съ почты просить, нельзя-ли его вытребовать для свиданія съ сестрой; мнѣ не приходится туда идти; узнайте, пожалуйста, не отпустить-ли его къ намъ на часокъ. Когда я пришелъ на почту, встрѣтилъ меня въ первой комнатѣ жандармскій офицеръ, а въ слѣдующей комнатѣ, противъ дверей, на диванѣ, сидѣлъ арестантъ въ сѣромъ армякѣ и кандалахъ, и, узнавши во мнѣ посланца отъ Корфа, вѣроятно по моей артиллерійской формѣ, сталъ мнѣ дѣлать какіе-то знаки. Я спросилъ жандарма можно-ли переговорить съ арестантомъ, и, получивъ отвѣтъ отрицательный, что и слѣдовало, ожидать возвратился къ Корфу и передалъ ему что зналъ. Генеральша была на своей половинѣ и я утромъ ея не видалъ; но когда сѣли обѣдать, она пришла и сѣла за столъ нѣсколько позже, съ красными и опухшими вѣками. Сидѣла она молча и ничего не ѣла, а чрезъ нѣсколько минутъ, по причинѣ глубоко уязвленнаго патріотизма, разыграла такую сцену, которую во всю жизнь не забуду. Хорошо, что она тутъ-же встала и ушла на свою половину; но отъ души я пожалѣлъ о бѣдномъ мужѣ; онъ было началъ ее урезонивать, но чуть-ли не испортилъ тѣмъ дѣло. Понялъ я то, что Марья Осиповна мною не довольна.

Вотъ еще какой былъ случай. Комиссія воеводская представила въ правительственную комиссію на утвержденіе подрядъ на годовую поставку письменныхъ припасовъ, по прежнему порядку, на имя высокой, всегда въ черной одеждѣ, еврейки. Въ сущности-же поставщикомъ былъ самъ президентъ, а еврейка ставила все нужное по существовавшимъ въ продажѣ цѣнамъ, въ книгахъ-же расписывалась въ томъ, что ей прикажутъ. Трудно повѣрить, что сумма подряда превышала общую или дѣйствительную потребность, по рыночнымъ цѣнамъ, почти въ десять разъ,—почему правительственная комиссія предписала сдѣлать

новые торги въ канцеляріи военнаго начальника; Корфъ, не знаю—изъ вѣжливости-ли или по желанію президента, опубликовалъ о новыхъ торгахъ и отнесся въ комиссію воеводскую о назначеніи къ торгамъ делегатовъ, для того будто-бы, чтобы мы, по незнанію мѣстныхъ законовъ, не сдѣлали какой ошибки. Я предвидѣлъ неудачу. Въ назначенный день явились делегаты комиссаръ Нововейскій и генеральный секретарь Мошинскій, два дока, снабженные наставленіями г. С. Прошеній подано два, и то евреями, которыхъ успѣлъ я къ тому подготовить. Это не понравилось; рассчитывали, что никто не осмѣлится прибыть къ торгамъ, для пониженія цѣнъ, назначенныхъ самимъ президентомъ. Вошли въ канцелярію предъ торгами многіе, и въ числѣ ихъ виднѣлась черная еврейка. Делегаты забраковали свидѣтельство одного еврея на свободный отъ долговъ домъ, потому что онъ деревянный, но закона мнѣ не указали, и я не безъ преній отстоялъ еврея, такъ какъ домъ былъ застрахованъ, и полисъ страховой приложенъ. Въ 12 часовъ слѣдовало начать торгъ. Я спросилъ нѣтъ-ли еще желающихъ торговаться, но всѣ отказались. Тогда, чтобы приступить къ дѣлу, я приказалъ казаку вѣстовому всѣхъ любопытствующихъ выпроводить изъ канцеляріи. Противъ этого гг. делегаты рѣшительно возстали, опираясь на законъ, по которому будто-бы двери присутственнаго мѣста, гдѣ производятся торги, должны быть открыты. Я и говорю имъ, что считаю нелѣпостью исполненіе этого закона въ буквальномъ его смыслѣ: сдѣлано все какъ слѣдуетъ, но о толпѣ свидѣтелей изъ любопытства, вѣроятно, въ законѣ не упомянуто. Завязался у насъ споръ, и, наконецъ, я не выдержалъ и сказалъ имъ, что ихъ поведеніе даетъ мнѣ право думать, что они дѣйствуютъ съ заднею мыслию, и къ этому заключенію пришелъ я потому еще, что въ ихъ интересѣ разстроить новые торги, такъ какъ комиссія воеводская, расходуя въ годъ не больше 15,000 золотыхъ на письменные припасы, представила, по издавна введенному порядку, подрядъ въ 100,000 золотыхъ; этимъ привычкамъ будетъ положенъ предѣлъ. Гг. делегаты взяли шляпы и, не раскланявшись, вышли. Черезъ часъ президентъ въ мундирѣ со звѣздой пріѣхалъ къ Корфу требовать удовлетворенія за нанесенную всей комиссіи обиду. Какъ только онъ уѣхалъ, Корфъ прислалъ за мной, сталъ меня упрекать въ необдуманныхъ

поступкахъ, сказалъ, что не знаетъ на что рѣшиться, такъ какъ С. требуетъ, по крайней мѣрѣ, моего удаленія отъ дѣлъ, и въ заключеніе предложилъ мнѣ идти извиниться. Я признался, что, конечно, можно было повести дѣло иначе, но я погорячился, въ чемъ они-же были виноваты тѣмъ, что затѣяли меня одурачить; но съ другой стороны, все то, что я имъ наговорилъ, сущая правда, въ которой, если понадобится, могу прибавить еще весьма интересные факты; слѣдовательно, мнѣ извиняться не въ чемъ; если - же С. будетъ въ томъ настаивать, я предпочитаю возвратиться въ бригаду. Вотъ этого Корфу не хотѣлось: онъ, прежде всего, былъ человѣкъ честный, правдивый, зналъ, что я ему вполне преданъ, и, наконецъ замѣстить мою должность было не легко. Онъ и спрашиваетъ, какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ поступить, чтобы дать *revanche* полякамъ. „*Revanche* можно дать отправленіемъ меня въ бригаду, а если вашему превосходительству этого не угодно, то остается передать президенту, что поступокъ мой, по своей важности, требуетъ строгаго взысканія, но что для этого необходимо произвести слѣдствіе, къ которому можно приступить только имѣя въ рукахъ его, г. президента, жалобу на бумагѣ; повѣрьте, онъ до этого дѣла не доведетъ: теперь они видятъ, что я нѣсколько знакомъ съ ихъ плутнями, и будутъ настолько благоразумны, что предпочтутъ прекращеніе дѣла. Такъ и вышло,—отъ официальной жалобы отказались подъ благовиднымъ предлогомъ не сдѣлать вепріятности уважаемому генералу.

Въ 1832 году князь Паскевичъ предпринялъ поѣздку съ генераломъ Деномъ, для осмотра мѣстности впаденія рѣки Вепржа въ Вислу, гдѣ предполагалась, и впослѣдствіи построена, крѣпость Иванъ-Городъ. Мыза Демблинъ, пазначенная для остановки князя, находилась въ подляскомъ воеводствѣ, почему баронъ Корфъ, будучи предваренъ о времени выѣзда Паскевича изъ Варшавы, поѣхалъ со мной въ Демблинъ, для встрѣчи. Имѣніе принадлежало польскому магнату, потомку Мнишекъ, отсутствовавшему вслѣдствіе обвиненія его въ разныхъ козняхъ. Управлялъ этимъ богатымъ имѣніемъ маіоръ польской службы. Мызу, между прочимъ, украшалъ большой двухъ-этажный домъ, съ парадными сѣвнями, въ два свѣта. На глухой стѣнѣ сѣней, противъ оконъ, красовалась превосходная картина *alfresco*, изображавшая въѣздъ

Маріи Мнишекъ въ Москву. Весь домъ или палацъ, какъ ихъ поляки называютъ, былъ превосходно омеблированъ и стѣны его украшены фамильными портретами. Маіоръ-управитель приготовилъ обѣдъ для дорогихъ гостей, и просилъ Корфа доложить о томъ князю; но получилъ въ отвѣтъ, что князь не принимаетъ обѣдовъ, а ѣздитъ всюду со своею кухнею, которая уже и прибыла изъ Варшавы. По осмотрѣ мѣстности всѣ пріѣхали на мызу; адъютантъ Паскевича передалъ Корфу и мнѣ приглашеніе фельд-маршала съ нимъ отобѣдать. Въ большой комнатѣ былъ по срединѣ накрытъ круглый столъ на восемь приборовъ. Паскевичъ, снявши съ себя сюртукъ съ эполетами, остался, какъ въ старину дѣлывали, въ мундирѣ безъ эполетъ и съ Георгіемъ 1-степ. изъ-подъ мундира. Когда сѣли за столъ, Паскевичъ спросилъ—кто управляетъ имѣніемъ? На отвѣтъ Корфа, что управителемъ здѣсь отставной маіоръ, онъ пожелалъ знать—не революціонныхъ-ли войскъ, и когда Николай Ивановичъ засвидѣтельствовалъ, что онъ никакого не принималъ участія въ послѣднихъ событіяхъ, онъ сказалъ: если человѣкъ порядочный, то можно пригласить его къ обѣду. Съ этимъ словомъ адъютантъ всталъ, чтобы пригласить маіора къ обѣду, мы раздвинулись и человѣкъ принесъ приборъ. Паскевичъ, по крайней мѣрѣ въ то время, не зналъ польскаго языка, а потому дѣлалъ гостю разные вопросы по русски; а тотъ, не понимая русской рѣчи, отвѣчалъ по польски, иногда не впадѣвъ, не понявъ сдѣланнаго ему вопроса. Корфъ по неволѣ сдѣлался переводчикомъ. Потомъ пошелъ разговоръ о военныхъ дѣлахъ и о нѣкоторыхъ сраженіяхъ Наполеоновскихъ войнъ. Познанія мои по этой части были весьма слабы, но я съ удовольствіемъ прислушивался къ сужденіямъ Паскевича. Говорилъ ли онъ свое или чужое—не знаю. Въ то время Паскевичъ не подозрѣвалъ, что превосходное имѣніе Демблино будетъ конфисковано и ему подарено, съ переименованіемъ въ село Ивановское.

Кѣмъ-то было такъ мѣтко сказано, что если сойдутся три поляка, они раздѣляются на пять различныхъ мнѣвій. Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ ни въ чемъ нѣтъ согласія, а потому за что ни примутся, во всемъ неудача. Революціями ничего не достигалось, кромѣ бѣдствій, а въ 1831 году потеряна и конституція, добровольно имъ данная императоромъ Александромъ, превосходная армія и надежда на возрожденіе Польши. И что-же, не успѣла

Польша приступить къ лѣченію своихъ ранъ, какъ уже въ 1832 году формировались въ Галиціи банды, изъ отчаянныхъ головъ, загнанныхъ во время войны за границу, и это для завоеванія Царства, а можетъ быть всей Польши въ границахъ 1772 года. Здраваго смысла тутъ нѣтъ, но чѣмъ объяснить этотъ задоръ? Люди, принявшіе участіе въ этихъ затѣяхъ, были превосходно обмундированы, вооружены и снабжены всѣмъ необходимымъ для походной жизни, даже запаслись пузырями съ ядомъ для отравленія москалей. Продовольствіе они рассчитывали получать отъ жителей, но каждый имѣлъ при себѣ флягу съ водкой и порцію сухарей. Банды стали переходить границу съ весны 1832 года, отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ каждая; онѣ углублялись внутрь страны, скрываясь, по обыкновенію подобныхъ рыцарей, въ лѣсахъ. Хотя наше правительство знало о формированіи шаекъ, но воспрепятствовать имъ входъ по всей галиційской границѣ было, по меньшей мѣрѣ, трудно; но зато преслѣдованіе производилось съ энергіею, и весьма успѣшно. Изъ первыхъ-же пойманныхъ отвезли двухъ въ то мѣсто границы, гдѣ они ее перешли, и тамъ, при стеченіи большаго числа зрителей Польши и Галиціи, повѣсили; еще двухъ повѣсили въ Варшавѣ и двухъ въ Люблинѣ; прочихъ затѣмъ прятали въ тюрьмы, до подробнаго разслѣдованія этого страннаго способа завоеванія Польши.

Одного изъ этихъ рыцарей-пришлецовъ захватили въ Подляскомъ воеводствѣ и привели къ намъ въ канцелярію. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ 35-ти, рослый, здоровый, назвался отставнымъ вахмистромъ австрійской службы и говорилъ по-польски хорошо. По окончаніи допроса, принесли кандалы, чтобы его заковать; онъ мнѣ и говоритъ по-польски: „такихъ шпоръ мы, австрійцы, и не видывали“. Отправили его въ Варшаву, гдѣ заведывалъ подобными арестантами Луцкаго гренадерскаго полка подпоручикъ Соколовскій, и тотъ въ немъ узналъ бѣглаго солдата своего полка. Однако-же, онъ имѣлъ дерзость утверждать, что г. офицеръ въ заблужденіи; но Соколовскій не могъ ошибиться, потому что этотъ солдатъ былъ дядькой его, Соколовскаго, когда онъ поступилъ въ полкъ юнкеромъ. Чтобы всѣхъ и каждого убѣдить въ наглої лжи дезертира, послали за капитаномъ Мальчевскимъ Луцкаго-же полка, состоявшимъ при военномъ губернаторѣ, и тотъ сей-же часъ его узналъ и называлъ такъ-же, какъ и Соколовскій.

Ети-же глупѣйшія затѣи завоюванія Польши были, вѣроятно, причиною, что послѣдовало секретное повелѣніе прочитывать всѣ письма изъ-за границы. Выпала на меня эта скучная и щекотливая работа. Ежедневно, въ одно время, утромъ, приносили ко мнѣ съ почты всѣ заграничныя письма, адресованныя на имя жителей-ствовавшихъ въ нашемъ воеводствѣ, и я долженъ былъ тратить дорогое время на чтеніе чужихъ и, по большей части, глупѣйшихъ писемъ. Дѣльнаго ничего не открывалось, но аресты выпадали, и странно, часто попадались лица, которыя вели себя скромно во все время возстанія и при случаѣ не прочь были доказать свою приверженность законному правительству. Оказалось на повѣрку вотъ что: эмигранты, въ томъ предположеніи, что письма ихъ будутъ читаны, затѣяли сообщать свои и чужіе планы заговора такимъ именно личностямъ, какъ выше объяснено, хотя вовсе не были съ ними знакомы. Такимъ невиннымъ занятіемъ они достигали себѣ развлеченіе, правительству тревогу, а главное, навлекали на адресанта подозрѣніе и преслѣдованіе правительства, въ отместку за его безучастіе въ минувшемъ возмущеніи. Однако-же, чтеніе писемъ не прекращалось и мы продолжали доносить о содержаніи ихъ, если они заслуживали вниманія.

За нѣкоторымъ исключеніемъ, поляки, служившіе въ войскахъ, имѣли право на всепрощеніе, но могли водвориться на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства не иначе, какъ по билету военного начальника. Отлучиться изъ воеводства они опять-таки могли не иначе, какъ, прибывъ въ городъ, оставить свой билетъ въ управленіи военного начальника и получить другой на временный выѣздъ, который на возвратномъ пути долженъ быть обмѣненъ. Бывшимъ польскимъ офицерамъ запрещено было носить ордена за военные достоинства, розданные Сержинецкимъ щедрою рукою; но они этого запрещенія знать не хотѣли и являлись съ орденомъ въ управленіе. Такимъ молодцамъ я всегда давалъ отпускнаго билета покуда не сниметъ ордена и не оставитъ его у меня для храненія на время отпуска. Были такіе франты, которые выходили изъ себя, спорили, шумѣли, и, наконецъ-таки, вынуждены были уступить.

Въ продолженіе войны на все, взятое у жителей реквизиціоннымъ порядкомъ, выдавались квитанціи, конечно, русскія, на

которыхъ владѣтели дѣлали свои отмѣтки, чтобы знать что именно было такого-то числа взято и въ какомъ количествѣ. Въ свое время вышло разрѣшеніе принимать квитанціи въ счетъ податей, по цѣнамъ для того опредѣленнымъ. Трудно повѣрить, до чего доходила иногда наглость гг. фуражировъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ военное время рѣдко представляется возможность означать вѣрно мѣру, вѣсъ или счетъ взятаго, но все это можно было и слѣдовало означить хоть примѣрно, не въ явный ущербъ земледѣльца. Когда этимъ бѣднякамъ пришло время представлять квитанціи въ казначейства, оказалось, что многіе владѣли не квитанціями, а пасквилями самаго пошлаго содержанія, или квитавціи подписаны были ругательными словами и проклятіями. Такихъ бумажекъ казначейства не принимали, и обманутые владѣтели представляли ихъ на обмѣнъ въ управленіе военнаго начальника. Что-же могли мы для нихъ сдѣлать, чѣмъ имъ помочь?

Въ 1832 году утверждены штаты для управленій военныхъ начальниковъ. Положено имѣть помощниковъ изъ армейскихъ штабъ-офицеровъ и адъютантовъ изъ пѣхоты. По моей рекомендаціи, былъ назначенъ къ Корфу помощникомъ маіоръ Сенкевичъ, но на мое мѣсто никого въ виду не имѣлось, а между тѣмъ начальство гвардейскаго корпуса, тотчасъ по выступленіи онаго изъ Царства, въ концѣ 1831 г., сдѣлало распоряженіе о возвращеніи всѣхъ офицеровъ, при комъ-либо состоявшихъ. Корфъ получилъ уже не одно предписаніе по сему предмету отъ дежурнаго генерала Викинскаго. Наконецъ, по ходатайству Корфа, разрѣшили мнѣ остаться до подготовленія на должность адъютанта офицера изъ пѣхоты. Подготовленіе шло туго: одинъ пробылъ до двухъ мѣсяцевъ и оказался положительно неспособнымъ; взяли другаго,—тотъ былъ слишкомъ молодъ, польстился аксельбантомъ, а усидчивой работы избѣгалъ. Приѣзжаетъ Николай Ивановичъ разъ какъ-то изъ Варшавы и передаетъ мнѣ, что князь Горчаковъ соглашается оставить меня при немъ, но съ переводомъ въ армейскій полкъ. Я сказалъ, что никогда не промѣняю свой мундиръ на пѣхотный, и тѣмъ менѣе въ этомъ случаѣ, который меня прикуетъ къ мѣсту, а генералъ можетъ получить другое назначеніе. Еще прикомандировали для подготовки офицера и дѣло пошло на ладъ, но все-таки настолько затянулось, что я едва выбрался изъ Сѣдлеца въ августѣ мѣсяцѣ 1833 года.

Не могу умолчать объ одномъ со мною приключеніи, доказывающемъ крайнее невѣжество поляковъ, всегда хваставшихся и образованностію и гостепріимствомъ. Въ домъ Николая Ивановича былъ вхожъ и хорошо принятъ помѣщикъ Подляскаго воеводства Бенецкій, человѣкъ весьма не глупый. Жилъ онъ со своею родительницею въ имѣніи, верстъ 35 отъ Сѣдлеца. Пріѣхалъ онъ, если не ошибаюсь, подъ осень 1832 г. въ городъ, чтобы пригласить насъ къ себѣ на именины или рожденіе матери. Генералъ уѣхалъ въ Варшаву, дѣлами завѣдывалъ недавно прибывшій помощникъ его. Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ Бенецкому, гдѣ я долженъ былъ встрѣтить вовсе незнакомое мнѣ общество поляковъ, но онъ такъ убѣдительно упрашивалъ пріѣхать вмѣстѣ съ комиссаромъ обводовымъ, давшимъ ему уже слово. Должность такого комиссара соединяла въ себѣ нашихъ уѣзднаго предводителя дворянства и исправника, слѣдовательно, г. Хинчъ, въ отставкѣ капитанъ польской артиллеріи, игралъ въ своемъ уѣздѣ значительную роль; но, опредѣленный въ эту должность уже нашимъ правительствомъ, по окончаніи войны, какъ человѣкъ надежный по своимъ убѣжденіямъ, онъ, конечно, не пользовался расположеніемъ шляхты, тѣмъ болѣе, что успѣлъ себя заявить примѣрнымъ усердіемъ.

Г. Хинчъ пришелъ ко мнѣ и также сталъ уговаривать ѣхать съ нимъ, ибо ему встать нужно было ознакомиться съ тѣмъ уголкомъ уѣзда, гдѣ онъ рассчитывалъ встрѣтить нѣкоторыя интересныя личности, извѣстныя ему по слухамъ.

На слѣдующій день пріѣхали мы къ Бенецкому, гдѣ застали полный домъ гостей, усѣвшихъ послѣ сытнаго завтрака за карты. Хозяинъ представилъ насъ своей родительницѣ и, познакомивъ съ нѣкоторыми павами, повелъ въ комнату, гдѣ еще не успѣли убрать завтракъ; потомъ, разстроивъ одну изъ картежныхъ партій, усадилъ насъ въ партію виста.

Хозяинъ оказывалъ намъ большое вниманіе, за обѣденный столъ посадилъ насъ около себя, старался занимать разговорами, подливалъ вина, и все это въ глазахъ присутствовавшей шляхты оправдывалось правилами польскаго гостепріимства; сама-же она, пользуясь правомъ постороннихъ лицъ, старалась другъ предъ другомъ щегольнуть равнодушіемъ и, если можно такъ выразиться, даже пренебреженіемъ къ явившимся двумъ дѣтелямъ

русскаго правительства. Я никогда не отличался словоохотливостію въ незнакомомъ мнѣ обществѣ, но здѣсь было мнѣ какъ-то очень неловко въ сборищѣ чистокровныхъ поляковъ, съ сильною примѣсью противныхъ ксендзовъ, косо на насъ поглядывавшихъ. Владѣя въ то время польскимъ языкомъ, пытался я заговорить съ однимъ, съ другимъ, но разговора завязать не могъ.

Въ числѣ гостей былъ нѣкто Хоецкій, близкій сосѣдъ и пріятель Бенецкаго, человекъ очень богатый и очень глупый. Съ этимъ-то Хоецкимъ хозяинъ насъ также познакомилъ, а тотъ представилъ насъ послѣ обѣда своей женѣ, очень миловидной полькѣ. Она, ужъ не знаю почему, но думаю на основаніи задуманнаго плана, пригласила насъ на другой день къ нимъ обѣдать, предупреждая, шутя, что отказаться мы никакъ не можемъ, такъ какъ завтра ея именины и все общество переѣзжаетъ утромъ къ ней.

Хинчъ тотчасъ согласился, и думаю, что ему, какъ начальнику уѣзда, неловко было и отказаться, а какъ я пріѣхалъ съ нимъ, на его лошадахъ, то volens-nolens долженъ былъ принять приглашеніе и даже поблагодарить за вниманіе.

До ночи продолжалась картежная игра. Играли неустомимо въ вистъ. Ночь провели кое-какъ на диванахъ, а молодежь продолжала до утра азартную игру.

Часу въ 12-мъ, на другой день, экипажи были поданы и все двинулось въ имѣніе Хоецкихъ. По пріѣздѣ предложень былъ завтракъ, послѣ котораго, съ бокалами въ рукахъ, всѣ подходили къ хозяйкѣ поздравить ее съ днемъ ея Ангела. Потомъ перешли въ залъ, гдѣ устроились танцы. Хозяинъ усадилъ всѣхъ нетанцующихъ въ заднихъ комнатахъ за карты, но на насъ двухъ не обращено было никакого вниманія, и, можетъ быть, не нашлось охотниковъ играть съ нами. Какъ-бы то ни было, мы, какъ посторонніе или ненужные, удалились въ уголокъ танцевальной залы и спрашиваемъ другъ друга: для чего насъ сюда пригласили? Съ пріѣздомъ въ этотъ домъ, насъ поразила совершенно измѣнившаяся роль Бенецкаго: онъ какъ будто и не былъ знакомъ съ нами; о Хоецкомъ и говорить нечего; тотъ, по глупости-ли или по наущенію своихъ соотчичей, какъ будто насъ и не замѣчалъ.

Уже смерклось, когда Хоецкій вошелъ въ залъ и пригласилъ

все общество къ обѣду. Кавалеры повели своихъ дамъ, и странно, какъ-бы по предварительно сдѣланному расчету, всѣ попарно выходили, а за ними въ хвостѣ мы двое. Когда мы, чрезъ большія и темныя сѣни дошли до порога обѣденной комнаты, мы увидѣли во всю длину ея отлично сервированный и освѣщенный столъ, занятый усѣвшимися гостями; послѣднюю пару передъ нами еще усадили, а для насъ мѣста не было. Мы остановились у самаго входа крѣпко озадаченные. Сейчасъ направо у входныхъ дверей, въ углу, былъ столъ, немного побольше бостоннаго, покрытый скатертью, и сидѣлъ тутъ чей-то сынокъ лѣтъ 12-ти; вотъ сюда приказалъ хозяинъ подать намъ приборы и стулья. Самъ онъ, по мѣстному обычаю, не сѣлъ за столъ, но обходилъ его, велъ бесѣду съ гостями и подливалъ имъ вина. Чтобы выдержать принятую имъ на себя роль, онъ къ намъ вовсе не подходилъ. Не трудно себѣ представить что мы перечувствовали. Сѣвши за столъ, потребовали мы графинъ воды и сказали чело-вѣку, чтобы намъ ничего не подавать. Казалось-бы, слѣдовало приказать заложить лошадей и уѣхать, но въ томъ-то и дѣло, что этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ, по мѣстному обыкновенію, лошади подъ замкомъ и безъ разрѣшенія хозяина никому ихъ не заложать. Поляки перешептывались и, ухмыляясь, поглядывали на насъ съ злорадствомъ, а мы принуждены были переносить эту нравственную пытку около двухъ часовъ. Венецкій занялся обѣдомъ, велъ оживленную бесѣду, повидимому, въ отличномъ настроеніи, какъ бы не замѣчая устроеннаго скандала. Конечно, онъ тутъ не при чемъ и винить его нельзя. Когда провозгласили тостъ за здоровье именинницы, мы не вставали, такъ какъ со стаканомъ воды нельзя-же было къ ней подойти, а шампанскаго не позволили себѣ подать.

Когда-же этотъ мучительный обѣдъ кончился, мы, не вставая со своихъ мѣстъ, пропустили мимо себя всѣхъ гостей на другую половину дома; остались хозяинъ съ хозяйкою и Венецкій. Тогда уже мы встали, подошли къ хозяевамъ поблагодарить за угощеніе и съ просьбою приказать сейчасъ заложить намъ лошадей. Хоецкій и жена его стали извиняться въ случившемся недоразумѣніи и всѣ трое, съ Венецкимъ, хотѣли насъ увѣрить, что тутъ умысла не было, а все произошло по ошибкѣ дворецкаго; наконецъ, хозяинъ сложивши на польскій манеръ ладони вдоль

груди, поклялся, что никакого намѣренія не было насъ оскорбить, но просто вышло недоразумѣніе и онъ желаетъ доказать отсутствіе всякаго умысла тѣмъ, что выпьетъ съ нами бокалъ шампанскаго, котораго пить не смѣетъ, страдая каменною болѣзнію. Мы отъ шампанскаго отказались и я только замѣтилъ, что если-бы дѣйствительно произошла ошибка, то ее въ свое время легко было исправить хозяину предложеніемъ двумъ изъ своей родни или коротко знакомымъ сѣсть за черный столъ, дабы намъ очистить мѣста. Ничто не помогало, мы холодно раскланялись и уѣхали.

Мнѣ было невыразимо тяжело на душѣ, но Хинчъ, человѣкъ нервный и желчный, выходилъ изъ себя, придумывая какъ-бы отплатить Хоецкому, и вотъ, на возвратномъ пути, онъ ночью остановился и зашелъ на какой-то заводъ Хоецкаго, гдѣ, въ теченіе получаса, нашелъ въ немъ, въ числѣ рабочихъ, 18 человѣкъ русскихъ дезертировъ. Садясь въ бричку, онъ мнѣ съ злорадствомъ о томъ сообщилъ и сталъ рассчитывать сколько съ Хоецкаго придется взыскать штрафа. Я ему замѣтилъ, что возможно-ли такимъ способомъ мстить богачу, для котораго деньги не имѣютъ значенія.

Къ вечеру другаго дня возвратился и Корфъ изъ Варшавы и послѣ разсказа моего о поступкѣ Хоецкаго сказалъ:

— „Что Хоецкій глупъ—это я вижу, но не понимаю Бенецкаго, еще недавно просившаго у меня позволенія познакомить своего сосѣда у меня въ домѣ“.

На третій день утромъ засталъ я у Корфа Бенецкаго. Онъ пріѣхалъ, чтобы испросить согласіе генерала на пріѣздъ Хоецкаго въ Сѣдлецъ, чтобы лично разъяснить случившуюся въ домѣ его непріятность и извиниться. Корфъ объявилъ, что рѣшительно не желаетъ видѣть Хоецкаго. Бенецкій обратился ко мнѣ съ тѣмъ-же предложеніемъ, но и я ему сказалъ, что Хоецкаго видѣть не желаю, тѣмъ болѣе, что мы съ нимъ уже имѣли объясненіе; впрочемъ, продолжалъ я, онъ или добрые его пріятели устроили манифестацію, конечно, не съ тѣмъ, чтобы оскорбить человѣка, имъ вовсе незнакомаго, а пожелали выказать свой патріотизмъ пренебреженіемъ къ русскому, — слѣдовательно, я лично никакого не имѣю права его извинить. Что-же лично до меня касается, я его неизмѣнно презираю.

Въ слѣдующее воскресенье вижу изъ канцеляріи проходящихъ подъ окнами Бенецкаго и Хоецкаго. Живо поднялся я въ мезонинъ, гдѣ была моя квартира, заперъ дверь и вынулъ ключъ. Они зашли въ канцелярію, потомъ поднялись наверхъ, заглянули въ замочную щелочку и ушли. Въ 2 часа собирались мы обыкновенно обѣдать у генерала. Я опасался, чтобы эти господа не подкараулили меня въ эту пору, при выходѣ изъ дома, а потому заблаговременно ушелъ къ маіору Сенкевичу, съ тѣмъ, чтобы въ 2 часа съ нимъ вмѣстѣ идти обѣдать. Надобно-же было такъ случиться, что возлѣ Сенкевича жилъ комиссаръ Нововейскій и у него-то былъ въ то время Хоецкій, такъ что онъ меня увидѣлъ проходящимъ. Не успѣлъ я поздороваться съ маіоромъ и его женою, какъ отворилась дверь и вошелъ Хоецкій. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ, поставилъ свою шляпу на окно, сложилъ опять-таки ладони вдоль груди и началъ униженно рѣчь: „Папе адъктанце, ежели мяламъ кегды замяръ пана скривдиць, бодай жебы“ и т. д. Я взялъ свою фуражку, поклонился хозяевамъ и вышелъ.

Маіоръ Сенкевичъ и его жена—польскаго происхожденія и, кажется, были знакомы съ Нововейскимъ, но Хоецкаго вовсе не знали; при всемъ томъ рѣшился онъ войти къ нимъ въ домъ и, не отрекомендовавшись хозяевамъ, обратился ко мнѣ съ своею глупою рѣчью, которую я остановилъ тѣмъ, что вышелъ вонъ, чего онъ, конечно, не ожидалъ. Кажется, я имѣлъ неотъемлемое право такъ поступить.

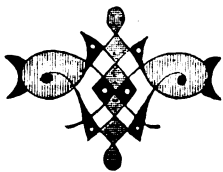

Захотѣлось мнѣ на прощаніе взглянуть на Варшаву. Коменданту Пенхержевскому былъ я лично извѣстенъ; онъ принялъ меня съ улыбкою и замѣтилъ, что я въ своемъ мундирѣ рѣдкое явленіе, такъ какъ изъ гвардейскаго корпуса въ Варшавѣ никого не осталось. Но когда я вошелъ въ дежурство дѣйствующей арміи, дежурный генералъ Вікинскій, замѣтивъ издалика бархатные отвороты, кинулся ко мнѣ съ упрекомъ, почему я такъ долго остаюсь въ Царствѣ Польскомъ, когда мнѣ давно слѣдо-

вало уѣхать. Я объяснилъ генералу, что обязанъ исполнять приказаніе начальника, который, сколько мнѣ извѣстно, доносилъ о томъ, что былъ вынужденъ меня удержать и имѣлъ на то изустное согласіе начальника штаба. Распростившись съ Варшавою и затѣмъ съ Сѣдлецомъ, я выѣхалъ въ мѣсто расположенія бригады, въ австрійскій штабъ новгородскихъ поселеній или штабъ 3-го округа пахотныхъ солдатъ.

Окончивъ симъ предпринятый мною трудъ, я сознаюсь, что многое освѣтилось у меня въ памяти, и я пришелъ къ заключенію, что если историческій интересъ его не великъ, а литературнаго вовсе нѣтъ, то все-таки въ немъ встрѣчаются факты, принадлежащіе исторіи, и такіе, которые могутъ объяснить характеристику нѣкоторыхъ лицъ той эпохи.

Кромѣ приведеннаго въ своемъ мѣстѣ извѣстія о томъ, что братъ мой Иванъ Львовичъ попался въ плѣнъ, я во все время кампаніи не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій. Освободившись изъ плѣна, онъ считъ первымъ долгомъ побывать у меня въ Сѣдлецѣ. Свиданіе наше было коротко, у меня было пропасть дѣла, а онъ въ своемъ поношенномъ сюртукѣ боялся чужихъ глазъ. Въ январѣ 1832 г., по выздоровленіи генерала, чтобы отдохнуть отъ усидчивыхъ письменныхъ занятій, поѣхалъ я на самое короткое время въ отпускъ для свиданія съ родными и по дорогѣ заѣхалъ на нѣсколько часовъ къ брату въ Унишви, тогда Виленской, а нынѣ Ковенской губерніи, гдѣ рота наша зимовала на пути изъ Варшавы въ Петербургъ. Кое-что успѣлъ онъ мнѣ рассказать о своемъ плѣнѣ, но когда я задумалъ, по возможности, пополнить собранныя прежде свѣдѣнія, относящіеся до войны 1831 года, я просилъ его письменно изложить свою исторію плѣна въ особомъ ко мнѣ письмѣ, что и было имъ исполнено. Находя письмо брата не безынтереснымъ, помѣщаю его вслѣдъ за симъ.

VII.

Письмо И. Л. Зеланда къ А. Л. Зеланду.

Въ 1830 году ты уже уѣхалъ въ Варшаву, когда Литовскій корпусъ и наша бригада съ гренадерскою дивизіею получили повелѣніе готовиться къ походу. Въ первыхъ числахъ ноября командиръ нашъ, полковникъ баронъ Ренне, получилъ предписаніе закупить по военному положенію лошадей, и получилъ денегъ по 250 руб. ассигнаціями на каждую. Въ числѣ четырехъ офицеровъ, откомандированныхъ для закупки лошадей, послалъ онъ меня въ Варшаву, гдѣ лошади дешевле, такъ какъ польская армія, по слухамъ, не получила еще повелѣнія готовиться къ походу, а наша варшавская гвардія была постоянно на военномъ положеніи. Прибылъ я въ Варшаву за 6 дней до возмущенія и остановился у тебя. При помощи 5-й батареинной роты капитана Колотова, я въ 5 дней закупилъ 20 лошадей, и наканунѣ возстанія донесъ Герштенцвейгу, что ремонтъ закупленъ и что полагаю на слѣдующій день выступить изъ Варшавы. Герштенцвейгъ приказалъ мнѣ представить на другое утро лошадей и тотчасъ съ ними выступить; предварительно онъ приказалъ дать мнѣ нѣсколько человекъ польской конной артиллеріи, чтобы лошадей подстричь и вычистить къ смотру. Нанялъ я, 17-го числа, большую конюшню на Мурановѣ, по близости волынскихъ казармъ, и, собравши туда всѣхъ лошадей отъ прежнихъ хозяевъ, рассчитался съ сими послѣдними, и совершенно усталый возвратился домой къ 7 часамъ вечера. Ты нанималъ вмѣстѣ съ Драчевскимъ квартиру на Фрета-улицѣ, напротивъ Долгой, такъ что сія послѣдняя видна была изъ вашихъ оконъ въ перспективѣ. На столѣ нашелъ я твою записку, которою ты меня увѣдомилъ, что мы приглашены въ литовскіе казармы къ Грушецкому, на партію виста; но я слишкомъ былъ утомленъ, предпочелъ остаться дома и приказалъ поставить самоваръ.

Только что я принялся за чай, входитъ одинъ изъ вашихъ денщиковъ съ извѣстіемъ, что на улицахъ страшный шумъ. Хотя я довольно слышался о разныхъ симптомахъ возмущенія и о прибитомъ къ Бельведеру пасквилѣ, но мнѣ какъ-то не вѣрилось

въ скоромъ осуществленіи этого грознаго возстанія, и потому относя и шумъ на улицахъ къ пожару или къ чему-нибудь другому, я спокойно продолжалъ пить чай. Но мнѣ вновь доносятъ, что шумъ и бѣготня на улицахъ усиливаются. Тутъ уже я одѣлся, взялъ оставшіяся отъ ремонта деньги (1050 р.) и вышелъ изъ дома, съ намѣреніемъ идти на свою конюшню, взять людей своихъ и лошадей и отправиться съ ними къ Литовскому полку. Съ Варшавой былъ я весьма мало знакомъ; зналъ на Мураново одну дорогу, чрезъ Красинскаго садъ и по улицѣ Наливки. Караулъ на площади Красинскаго былъ отъ 4-го линейнаго полка, онъ стоялъ подъ ружьемъ; садъ уже былъ запертъ, а по ту сторону сада раздавалась страшная перестрѣлка. Не зная теперь какъ мнѣ отыскать свою конюшню, я рѣшился возвратиться домой, чтобы взять и ваши деньги, если отыщу, и потомъ по Фрета-улицѣ направиться къ литовскимъ казармамъ. Только что я отошелъ отъ Красинскаго сада, улица стала наполняться народомъ, бѣжавшимъ отъ арсенала съ награбленнымъ оружіемъ. Дошелъ я до своего дома благополучно, но нашелъ дверь запертою. Постучавшись, меня спрашиваютъ уже изъ окна: кто тамъ? и на отвѣтъ, что живу въ верхнемъ этажѣ, меня впустили, но уже выпустить никакъ не соглашались, и Богъ одинъ знаетъ—быть можетъ къ лучшему. Бабы со всего дома собрались въ нашу квартиру, подъ защиту мою и двухъ вашихъ денщиковъ, какъ единственныхъ военныхъ въ домѣ. Странно, что ни въ одномъ домѣ не видно было огня; всѣ трактиры какъ въ эту ночь, такъ и на другой день были заперты, и мы питались хлѣбомъ, колбасой и водкой; болѣе ничего нельзя было достать.

На третій день входитъ ко мнѣ какой-то полякъ и, отрекомендовавшись хозяиномъ билліарда въ домѣ, сказалъ, что жалѣя меня, готовъ вывести меня изъ города. Русскіе, сказалъ онъ, въ Вилановѣ. Но что я зналъ о Вилановѣ? Мнѣ почему-то вообразилось, что оно на правомъ берегу Вислы. Съ радостью принялъ я его предложеніе за потребованное имъ вознагражденіе, но какъ пуститься въ такое опасное путешествіе въ своемъ форменномъ платьѣ? Необходимо было пріодѣться въ такой костюмъ, чтобы не могли узнать во мнѣ русскаго, т. е. удалить все форменное, а въ квартирѣ такой одежды быть не могло. Призадумавшись, я надѣлъ два комплекта бѣлья, твой халатъ, опоя-

сался твоимъ краснымъ кушакомъ, досталъ въ домѣ казую-то круглую шляпу и вооружился кавалерійскою саблею, такъ какъ безъ оружія никто не показывался на улицахъ. Деньги опустилъ въ голенище сапога, и пустился въ дорогу съ предложившимъ свои услуги проводникомъ.

„Какъ тебя звать?“ — спрашиваетъ онъ меня. — „Иваномъ“, говорю. „Такъ я тебя буду называть раніе Janie, а ты меня раніе Jozefie, но не говори много, а не то узнаютъ, что ты не полякъ. „Дорогою долженъ былъ зайти съ нимъ въ кабакъ, гдѣ мы выпили по рюмкѣ водки. Направились мы къ литовскимъ казармамъ (александрійскимъ), но у Маримонтской заставы караулъ стоялъ подозрѣваемъ, и проводникъ былъ того мнѣнія, что не лучше-ли вернуться и идти на Прагу. Я, не задумавшись, согласился на его предложеніе, въ томъ расчетѣ, что въ этой сторонѣ скорѣе своихъ отыщу. Такъ и сдѣлали, но опять-таки на выѣздѣ увидѣли караулъ; къ счастью, на улицѣ лежало мертвое тѣло, и весь караулъ его обступилъ, такъ что на насъ никто не обратилъ вниманія. Когда мы вышли изъ Праги, проводникъ мой сошелъ съ шоссе влѣво и объявилъ, что теперь, исполнивъ свое обѣщаніе, полагаетъ возвратиться. Я съ нимъ рассчитался по уговору, и затѣмъ мы разстались. Пошелъ я придерживаясь шоссе, чтобы его не потерять и не заблудиться въ лѣсу, но въ ночи углубился нѣсколько въ него и избралъ себѣ ночлегъ подъ деревомъ, на мерзлой землѣ, слегка опушенной снѣгомъ. Когда я проснулся, было еще темно; я позавтракалъ взятою съ собою булкою и пошелъ впередъ, придерживаясь правой руки, чтобы выдти на шоссе, и пришелъ такимъ образомъ въ Гроховъ. Я постучался въ окно перваго крестьянскаго дома, но меня отказались впустить и просили проваливать мимо; стучался еще въ окно другихъ домовъ, но вездѣ отвѣтъ былъ тотъ-же. Наконецъ, вижу въ одномъ строеніи свѣтъ, иду на огонекъ и узнаю въ немъ корчму; вхожу и нахожу тутъ двухъ здоровыхъ крестьянъ, которые, перемигнувшись, подходятъ ко мнѣ съ вопросомъ: кто я такой? Я назвался посланнымъ какого-то польскаго генерала—разузнать куда идутъ русскіе. „Въ этомъ ты меня не увѣришь, сказалъ одинъ изъ нихъ, я служилъ адъютантомъ у Понятовскаго и никогда не слыхалъ, чтобы у насъ, поляковъ, былъ такой генералъ; нѣтъ, голубчикъ, тебя надо связать, ты,

видно, шпионъ русскій“. Затѣмъ мнѣ дѣйствительно связали руки, потомъ, какъ будто знали гдѣ у меня деньги, велѣли снять сапоги; но когда я со связанными руками этого сдѣлать не могъ, они сами сняли мнѣ сапоги и, конечно, натенулись на деньги. Такую находку имъ уже не захотѣлось представить въ Варшаву, при моей особѣ, и потому порѣшили отправить меня на тотъ свѣтъ; сперва хотѣли повѣсить, но найденная веревка оказалась негодною. Затѣмъ оставалось застрѣлить и для этого вынесли три ружья, выбрали изъ нихъ лучшее и одинъ изъ этихъ пріятелей вывелъ меня изъ корчмы. Пройдя отъ 20-ти до 30-ти шаговъ, онъ мнѣ говоритъ, что судьба моя скоро рѣшится, а потому я могу теперь помолиться своему Богу. Я перекрестился, и когда онъ уже хотѣлъ цѣлиться, я еще замѣтилъ ему, что благо-разумнѣе будетъ съ его стороны идти со мною въ лѣсъ, который всего въ 200 шагахъ. „Нѣтъ надобности съ тобою много церемониться, можно и здѣсь вырыть для тебя яму, стой смирно“. Онъ приложился; я видѣлъ какъ онъ цѣлился, слышалъ какъ спустилъ курокъ, порохъ на полкѣ вспыхнулъ, но выстрѣла не было. Онъ бросилъ ружье съ сердцемъ и сказалъ польскую поговорку: „видно не стоитъ пороха на выстрѣлъ“. Когда мы съ нимъ возвратились въ корчму, тамъ оказалось уже человѣкъ шесть крестьянъ, можетъ быть тѣхъ самыхъ, къ которымъ я предъ тѣмъ стучался и не былъ впущенъ. Остававшійся въ корчмѣ крестьянинъ изъ тѣхъ двухъ, которыхъ я тамъ засталъ вначалѣ, стоялъ въ сторонѣ, занятый счетомъ моихъ денегъ, но сколько я могъ замѣтить—денегъ въ пачкѣ поубавилось. Люди всѣ были трезвы и, кажется, поспѣшили собраться въ корчмѣ не для пьянства, а какъ на сборный пунктъ, для преній о политикѣ и настоящихъ событіяхъ. Говорили они между собою шопотомъ, изъ осторожности, чтобы я ничего не могъ слышать; но о казни моей помину не было, а уговорили двухъ изъ числа позднѣе прибывшихъ крестьянъ отвести меня въ Варшаву. „А деньги мои?“ спрашиваю.—Хлопицкій тебѣ ихъ отдастъ, мнѣ отвѣтили.

Гроховъ отъ Варшавы верстъ семь; шли мы трое потихоньку. Перешедши мостъ чрезъ Вислу, между Прагой и Варшавой, мы остановились у шлагбаума. Караульный офицеръ стоялъ у входа въ караульную и я, въ намѣреніи подойти къ нему, совершенно забывши о своемъ нарядѣ, смѣло вхожу на

крыльцо. „Precz laudaku ¹⁾! Что тебѣ здѣсь нужно?“ Я по польски ему отвѣтилъ, что я не laudak, но русскій офицеръ, случайно попавшійся въ руки крестьянъ. Онъ осмотрѣлъ меня и проводниковъ внимательно, перемѣнилъ тонъ и пригласилъ меня въ комнату, гдѣ засталъ на столѣ приготовленный завтракъ. Онъ вѣжливо пригласилъ меня позавтракать, послалъ юнкера нанять извозчика и ему-же поручилъ отвезти меня къ Хлопицкому. Тамъ меня, разумѣется, не приняли, а приказано отвезти въ замокъ гдѣ и нашель до 80-ти человекъ захваченныхъ въ Варшавѣ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ.

Въ тотъ-же день послалъ я на квартиру за своими вещами и платьемъ, мнѣ все принесли и я, къ крайнему моему удовольствію, могъ переодѣться. Караулъ у замка былъ усиленъ, ворота запирались на замокъ и насъ никуда не выпускали; былъ слухъ, что народъ хочетъ всѣхъ русскихъ передушить. Спустя нѣкоторое время, когда нѣсколько успокоились, стали увольнять насъ въ городъ, но не иначе, какъ съ билетомъ. Не много смѣльчаконъ пользовалось этимъ разрѣшеніемъ: мы боялись обратить на себя вниманіе безсмысленной толпы мундиромъ нашимъ. На пятой недѣли своего плѣна, рѣшилъ и я взглянуть на Варшаву; ни одного экипажа не видно было на улицахъ и, какъ говорили, по той причинѣ, что лошади отданы или отобраны подѣ формировавшуюся кавалерію; всѣ идугъ пѣшкомъ съ озабоченными лицами; на меня, въ русскомъ мундирѣ, смотрѣли какъ на чудо. Зашель я на вашу квартиру и нашель ее хотя незанятою, но все имущество ваше было разграблено, въ углу валялись два серебряныхъ шарфа и зажигательное стекло Драчевскаго; ты помнишь, въ польскихъ войскахъ были шарфы только у генераловъ, и тѣ золотые, а эполеты были у всѣхъ мишурные, поэтому-то ваши серебряные шарфы выброшены какъ негодь, которую я, однако-же, взялъ съ собою. Денщики ваши и солдаты нашей роты, прибывшіе со мной за ремонтомъ, были, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, по распоряженію Хлопицкаго отправлены въ Брестъ-Литовскій, чтобы не содержать большаго числа дармоѣдовъ. О лошадяхъ своихъ я справился въ самомъ началѣ, но сказали, что онѣ въ первую-же ночь разграблены чернью.

¹⁾ Прочь „laudaku“—вонъ, негодяй.

Содержали насъ въ зѣмкѣ хорошо: утромъ подавали кофе или чай, какъ кто хотѣлъ; около 11 часовъ водку съ закускою, во второмъ часу обѣдъ. Говорили, что столъ былъ отъ города, съ платою въ ближайшій трактиръ по 6 злотыхъ (90 коп. сер.) за порцію изъ 4—5 блюдъ, за исключеніемъ вина, которое покупалось въ винномъ погребѣ; въ 7 часовъ вечера приносили намъ чай съ сухарями, а попозже и ужинъ. Все бѣлье постельное и столовое, также серебро было, должно быть, изъ Бельведера, съ императорскимъ гербомъ. Этотъ порядокъ продолжался, помнится, недѣль семь; но русскія войска стали сходитьсѣ къ границамъ Царства, насъ боялись оставить въ Варшавѣ, взяли со всѣхъ подписки въ томъ, что не будемъ убѣгать изъ плѣна, и, наконецъ, отправили всѣхъ въ мѣстечко Вольбожъ Калишскаго воеводства. Полъ-версты отъ мѣстечка былъ упраздненный кляшторъ, и туда-то насъ и запртали. Въ самомъ мѣстечкѣ стоялъ батальонъ коссіонеровъ, кажется, для обученія новобранцевъ, но мы съ ними не встрѣчались или они не отличались одеждою отъ крестьянъ. Жители согласились кормить насъ довольно сходно, такъ что намъ довольно было одного злота на человѣка, т. е. тѣхъ денегъ, которыя мы получали отъ щедротъ временнаго правительства. Эти злотувки раздавались намъ ежедневно, приставленнымъ къ намъ подполковникомъ корпуса ветерановъ, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ исправно; потомъ довольствіе прекратилось и казалось поляки забыли, что мы у нихъ въ плѣну, а можетъ быть и денегъ не было.

Въ числѣ плѣнныхъ былъ 5-й батарейной роты подпоручикъ Данковъ (въ 1835 г. застрѣлился въ штабѣ 3-го округа пахотныхъ солдатъ), человѣкъ весьма расчетливый и всегда при деньгахъ; съ нимъ я вмѣстѣ стоялъ и имѣлъ у него небольшой кредитъ. Спасибо и за то, что я имѣлъ столько, чтобы не голодать, пить какой-то гадкій желтый чай и курить прусскій дрейкенигъ, впрочемъ лучшаго табаку нельзя было достать; ты помнишь, вѣдь, и польскій вакиштавъ гадокъ, а провозъ въ Царство русскаго воспрещенъ. Сѣдой полякъ подполковникъ не долюбивалъ насъ и былъ таки и трусоватъ. Не получая уже нѣсколько мѣсяцевъ своихъ злотувокъ, мы какъ-то разъ собрались всѣ на монастырскій дворъ вооруженные можжевельными палками (изъ можжевельника тамъ вырѣзываютъ палки и совершенно прямые чубуки

саженной длины) и послали за подполковникомъ; онъ, какъ оказалось послѣ, получивъ изъ Варшавы извѣстіе неблагопріятное для польскаго дѣла, прибѣжалъ къ намъ тотчасъ съ улыбкою принужденно-привѣтливою. Мы стали рѣшительно протестовать противъ такого положенія дѣлъ и сказали, что голодъ насъ вынудитъ нарушить данную въ Варшавѣ подписку, — намъ ничего не остается, какъ пуститься въ дорогу, чтобы присоединиться къ своимъ войскамъ. Онъ сталъ насъ просить немного повременить, послалъ тотчасъ въ Варшаву донесеніе и чрезъ недѣлю привезли намъ наше содержаніе за все прежнее время. Трудно себѣ представить какъ мы этимъ деньгамъ обрадовались; вѣдь мы не только затруднялись кормиться, но, главное, мы порядкомъ оборвались. Въ числѣ плѣнныхъ были офицеры казачьихъ войскъ, которымъ, ужъ не знаю почему, содержанія не полагалось. Эти бѣдняки терпѣли крайнюю нужду и должны были изъ-за куска хлѣба наниматься въ поденную работу, преимущественно молотили рожь у своихъ хозяевъ.

Вскорѣ по полученіи изъ Варшавы денегъ, перевели насъ въ мѣстечко Опатовецъ, на Вислѣ, около 8 миль отъ Кракова, на границѣ Галиціи. Здѣсь нельзя было узнать Вислу кто ее видѣлъ въ Варшавѣ: она кажется дрянною рѣченкою.

На послѣднемъ переѣздѣ въ Опатовецъ, ѣхали мы въ телѣгахъ, на волахъ, по два офицера на каждой телѣгѣ; я, разумѣется, ѣхалъ съ Данковымъ. Въ пути застала насъ гроза. Въ Келецкомъ воеводствѣ грунтъ безъ того вязкій, а дождь еще болѣе испортилъ дорогу; волы шагали флегматически, нисколько не ускоряя шага, наперекоръ нашему нетерпѣнію, такъ что мы успѣли промокнуть, что называется, до костей. Переѣздъ этотъ былъ, какъ видишь, крайне непріятенъ, но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону: мы восхищались блескомъ молніи и перекатами грома, съ особеннымъ гуломъ отражавшимся въ горахъ, что для насъ, не бывавшихъ въ горахъ, было совершенно ново.

Начинало смеркаться, когда въѣхали въ Опатовецъ. Данкову надо было съ кѣмъ-то повидаться, и мнѣ указали хату, для насъ двухъ назначенную. Вхожу въ избу и нахожу предъ очагомъ старуху въ слезахъ. Спрашиваю ее по-польски, чего она плачетъ. Она, не оглянувшись, говоритъ: «какъ не плакать, когда намъ сказали, что сегодня москали къ намъ придутъ»,

Спрашиваю: „неужели москаля такъ страшны?“ — „Да какъ-же, у нихъ, говорятъ, по одному глазу во лбу“. — „Не вѣрь ты такимъ глупостямъ, посмотри на меня, старушонка“. Она оглянулась и спрашиваетъ, что мнѣ нужно. „Посмотри, говорю, что у русскихъ, какъ у поляковъ, по два глаза“. — „Да развѣ панъ москаль?“ — „А ты какъ думаешь?“ Она до того была увѣрена, что русскіе не похожи на людей, что просила меня не дурачить ее. Когда вошелъ въ избу Данковъ и стали вносить наши вещи, она стала приходить въ себя, удостовѣрилась, наконецъ, что я говорилъ правду, посматривала на насъ не безъ удивленія, и мы съ нею, понемногу однако, сошлись, а впослѣдствіи она насъ даже полюбила. Прочіе товарищи несчастья имѣли не менѣе интересныя встрѣчи со своими хозяевами; надо звать, въ этой глуши не только не видѣли русскихъ съ 1813 года, но и вообще не видали военныхъ, такъ какъ и изъ польскихъ войскъ никто въ тѣхъ мѣстахъ не бывалъ.

Въ Галиціи войска изъ мѣстнаго населенія были замѣнены венгерскими гусарами, съ которыми мы сошлись. Гусары подъѣзжали такъ близко къ нашему берегу, какъ только закономъ дозволялось, разговаривать не всегда удавалось съ ними на нѣмецкомъ языкѣ, и ихъ можно было на этомъ языкѣ понимать только съ помощію пантомимъ, такъ онъ былъ для насъ непонятенъ. Замѣтивъ нашу бѣдность, они бросали намъ табакъ и бутылки съ разными спиртовыми напитками; то и другое было намъ далеко не по вкусу; но спасибо имъ за расположеніе и желаніе помочь.

Еще въ Вольбожѣ насъ человѣкъ десять, обыкновенно по вечерамъ, послѣ чая, прогуливались вмѣстѣ, большею частью однокашники 1-го корпуса, такъ какъ въ продолженіе всей войны присоединяли къ намъ-же всѣхъ плѣнныхъ оберъ-офицеровъ, а генералы и штабъ-офицеры были въ Межовѣ, недалеко отъ прусской границы. Мы выходили за мѣстечко и пѣли пѣсни. Здѣсь, въ Опатовцѣ, мы продолжали эту забаву. Двѣ версты за мѣстечко, по направленію къ Кракову, жилъ богатый помѣщикъ и хотя никто изъ насъ его не видалъ, но всѣ знали, что онъ москалей не жалуетъ, а потому мы предпочитали противную сторону. Въ семи верстахъ внизъ по Вислѣ было мѣстечко Новомясто, гдѣ находились резервы польской кавалеріи; эти

печальные рыцари какъ-то разъ въ разсыпную бѣжали чрезъ Опатовецъ, кто безъ сапогъ, кто въ башмакахъ, кто босикомъ, иной вооруженный саблею, другой ножами, у третьяго было ружье безъ замка, а у многихъ были только ложи ружейныя; едва десятый былъ на лошади; всѣ крайне изнуренные и по большей части хромые; словомъ, все куда-то спѣшило въ крайнемъ разстройствѣ. Дня черезъ два послѣ пробѣга кавалерійскаго резерва, услышали мы пушечные выстрѣлы; пронесся слухъ, что генералъ Красовскій охотится на польскіе резервы, что дѣйствительно и подтвердилось тѣмъ, что они, ни въ чемъ неповинные, усмотрѣвъ русскія войска, побросали свои ружейныя ложи и сабельныя ножны, просили пощады и затѣмъ распущены по домамъ. Я предложилъ вечеромъ этого самаго дня сдѣлать нашу прогулку по дорогѣ къ помѣщику. Надобно знать, что въ этой мѣстности мы не встрѣчали ни одного крестьянина способнаго носить оружіе, потому что все едва движущееся мужское населеніе взято было на службу. Въ сумеркахъ встрѣчаемъ четырехъ крестьянъ, ѣхавшихъ каждый въ своей телѣгѣ, усердно погоняя лошадей. Я остановилъ одного и спросилъ—не отъ русскихъ-ли они бѣгутъ?

— „Какъ-же не бѣжать отъ нихъ, когда весь хлѣбъ у насъ отняли“.

— Да гдѣ-же москали? спрашиваемъ.

— „Да тамъ, въ корчмѣ“.

Было уже настолько темно, что мы не замѣтили казачьей цѣпи, какъ вдругъ раздался родной возгласъ: „кто идетъ?“ Нельзя себѣ представить магическаго дѣйствія этихъ словъ и какъ мы имъ обрадовались. Въ корчмѣ мы дѣйствительно нашли урядника и человѣкъ десять казаковъ и отъ нихъ-то узнали, что они изъ корпуса Красовскаго посланы освободить плѣнныхъ офицеровъ. Итакъ, урядникъ и не больше 13 казаковъ освободили изъ плѣна 160 офицеровъ и такое-же число нижнихъ чиновъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ, вѣроятно офицеры казачьихъ войскъ, передали нашимъ освободителямъ о недоброжелательствѣ помѣщика и бургомистра мѣстечка, которыми имѣли причины не быть довольными. На другое утро казаки уже владѣли шубою бургомистра и коляскою помѣщика, съ тройкою лошадей. Запряженную коляску предлагали за 60 рублей ассигнаціями, но охотниковъ до такого, слишкомъ дешеваго, товара не оказалось, хотя

въ числѣ плѣнныхъ были нѣкоторые съ деньгами. Въ тотъ-же день нагнали со всѣхъ сторонъ подводы и мы тронулись въ Варшаву.

По доставленіи насъ туда, насъ сдали, и попеченія польскаго правительства, уже несуществовавшаго, окончились. Оказалось, что нашею ротою командовалъ уже баронъ Розенъ и что она расположена недалеко по дорогѣ къ Остроленкѣ, въ деревнѣ Непарентѣ. По прибытіи въ роту, первымъ дѣломъ было отпроситься къ тебѣ въ Сѣдлецъ, чтобы взять денегъ и потомъ озаботиться приведеніемъ въ порядокъ костюма своего. Для похода на зимнія квартиры въ Виленскую губернію ты мнѣ далъ свою вьючную лошадь. Едва успѣлъ я устроить свое хозяйство и привести въ порядокъ обмундировку, какъ недѣли черезъ три пошли мы зимовать въ Янишки, Виленской губерніи. Въ январѣ 1832 г. мы съ тобой свидѣлись, когда ты проѣзжалъ въ отпускъ. Въ февралѣ мы тронулись уже въ Петербургъ. Изъ Риги шелъ я квартирьеромъ. Въ Энгельгардсгофѣ, гдѣ мы, помнишь-ли, въ 1825 г., проѣздомъ познакомились съ теткою Даль и провели у ней сутки,—назначена была дневка. Приѣзжаю туда въ день выступленія 5-й батарейной роты и отправляюсь на мызу, гдѣ квартировалъ полковникъ баронъ Корфъ. Старику Далю сообщили о прибытіи квартирьера роты; онъ вышелъ ко мнѣ, и я, не давая ему замѣтить кто я, сталъ по-русски просить квартиру для своего полковника. „Разумѣется, сказалъ старикъ, могъ одинъ тутъ стоять, то и другому будетъ мѣсто“. Потомъ я уже по-нѣмецки назвался—и старикъ вострепнулся и сталъ звать жену и дѣтей, побѣжалъ имъ на встрѣчу съ радостною вѣстью: „Здѣсь Зеландъ“.

Два дня провелъ я въ этомъ миломъ семействѣ; они прошли скоро и я долженъ былъ съ нимъ распрощаться, чтобы продолжать свое путешествіе съ квартирьерами.

VIII.

Замѣтка.

Прочелъ я въ фельетонѣ „Голоса“, что въ „Русской Старинѣ“ появились воспоминанія о польской войнѣ 1831 г. партизана Давыдова ¹⁾. Понятно, меня это заинтересовало и я поспѣшилъ добыть нумера журнала.

Нечего и говорить, что все, что написано Денисомъ Васильевичемъ Давыдовымъ, читается съ особеннымъ удовольствіемъ. Записки о 1831 годѣ набросаны тѣмъ-же бойкимъ перомъ, но, въ сожалѣнію, отрывочны и заключаютъ въ себѣ критическій разборъ, могущій удовлетворить развѣ вовсе незнакомыхъ съ дѣломъ.

Я находился въ Варшавѣ во время возмущенія, участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ 1831 г. и, прочитавъ записки Давыдова, пришелъ къ заключенію, что онъ ихъ набросалъ въ свободное время, съ намѣреніемъ провѣрить въ свое время и тогда развѣ отдать на судъ публики. Иначе трудно объяснить критическій разборъ его о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, явно противорѣчащій тѣмъ даннымъ, о вѣрности которыхъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ бывшіе на Мокотовскомъ полѣ при цесаревичѣ.

Воспоминанія Давыдова заключаются въ пространныхъ выпискахъ изъ Солтыка, мало разъясняющихъ введенія къ событіямъ,—критикуются распоряженія главнокомандующаго и великаго князя и, наконецъ, уже читаешь съ удовольствіемъ бойкій рассказъ его о встрѣчахъ съ бандами и отрядомъ Дворницкаго, въ которыхъ принималъ участіе самъ авторъ.

Въ защиту сужденій Давыдова о Дибичѣ ни слова не скажу. Факты, приведенные въ моихъ запискахъ, доказываютъ, что онъ, въ сожалѣнію, частенько работалъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ; возмущаетъ меня то, что авторъ былъ предупрежденъ противъ великаго князя и, какъ видно, довѣрялъ распространявшимся о немъ въ арміи нелѣпымъ слухамъ.

Распоряженія его высочества критикуются на основаніи данныхъ, которыя могли подвернуться автору только въ польскихъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1872 г., томъ VI, „Записки партизана Дениса Давыдова.—Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830—1831 гг.“, и замѣтку К. В. Чевкина о запискахъ Давыдова („Русская Старина“ 1894 г., т. XLI).

источникахъ, а эти источники тридцатыхъ годовъ лгали все наперерывъ безъ зазрѣнія совѣсти. Желаящихъ въ томъ удостовѣриться отсылаю для примѣра къ сочиненію Шпадира, вышедшему въ 1832 г. на нѣмецкомъ языкѣ, если хватитъ у нихъ терпѣнія читать „не любѡ—ве слушай, а лгать не мѣшай“. Записки Давыдова могли-бы удовлетворить всякаго, если-бы онъ ограничился откровеннымъ изложеніемъ событій, въ которыхъ самъ принималъ участіе, не прибѣгая къ выпискамъ, къ ссылкамъ и не вдаваясь въ критическій разборъ, основанный на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ.

Давыдовъ говоритъ, что цесаревичъ 17-го (29-го) ноября 1830 г. выступилъ, въ ночь, съ русскими и вѣрными ему польскими войсками въ деревню Виржбу, въ числѣ 8,000 чел. и 28 орудій. На этихъ данныхъ основаны соображенія автора, какъ его высочеству поступить слѣдовало въ ту-же ночь или даже на другой день, покуда польскія войска не успѣли наводнить Варшаву.

Тутъ все невѣрно. Всего было въ Варшавѣ русскихъ войскъ: Литовскій и Волинскій полки въ двухъ-батальонномъ составѣ и три полка кавалеріи, все въ некомплектномъ составѣ, а артиллерія, въ числѣ 24 орудій, стояла, пѣшая въ пяти и конная въ девяти миляхъ отъ Варшавы, въ Гурѣ и Скерневицахъ; учебныя-же 4 орудія, бывшія при зимней школѣ юнкеровъ артиллеріи и саперъ, хотя были снабжены зарядами и лошадьми, не имѣли прислуги и какъ-бы отданы были для сбереженія волинскимъ казармамъ. Въ запискахъ-же своихъ я упомянулъ о томъ, что, по предварительному распоряженію, пѣхотѣ слѣдовало оставаться при Волинскихъ казармахъ и на Марсовомъ полѣ и только во вторую ночь дошло до нихъ приказаніе прибыть на Мокотово, слѣдовательно, въ моментъ возстанія, при цесаревичѣ было всего три полка кавалеріи, полкъ польскихъ шассеровъ, 4 орудія польской конной артиллеріи, заблудившіяся въ темнотѣ и нехотя примкнувшія къ нашей кавалеріи, и, наконецъ, офицерскій караулъ 4-го линейнаго полка, бывшій, если не ошибаюсь, у замка, откуда онъ, отстрѣливаясь, отступилъ къ Бельведеру. Когда именно прибыла артиллерія изъ Гуры и Скерневицъ—я не знаю, но, во всякомъ случаѣ позже 30-ти часовъ отъ начала возмущенія. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что оставшіяся при его высочествѣ, по желанію или случайно, польскія войска не только не составляли

силы, но, напротивъ, служили помѣхою во всякомъ серьезномъ предпріятіи; думаю, что и самъ Давыдовъ не рѣшился-бы ихъ употребить противъ своихъ-же. Мнѣ могутъ возразить, что вѣдь можно-же было тотчасъ присоединить пѣхоту. Сомнѣваюсь, ибо, до полученія во вторую ночь приказанія идти на Мокотово, мы никакихъ не имѣли свѣдѣній какъ о цесаревичѣ, такъ и о кавалеріи, а уже потомъ узнали, что разосланные его высочествомъ адъютанты Гогель и Грессеръ были ранены; слѣдовательно, сообщеніе было затруднено и можетъ даже быть, что не было связи между пѣхотнымъ и кавалерійскимъ отрядами. Впрочемъ, пѣхота, непрерывно посылая патрули, разстрѣляла до половины своихъ патроновъ; правда, по предварительному приказу, стрѣлять не слѣдовало, но, спрашиваю, возможно-ли было не защищаться огнемъ и штыкомъ противъ пьяной и вооруженной сволочи, потѣшавшейся стрѣльбою въ русскія войска?

Вся вина его высочества состояла въ томъ, что заблаговременно не принято было мѣръ для предупрежденія взрыва. Можно также допустить, что командиры пѣшихъ гвардейскихъ полковъ имѣли секретныя инструкціи, но оба командира какъ Литовскаго, такъ и Волинскаго полковъ, генералы Энгельманъ и Есаковъ, задержаны были бунтовщиками въ первую ночь, на пути въ своимъ частямъ, а начальство приняли старшіе полковники—Грабе и Овандеръ, не знавшіе что имъ дѣлать.

Предубѣжденіе Давыдова противъ его высочества проглядываетъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ путешествіе свое верхомъ съ гвардейскимъ отрядомъ, когда онъ въ мартѣ мѣсяцѣ направился чрезъ Коцкъ къ Люблину. Онъ нашелъ, что гвардія варшавская изнурена, въ лохмотьяхъ и развѣ годна для парадовъ, но пороку не нюхала и для боя не годна. Вся эта тирада дышетъ желаніемъ подтрунить надъ гвардіею, вообще не любимою Давыдовымъ. Полки варшавской гвардіи хотя и вышли въ походъ не приготовившись къ нему, но были одѣты и обуты весьма хорошо, и во всю войну отличались отъ прочихъ войскъ привычною имъ опрятностію. Что-же до боевой способности этого отряда, слѣдуетъ замѣтить, что Денисъ Васильевичъ, описывая въ одномъ мѣстѣ выигранное имъ сраженіе противъ польской банды, не упустилъ замѣтить, что въ числѣ сражавшихся противъ него былъ полкъ польской гвардіи. Конечно, замѣтка

сдѣлана, чтобы возвысить въ глазахъ читателя цѣну одержанной побѣды. Но подлежитъ, развѣ, сомнѣнію, что гвардія въ Варшавѣ, и наша и польская, была обучена одинаково, и если части русскаго отряда, до встрѣчи съ Давыдовымъ, не всѣ были обстрѣлены, то этимъ не доказывается ихъ неспособность къ бою. Правда, полки гвардіи мало употреблялись въ дѣло, но что они были хороши въ боевомъ отношеніи—доказали уланы подъ Гроховымъ, Волынскій подъ Вильною на Панарскихъ высотахъ и, наконецъ, охотники гвардейской пѣхоты на штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій.

Сентябрь 1872 г.

А. Л. Зеляндъ.

